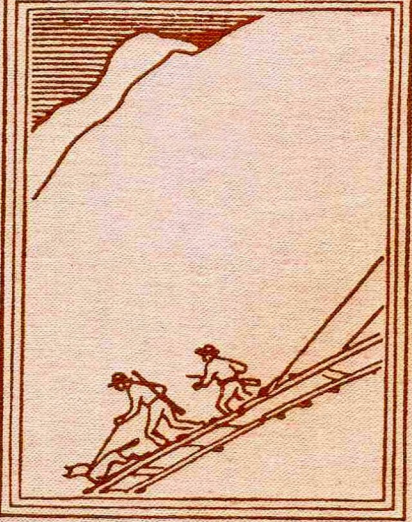


В. ДРУЖИНИН

ТРОПА СЕЛИМ-ХАНА

ДЕТГИЗ

Тропа Селим-хана

Владимир Николаевич Дружинин

Аннотация
В. Дружинин. ТРОПА СЕЛИМ-ХАНА. •. КТО СКАЗАЛ, ЧТО Я УБИТ?. •. ДВА И ДВЕ СЕМЕРКИ
ТРОПА СЕЛИМ-ХАНА
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17

18
19
От автора
КТО СКАЗАЛ, ЧТО Я УБИТ?
1
2
3
ДВА И ДВЕ СЕМЕРКИ
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14

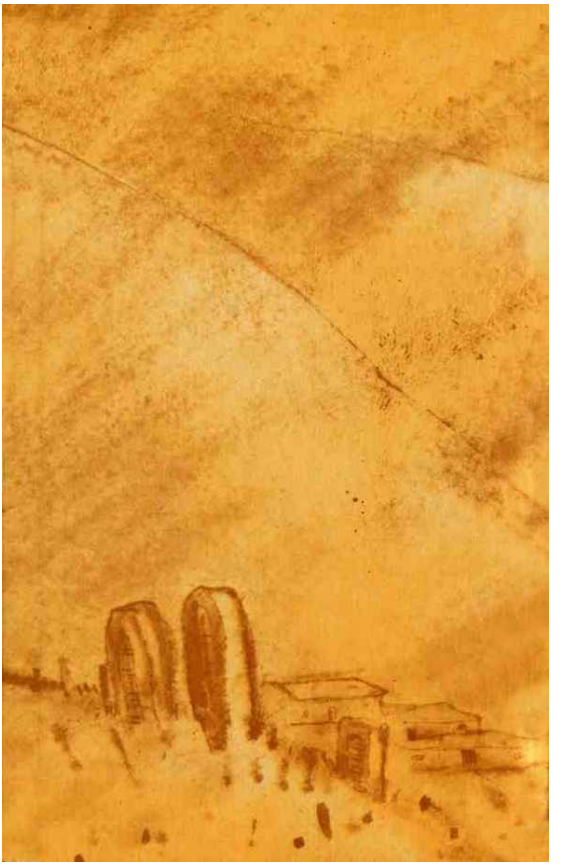
Аннотация

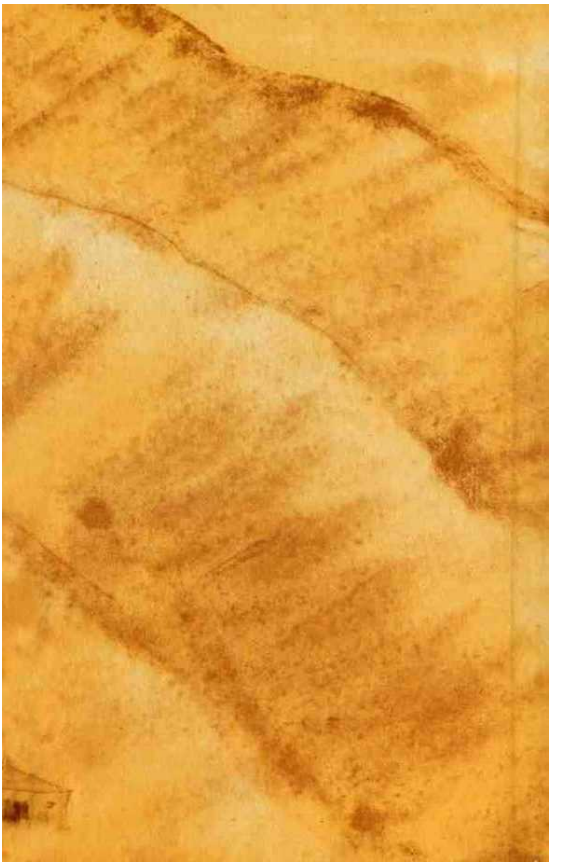
Границы нашей страны сильно изменились. Сплошная цепь враждебных капиталистических государств, опоясывавших Советский Союз, рассыпалась. Теперь большинство наших соседей — страны, строящие социализм. Но капиталистическое окружение продолжает существовать и кое-где непосредственно подступает к нашим границам.

На боевом посту по охране государственных интересов нашей Родины стоят воины-пограничники. Немало написано уже о их героических делах и, наверное, еще немало будет написано. Ведь если сузились возможности империалистических разведок по организации провокаций на границе, то наши расширившиеся связи с зарубежными странами позволяют им засылать своих агентов под видом туристов и коммерсантов. Но пограничники и здесь дают им отпор.

О боевых буднях пограничников сегодняшнего дня вы и узнаете из повестей, помещенных в этой книге.

Рисунки *В. Равкина*.





БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ
И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

ЛЕНИНГРАД ~ 1963

В. ДРУЖИНИН

ТРОПА СЕЛИМ-ХАНА

КТО СКАЗАЛ, ЧТО Я УБИТ?

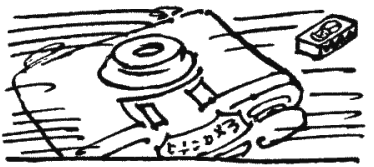
ДВА И ДВЕ СЕМЕРКИ

РИСУНКИ
В. РАВКИНА

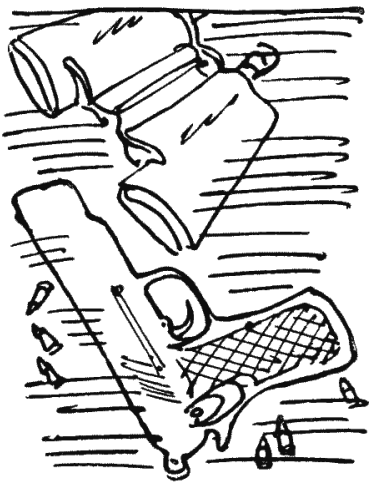
Государственное Издательство Детской Литературы
Министерства Просвещения РСФСР

В. Дружинин
ТРОПА СЕЛИМ-ХАНА
•
КТО СКАЗАЛ, ЧТО Я УБИТ?
•

ДВА И ДВЕ СЕМЕРКИ



ТРОПА СЕЛИМ-ХАНА



ТРОПА СЕЛИМ-ХАНА

Осенью 195... года я гостил в Грузии, у моих друзей-пограничников.

— Эх, приехать бы вам пораньше! — говорили мне. — Тут такое творилось...

Увы, я не был свидетелем памятного поиска. И мне пришлось вооружиться блокнотом, знакомиться с участниками событий.

Сейчас они словно обступили меня. Вот Игорь Тверских со своей собакой Гайкой. Вот братья-близнецы, связисты Весноватко, из которых один — верзила Антон — известен как «старшой», хотя он старше худощавого, веснушчатого Димитрия всего на полчаса. Я вижу черные, чуть насмешливые глаза Лалико, дочери Арсена Давиташвили, знатного чабана. Вижу старожила границы-подполковника Романа Нащокина.

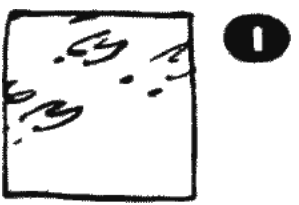
Вижу неторопливого, дотошного следователя Вахтанга Ахметели и многих других хороших людей.

Передо мной дергается, закатывает глаза Нияз-Мехмед-оглы, бандит с повадками юродивого. Его я тоже видел и слышал его показания на суде.

С начальниками Нияза, организаторами «Рикошета» мне встречаться не приходилось. Восполнить пробел помогли записки Сайласа Дарси, недавно опубликованные за границей. Я выбрал из них наиболее существенное и перевел. Читатель найдет здесь подлинные отрывки этого примечательного документа.

Собственные имена и географические названия мною частично изменены.

1



— Все ясно, — сказал Сивцов.

Он поглядел на ручей, вздувшийся от недавнего ливня. Нет, дальше идти незачем. От пролома в заграждении собака привела прямо сюда, к водопою.

Часто дыша, она обнюхивала следы. Свет луны упал в лощину, ручей блеснул, как выхваченный из ножен клинок, и на берегу, в вязкой черноте ила, резче обозначились отпечатки острых, раздвоенных копыт.

Сивцов нагнулся, измерил промежутки. Да, все ясно — кабан. Старый, грузный хряк, пудов на десять. Он шел вразвалку, лениво вытаскивая ноги из ила. Тут он стоял и пил из ручья — вон как глубоко вдавились копыта.

— Мяса-то пропадает, товарищ капитан, — вздохнул солдат Тверских, — сила!

Были еще следы — давние, размытые ливнем. Сивцов не раз видел, как сверху, из леса, поясом охватившего гору, двигались к водопою дикие кабаны: мохнатые, клыкастые секачи и гладкие, розово-серые поросята. Страсть охотника Сивцову незнакома, но рука его невольно тянулась к оружию. Жаль, стрелять нельзя: рядом граница.

Солдат притянул к себе собаку за поводок, потрепал по маслянистой холке.

— Гайка, Гаечка, — басовито выпевал он. — Нам

бы с тобой отбивную свежую, а?

«Почему именно гайка? — подумалось Сивцову. — Длинная, поджарая, остроухая. Странные клички достаются собакам...» Мысли начальника заставы возвращались в спокойное русло.

— Или шашлыку, — басил Тверских. — Шашлычку из свинины, а? Как ты считаешь, Гайка, а?

Сивцов еще раз оглядел берег у водопоя. Как много на нем кабаньих следов! Нет, идти дальше не имеет смысла. Такие «нарушители», почитай, каждую ночь ходят. Правда, кабаны редко рвут колючую проволоку. Чаще всего раздвигают. Но удивляться нечего — проволоку разъела ржа. Оборванные концы ее стали рябиново-красными. Понятно, она не могла выдержать напора огромного зверя. Там, у проволоки, на каменистом грунте, кабан не оставил явственных следов, но зато потерял клочки своей шерсти. Волоски, жесткие, совсем свежие волоски, повисли на стальных шипах.

— Товарищ капитан, — сказал Тверских, — сколько я ни ел шашлыка, — он развел руками, как бы желая показать количество съеденного, — а такого, как в Тбилиси, нигде нет. Заверяю железно! Там ресторан на горке есть. Ресторанчик — будь здоров!

— Ох, Тверских, — вздохнул Сивцов. — Ох, товарищ Тверских!

— Слушаю вас, — отозвался солдат и повернул к Сивцову широкое, костистое лицо.

— Глупости у вас в голове, вот что. И потом — бросьте вы, наконец, эти словечки — «железно», «классно». Так выражается отсталая часть молодежи, а вы пограничник. Возьмите Тургенева. Как у него…

Пример из Тургенева, однако, не шел на ум капитану, и он замолчал.

— Идите! — закончил он.

Тверских подхватил поводок. Тотчас он и остроухая Гайка исчезли в кустарнике.

Сивцов не спешил. Для порядка он осмотрел кусты, потом еще раз побывал у пролома в ограде и поднялся к заставе. В канцелярии мерцала притушенная керосиновая лампа. Капитан взял трубку телефона: вызвал комендатуру.

— Очередной кабан, — сообщил он.

— Добро, — ответил дежурный. — Спокойной ночи, Леонид Петрович.

Сивцов усмехнулся. Спокойной ночи! Шутит он или всерьез? Коли всерьез, — значит, плохо представляет себе, каково здесь, на заставе, ночами.

Он, Сивцов, не ляжет, пока не проверит наряды.

Так уж положено. Участок не маленький, до утра на ногах. Удастся ли поспать потом, неизвестно.

Капитан задул лампу, запахнул плащ, вышел. Тропа взмыла круто вверх, сделалась скользкой, трудной. Черная туча покрыла луну, но капитан шагал уверенно, машинально поднимал ногу над камнем, перескакивал через ямы.

За годы службы на заставе Сивцов приобрел способность «видеть ногами», способность, отличающую старожила границы и всегда восхищающую новичка. Кручи, которые некогда казались неприступными, карнизы, вызывавшие когда-то дрожь и болезненное томление под ложечкой, стали ему привычными.

Он чутьем уловил среди камней солдат, ответил на оклик «Стой!» Еще выше, у кромки снега, встретил дозор. Снег — запоздалый остаток зимы, суровой и долгой — широким языком тянулся от самого гребня горы. Сивцов спросил солдат, не заметили ли они следов на снегу, и, не довольствуясь ответом, сам осмотрел ноздреватую фирновую залежь. Ветер тормошил плащ, от фирна тянуло острым холодком и сыростью. Сивцов поднялся еще выше, на гребень, под самые облака. В ясную пору отсюда на десятки километров открывались каменные волны гор: на юге — чу-

жих, на севере — наших. Сейчас здесь клубилась непроницаемая для глаза сырая муть. Только чувство границы, въевшееся в плоть и кровь, подсказывало, что тут конец советской земли!

Наряды окликали капитана, он выслушивал доклады. Солдаты говорили тихо; обычные слова звучали у них по-особому значительно, а один, совсем еще юный пограничник, опасливо поглядывая в чужую сторону, не докладывал, а заговорщически шептал, и Сивцов не сдержал улыбку.

Он понимал юношу. Очень-очень давно Сивцов сам был новичком.

Все это время поток мыслей, рожденных ночной тревогой, не прекращался. Сивцов испытывал досаду оттого, что нарушитель — всего-навсего очередной кабан. Как раз теперь пригодился бы настоящий нарушитель. Даже очень! Недавно застава прошла проверку. Стреляли средне: мешала плохая погода. Проверявший офицер не брал во внимание того, что заместитель Сивцова целых три месяца проболел. Словом, заставе не повезло. Она хоть и не на последнем месте, но уже не в числе лучших. И Сивцов знает: ничто так не выручает в подобном положении, как задержание нарушителя. Пусть он даже сам напорется на

секрет, сам толкнется в руки!

А ведь застава раньше считалась передовой! Да, не повезло…

Сивцов разволновался и ускорил шаг. Взять вопрос комплектования! Разумеется, нельзя требовать отборных лыжников, обученных альпинистов, но все-таки… Вон по каким кручам, по каким зубцам проложена линия границы! Летом шею сломать можно, а уж зимой, когда пурга валит с ног… Было бы правильнее назначать на самый трудный участок солдат покрепче, посильнее телом и духом. А то… Взять хотя бы Тверских. В прошлом у него ряд проступков: пререкания, а один раз даже выпивка. Спрашивается: если его в резерве при штабе отряда не могли наставить на истинный путь, то почему Сивцов должен исправить! Одни словечки Тверских чего стоят — «классно!», «железно!» Тьфу!

На заставе Тверских немного подтянулся, но все же один неприятный казус был. Поступила жалоба от местного жителя. Пришлось дать взыскание и напомнить, что негоже так себя вести советскому воину, да еще сыну Никифора Тверских, героя-пограничника.

Сивцов за всех в ответе. И никого не касается, что у Сивцова четвертый месяц нет замполита…

Размашистой походкой Сивцов спускался по травяному склону. Солнце уже золотило гребни хребта; первый луч скользнул в долину, зажег капли росы на траве, уперся в белый дувал заставы.

В домике еще спали. Сивцов встал на цыпочки и тихо, чтобы не разбудить жену и пятилетнюю Верочку, прошел к кровати. Лег, накрылся шинелью, свесил ноги в тяжелых сапогах.

Через два часа его разбудили. Звонили из комендатуры. Пока Сивцов бежал к телефону, на ходу надевая гимнастерку, ночная тревога вновь ожила для него. Вдруг он что-нибудь упустил! Но нет, голос дежурного в трубке был будничный, спокойный.

— Слышь, Петрович! Ты намерен пахать контрольную полосу?

Сивцов повеселел. Да, о кабанах можно забыть. Намерен ли он пахать? Непременно. А то совсем зарастет.

— Давай людей. Трактор свободен.

Начинался новый день на заставе. Начинался обычно. Солдаты выносили на солнце плащи и шинели, отсыревшие в наряде. В умывалке звенели рукомойники. Старшина Кондратович, коренастый, румяный белорус, выбежав в трусах

к турнику, подскочил, завертелся, спрыгнул наземь, похлопал в ладоши.

— Тверских за трактором, — сказал Сивцов старшине.

— У нас еще есть водитель, комбайнер даже. Коломиец Степан. Тверских я отпустил, — разминая ладони, сказал старшина. — Он с собакой занимается.

— Что ж, это неплохо. Пусть тренирует Гайку. Раз так, за трактором пойдет Коломиец с напарником.

— Товарищ капитан, — старшина смутился. — Тверских на кочевье просится. Я думаю, можно разрешить. На вечер, в воскресенье.

— А по-моему, нельзя, — отрезал Сивцов. — Опять мне краснеть из-за него?

— Он осознал, товарищ капитан.

— Нечего ему там делать.

Капитан круто повернулся. Всегда старшина защищает Тверских, не хочет понять…

В канцелярии он включил репродуктор. Москва передавала последние известия. Целинные земли сдают хлеб. Ангара остановлена мощной плотиной. Сивцов слушал, делал заметки в тетради для беседы с солдатами.

О ночной тревоге он уже не вспоминал.

2

Тверских и молодой белобровый солдат Баев с собакой Гайкой сошли с большака и углубились в лес.

Гайка шла степенно, слегка натягивая поводок. Вдруг черный комочек мелькнул в траве, укатился под валежник. Гайка шарахнулась в сторону.

— Ты брось, брось, Гайка, не дури! — сказал Тверских, сдерживая собаку. — Это же мышка, глупая ты! Срамишь меня. Служебная собака, а мышей боишься. Эх, ты! Просто стыдно…

Гайка уже забыла про мышь. Она заинтересовалась птицей, гомонившей в кустарнике. Навострила уши, потянула поводок.

— Фу! Гайка! Была бы ты охотничьим псом… тогда другое дело…

Баев отстал; он залез в малинник и набивал

рот ягодами. Круглое лицо его сияло от удовольствия.

— Ты не подводи меня, — увещевал Тверских Гайку, — ладно? И тебе хорошо будет, и мне. Глядишь, и похвалят нас. Может, капитан меня на кочевку отпустит.

Тверских дал выход наболевшему чувству. Кочевье манило его по очень простой причине: там Лалико.

Познакомился он с ней весной в Сакуртало, в Доме культуры. Они танцевали. Большие глаза Лалико, черные, строгие, смотрели на солдата испытующе и, как ему показалось, не без симпатии. На прощанье он сказал уверенным и несколько небрежным тоном, что будет ждать ее в ближайшую субботу, в семь вечера, у ворот городского парка. «Не знаю», — ответила она смущенно и, к недоумению Игоря, не пришла. Он узнал ее адрес, разыскал дом на окраине Сакуртало. Калитку открыл отец. «Лалико нет дома», — сказал он, смерив солдата суровым взглядом. А только сейчас алела в саду косынка девушки! Стояла там, под навесом из виноградных лоз, и убежала! Через день Игорь повторил визит. Стучать он, однако, не осмелился. Долго бродил вокруг, ждал, не выйдет ли Лалико за водой к фонтану, не откроет ли

ее рука окно.

Дом словно вымер. Солдат подозвал мальчишек, гонявших мяч, и те подтвердили, что хозяев нет, уехали в горы, на кочевку.

В тот же вечер сгоряча Игорь написал письмо Лалико. Не все получилось так, как надо, в этом письме, и солдат жалел потом, что опустил его в ящик. Были там и упреки — исчезла, мол, не предупредив, — и жалобы. Не привык-де он, Игорь Тверских, к такому обращению.

Лалико не ответила. Игорь послал второе письмо, но и оно осталось безответным.

Стороной он выяснил, что отец Лалико, Арсен Давиташвили, лучший чабан колхоза имени Руставели, — человек старозаветных правил. Сам подбирает жениха для дочери. Сватаются за нее двое: армейский офицер-украинец и местный горожанин-грузин, технорук консервного завода.

С горя Игорь решил выпить и прибыл в казарму из увольнения навеселе. Получил взыскание. В третьем письме убеждал Лалико не подчиняться тирану-отцу. Лалико по-прежнему молчала…

Вскоре Игоря перевели на заставу. И вот недавно нежданно-негаданно он встретил Лалико. Шел с пакетом в комендатуру, а она гнала по дороге тонконогого бурого бычка и словно не узнала

Игоря. Он загородил ей путь, остановил, шутя потребовал пропуск в пограничную зону. Она показала. Тронула хворостиной бычка, двинулась было дальше — и тут бы Игорю поговорить с ней по-хорошему, а он встал на дороге и сурово сказал: «Все равно нельзя. Запретная зона».

Вот как это вышло. Конечно, никакого запрета не было; он выдумал это, чтобы удержать ее. Глаза Лалико гневно сверкнули; она, не проронив ни слова, повернулась спиной и оставила Игоря растерявшегося, уничтоженного.

Так и заварилась каша. Арсен прискакал к начальнику заставы и заявил, что Тверских проходу не дает Лалико, да еще оскорбляет его, обзывает тираном. Что выдавать дочь насильно замуж он и не думает, а только дает ей советы. Что Лалико, девушка разумная, видит, кто лучше, офицер, технорук или невоспитанный мальчишка, который к тому же падок на водку и похвалиться может разве только взысканиями.

Игорь был в наряде. Потом он пытался объяснить капитану, как все получилось, но куда там! Начальник слушал с неудовольствием, а потом начал выговаривать: «Вы его не знаете, а городите про него черт знает что!» И прибавил неизменное, что Игорю Тверских, сыну Никифора

Тверских, должно быть стыдно вдвойне.

Ох, как часто слышал Игорь напоминания об отце!

Душу свою он излил старшине Кондратовичу… «Голова еловая, — сказал старшина, — ты же сам во всем виноват». Он повернулся к своей женегрузинке. «А ты, Саломэ, как меня мучила! Я же тогда есть не мог, пять килограммов потерял. Верно?» По мнению старшины, Игорь с самого начала испортил дело. Нечего было стучаться в дом без приглашения. «Самое правильное было бы — извиниться!» — сказал старшина. Что ж, Игорь согласен. Но ведь для этого надо увидеть Лалико.

Горестные думы не покидали Игоря. И Гайка, умная, чуткая Гайка как будто сочувствовала ему, помахивала хвостом, поводок дергала мягко, уважительно…

Пограничники вышли на тропу. Она пересекала край леса, глухой, самый удаленный от человеческого жилья, Весной Гайка брала след всего-навсего трехчасовой давности. Но Игорь поверил в собаку. Говоря на языке пограничников, она обнаружила интерес к проработке следа. Интерес! Игорь смеялся, когда впервые, на курсах, услышал это слово в применении к собаке. А ведь иначе и не скажешь! Гайка старалась. Она так хо-

тела заслужить ласку! Так волновалась на следу, так сокрушалась, потеряв его! Правда, характер у Гайки не безупречный: то закапризничает, то вроде бы замечтается. Вкусную еду вообразит или другую какую собачью радость. На заставе и сейчас не очень-то ценят Гайку. Капитан Сивцов склонен считать ее достижения случайностью.

Что же он скажет, когда Игорь доложит: Гайка взяла десятичасовой след!

Это было вчера вечером, на тренировке. Баев свидетель. Тверских хотел доложить сразу, но раздумал. Сперва надо проверить.

Вчера же, после занятий, проложили новый след. Вот минуло уже больше десяти часов. Сейчас Гайка держит новый экзамен.

Там, где след пересек тропу, Гайка остановилась, ткнулась в землю, засопела, тихонько визгнула, рванула поводок и отыскала человека, спрятавшегося в кустах.

Хорошо! Хорошо!

Гайка подпрыгнула, лизнула Игорю руку. Молодец, Гайка! Игорь не мог, конечно, ограничиться коротким уставным «хорошо».

— Ну, Гайка, удружила! Законно! — восклицал он. — Десять часов! Поняла? — Игорь поднес к морде собаки часы, показал пальцем стрелки. —

Знаешь время? Ничего, научишься. Правильно, Баев, натаскаем? И считать научим, как в цирке. — Его подмывало шутить, смешить круглолицего, улыбающегося новичка Баева. — Доложим теперь капитану. Железно! Шагаем докладывать, живо!

На радостях его тянуло говорить с Гайкой, говорить без конца. Правда, в книге написано, что собака понимает только слова команды, которым ее обучили. Но Игорь не мог примириться с этим. Его Гайка умнее!

— А сахару хочешь? А?

Он дал собаке два куска, высшую и редкую награду. Двинулись обратно.

Гайка резвилась; она явно радовалась удаче. Ее тянуло гоняться за бабочками, разрывать кротовые кучи, забраться в нору барсука. Вдруг поводок натянулся — Гайка, дрожа от нетерпения, обнюхивала какой-то предмет на траве. Игорь оттащил Гайку.

— Палка, обыкновенная палка…

Он все же поднял палку. Да, ничего особенного в ней нет. Однако она недавно побывала в чьих-то руках. Кто-то вырезал ее в лесу, очистил кору. Зачем? На тросточку она не похожа — коротка и оба конца тонкие, не на что опереться.

Но мало ли на что может пригодиться такая

палка! С ней удобно ходить по грибы, по ягоды, раздвигать малинник… Ну, да, Игорь точно такие видел у ребят с кочевок. Он уже размахнулся, чтобы отшвырнуть находку.

— Бросить всегда успеем, — сказал Баев. — Наше дело — доложить.

— Логично. На, держи!

Баев взял находку почтительно, двумя пальцами и так понес.

Гайка виляла хвостом, подскакивала, как бы одобряя решение взять палку.

— Гайка все понимает. — Игорь погладил собаку по голове. — Она, брат, образованная… Покажем палку капитану; ему виднее…

Гайка ответила Игорю быстрым, преданным взглядом и послушно побежала. Солдаты едва поспевали за ней.

3

— Товарищ капитан, — доложил Игорь сияя. — Гайка взяла десятичасовой след. Вот она, долгожданная минута! Уж если и эта новость не тронет начальника заставы, тогда его, надо полагать, ничем не проймешь.

Игорь хотел сделать паузу, чтобы насладиться эффектом, но не вытерпел и с азартом продолжал:

— Работали с ней по следу… Она не первый раз так, она еще вчера тоже…

Этого он не собирался открывать. Невзначай слетело с языка. Сивцов чуть улыбнулся.

— Что же вы вчера не доложили?

— Да я… — Тверских смутился. — Сразу как-то боязно, товарищ капитан. Не хотел обмишуриться…

— Как? Как?

— Семь раз примерь, как говорится…

— Значит, уверенности не было? Ясно, Тверских. Откуда она появится, коли вы занимаетесь с собакой рывками. То гоняете ее сверх всякой нормы, то забываете про нее.

Игорь опешил. Вон как он повернул! Правда, в начале года он тренировал Гайку нерегулярно, программу не выполнил. Но последнее время он занимался хорошо и как будто наверстал упу-

щенное.

— Исправлюсь, товарищ капитан, — произнес он упавшим голосом. — Разрешите еще доложить, — и он опустил на стол перед Сивцовым палку, найденную в лесу. — Гайка схватила. Реагировала крепко.

Он пояснил, где лежала палка. Сивцов взял, повертел перед глазами, кивнул.

— Ладно, Тверских. Завтра я сам проверю вашу Гайку. Идите отдыхать.

Солдат вышел. Сивцов покачал головой. Эк, топает! Потом взгляд капитана упал на находку. Мало ли палок валяется в лесу! Если все подбирать… Однако он поставил ее в угол, у этажерки с книгами, рядом со своей тростью.

— Развелось же кабанов! — сказал он дома жене Полине. — Житья от них нет.

Тем временем Игорь нахохлившись сидел на койке. Пробовал читать, но строки сделались точно немыми. Разговор с капитаном не шел из головы. «…уверенности не было, Тверских!» — слышалось солдату. Это в Гайке-то! Да ведь она же первоклассная собака! Только для того он, Игорь, и повторил упражнение, чтобы окончательно убедиться.

«Уверенности нет»! Еще что? И как это он не

вспомнил сегодня Никифора Тверских, отца, на которого Игорь непременно должен быть похожим?

Собственно, Игорь и не возражает. Кому неохота стать героем! Но когда в тебе хотят увидеть чуть ли не все черты отца, упрекают тебя, огорчаются оттого, что ты все еще не похож на него, тычут в нос — это уже слишком!

Он, Игорь, сам по себе. Начать с того, что и биография у него необычная. Двух лет от роду его взял к себе, укрыл от немцев белорусский крестьянин Петро Игнатюк. Игорь и сейчас в письмах зовет старика отцом, а его жену Клавдию Антоновну — матерью. От них он узнал, что родной его отец был начальником заставы и в первое утро войны принял неравный бой и погиб, а мать была в это время в Орше, и там ее убила фашистская бомба.

Когда Игорю было двенадцать лет, в село приехал писатель из Москвы, собиравший материалы о Никифоре Тверских, о его славной заставе. Года через полтора в школе получили книжку с портретом отца на переплете. Так вот он какой! Ни у кого в селе не было фотографии отца и никто не мог рассказать так хорошо, с такими подробностями о том, как пограничники зарылись в землю и три дня держали оборону, бились

с врагом до последнего патрона. Игорь всегда гордился своим отцом — героем Никифором Тверских, но Игнатюки как были для него, так и остались по-настоящему близкими. И, наверное, Игорь доучился бы в сельской средней школе и стал бы трактористом или полеводом, если бы не произошло неожиданное…

Объявился дядя Игоря, полковник. Приехал, увез его к себе в Москву. Квартира в центре столицы, летом дача, прогулки в машине. Игорь попал словно на другую планету. Полковник и его жена — артистка — бездетные, привязались к Игорю, дали ему полную свободу. «Кровь у парня здоровая, сибирская, не свихнется», — говаривал дядя. У Игоря появились деньги, новые друзья. Иногда он после шумной вечеринки оставался у них ночевать и опаздывал на уроки. Потом оказалось: один из его приятелей знакомился с иностранцами, спекулировал заграничными галстуками, джемперами, рубашками и угодил в тюрьму. Другой учинил в ресторане драку. А Игорь считал их своими — такими «законными» ребятами! Он и сам свихнулся бы, если бы не честность, не уважение к труду, привитые в колхозе, в доме Игнатюков.

Тетя Агния, артистка, усмотрела у Игоря сцени-

ческие данные. Игорь уже вообразил свое имя на афишах, в мечтах видел себя раздающим автографы у ворот киностудии «Мосфильм». Но дальше участия в массовых съемках дело не пошло.

Настала пора призыва. Игорь возмечтал о морской службе, рисовал себе штормовые вахты, берега неведомых стран. Но дядя был непреклонен в одном: сын Никифора Тверских должен служить на границе! Убеждал Игоря, упрашивал, наконец уломал. Дал знать в военкомат, и вот Игорь на границе. Несколько удивленный новым поворотом своей судьбы, он толком еще не представлял себе, кем будет. И если бы не Осадчий…

Иван Осадчий, любитель и знаток собак, поведал солдатам-новичкам, как он и его пес Наждак задержали восемь нарушителей. Восемь! Потом Осадчий спросил, кто желает поступить в школу инструкторов. И Тверских вызвался. Рука как-то сама поднялась.

И вот он инструктор, у него есть собака, умная, понятливая Гайка! Игорь убежден, что ему досталась редкая, выдающаяся, талантливая помощница.

Когда же его Гайка встретит полное признание на заставе? До боли обидно за нее Игорю. Нет, он не успокоится. Он докажет капитану. Напишет в

округ, Карацупе.

Вот это лучше всего! И откладывать незачем. Игорь достал из тумбочки конверт, бумагу, взболтал чернила в пузырьке. Но в ту же минуту во двор, с шумом уминая гальку, въехала машина. Игорь глянул в окно. Из машины вылезли два офицера. Он знал обоих. Коренастый полковник, с широким скуластым лицом, — Чулымов, начальник отряда. Другой, высокий, румяный, в ярко начищенных сапогах, — подполковник Нащокин из политотдела округа. С ними еще два офицера.

Нащокину и надо сказать про Гайку! Он политработник; обратиться можно прямо, минуя инстанции. Улучить только удобный момент…

К приезжим вышел Сивцов.

Он отдал рапорт, и голос его немного дрожал: уж очень внезапен этот визит! Он мысленно спрашивал себя, что могло их привести сюда и в такой спешке. Брызги грязи облепили машину.

— Мы к вам, — сказал Чулымов. — Покажите-ка, где у вас прошел кабан!

Сердце Сивцова сжалось.

— Здравствуй, Леонид, — просто сказал Нащокин.

Сивцов и Нащокин вместе учились, вместе

окончили военную школу. Затем пути их разошлись. Нащокин, прослужив короткое время на заставе, где-то на Карпатах, получил оттуда назначение в политотдел отряда, а года два назад прибыл в Тбилиси.

— Что нового у вас? — спросил Чулымов.

— Все тихо, — ответил Сивцов. — Один предмет обнаружен в лесу…

Он вынес палку. Нащокин вытащил из планшетки большую линзу, внимательна оглядел находку, но ничего не сказал.

— А у нас есть сигнал, — веско произнес Чулымов.

Сивцов напрягся. Нет, ночной инцидент, оказывается, не исчерпан. В Месхетских горах таксаторы леса видели в бинокль двух пешеходов. Они мелькнули вдали, на горном хребте, и скрылись в ущелье, среди скал. Местность суровая, труднопроходимая, посещается редко. У таксаторов была рация; они послали депешу в свой трест, а оттуда позвонили пограничникам.

— Возможно, охотники? — тревожно сказал Сивцов.

Он знал, что на границе бывает и ложная тревога. В большинстве случаев неизвестные, вызвавшие переполох, оказываются охотниками,

чабанами, геологами… А если даже те, двое, и нарушители, то ведь его застава не единственная. Есть соседи.

Шагая вместе с приехавшими к линии границы, Сивцов успокаивал себя.

Нащокин ступал аккуратно, выбирая места посуше, и осторожно, двумя пальцами отводил ветки. «Все равно глянец не убережешь», — думал Сивцов, глядя на узконосые хромовые сапоги Нащокина.

У лаза, к которому вели кабаньи следы, Нащокин опять извлек свою лупу, стрельнувшую по елям шаловливым солнечным зайчиком, и нагнулся.

— Смотрите, — сказал он таким тоном, что все разом подались к нему и только Сивцов продолжал стоять поодаль, в ожидании.

Нащокин обернулся к капитану.

— Прошу!

Сивцов взял лупу, направил на проволоку, на ее оборванный конец.

— Вроде, кусачками, — сказал Чулымов.

Сивцова словно ударило. Да, проволоку как будто перерезали. Она проржавела; ее достаточно было чуть-чуть сдавить кусачками и обломить. Только сильное увеличение показывало тоненькую серебристую искорку среза. Были еще разрывы в заграждении, в двух местах, но там обошлось без инструмента.

Капитан не выпускал линзу. Может быть, ошибка? Сейчас он отталкивал от себя тревогу, но напрасно. Проволоку перерезали. Значит, здесь у него прошел враг!

В жизни Сивцова было много боевых тревог, и он любил вспоминать их в кругу товарищей: ведь в поиске, схватке с врагом и заключен смысл службы на границе. Но теперь тревога отзывалась в душе капитана болью вины. Она смотрела на него глазами Нащокина, Чулымова, офицеров штаба.

Вина как бы окружила его, провела черту, мгновенно отдалившую его от всех остальных.

Десять минут спустя на заставе Сивцов, зады-

хавшийся от быстрого бега, отдавал распоряжения. Послал наряды к самой границе закрыть дорогу врагу, если он кинется обратно. Приказал солдату Тверских снова осмотреть местность — вдруг отыщется еще что-нибудь.

Все переменилось на заставе. Явилось то новое, случавшееся много раз и всегда острое, захватывающее дух, что несет с собой короткое слово «тревога». Тревога помчалась по радио и по проводам в комендатуру, на соседние заставы, в округ. Ничто уже не остановит ее; она нарастает, как ветер. Он, Сивцов, и его застава в самом центре тревоги.

Капитан старался не проявлять суетливости, держаться уверенно, но на всем, что он делал, лежала тень вины. Ведь враг уже далеко!

Он очень далеко. В этом вся беда! Потеряно не меньше одиннадцати часов. Враг проник глубоко в тыл. Путь его неизвестен.

Офицеры собрались в канцелярии. Сивцов сел в углу, у печки, словно не он был здесь командиром. Его кресло занимал Чулымов. У края стола, ближе к Сивцову, Нащокин. Сивцов избегал встречаться с ним взглядом. Он не то чтобы не любил Нащокина, нет, но от успехов бывшего однокашника ему делалось не по себе. Ведь в школе они шли вро-

вень, Сивцов даже лучше успевал по некоторым предметам, а вот поди же! Нащокин уже подполковник, в округе, а он, Сивцов, — как прибыл десять лет назад на заставу, так и не расстается с ней. Чем он хуже Нащокина? Потолковать бы по душам, разобраться… «Зазнался твой Ромка, до него теперь и шапкой не докинешь», — била Полина по самолюбию мужа.

Сивцов сердился, уверял, что Роман Нащокин не из тех, что забывают старых друзей… И все-таки слова жены оставляли след. Появилась обида на Нащокина. Сивцову начинало казаться, что Нащокин и в самом деле не хочет помочь, его не тревожит, что друг служит на самом трудном участке, в горах. Нащокин несправедлив к нему. Да, да! Когда все хвалили заставу, он иронически называл Сивцова «именинником», но в то же время придирался к мелочам, нередко портил настроение.

Сейчас, слушая Чулымова, Сивцов смотрел на Нащокина. Обида не исчезла. Сознание вины захлестнуло ее, и все же она еще жива.

«Нарушители, допустим, их в самом деле было двое, — сдержанно говорил Чулымов, — пересекли границу на стыке застав и скрылись в горах. Они миновали границу до полуночи, когда об-

лака еще закрывали луну, этак между десятью и одиннадцатью. Видимо, они отлично знают местность. Кроме того, им было известно, что кабаны часто тревожат нашу проволоку именно в этом месте. Нарушители обработали след. Шел дождь, и это тоже было для врагов кстати — отпечатков подошв на известняке и собака не отыщет. И эта палка… Концы обрезаны; один запачкан землей, а на другом вмятина и ржавчина. Видимо, проволоку подпирали. Каков дальнейший маршрут нарушителей? К сообщению таксаторов надо отнестись со всей серьезностью. Нарушители, зная местность, могли решиться войти в Месхетские горы. Очевидно, их цель — скрытно достигнуть шоссе, затеряться в большом городе…

Чулымов говорил не спеша, уверенно. Он уже запасся данными о погоде и о многом другом.

— Село Ахат, село Марели… — доносилось до Сивцова. Как на карте, видел он обширный район, ставший зоной тревоги, поиска.

Заговорил Нащокин:

— Что примечательно? Второй год ни одного нарушителя на этом участке. Одни кабаны. Ну и… привыкли здесь к спокойной жизни. Притупилось чувство границы. Так, по-моему, и случилось с тобой, Леонид Петрович.

Сивцов съежился. Зачем он так? Лучше бы на «вы» и по фамилии.

Притупляется чувство границы! Один раз Сивцов уже слышал это от Нащокина. Недавно, после проверки. Тогда Сивцов, огорченный итогами, пожаловался, что не повезло-де заставе; надо, мол, учитывать, что замполит в госпитале… Нащокин сказал с укоризной: «Полно оправдываться. Захвалили тебя, вот в чем суть!»

Сивцов обиделся. Не вышло тогда у них разговора по душам.

— А там, — Нащокин показал на юг, — строили определенные расчеты. Весьма возможно! Не беспокоили вас, приберегали для крупного броска.

«Это уже фантазия!» — подумал Сивцов. Его еще в училище называли фантазером. В памяти возник кабинет тактики. Зеленые холмы из папье-маше, проведенные краской дороги. Роман тогда, решая задачу, такого наговорил, что преподаватель поставил ему тройку. Нащокин вообразил то, чего и не было в условиях.

— Факты за себя скажут! — не согласился Сивцов и тут же прикусил язык, сообразив, что допустил нечто, похожее на дерзость.

— Естественно, — спокойно ответил Нащокин.

На том и закончили совещание. Застава гудела.

Солдаты быстро осматривали, протирали оружие. Старшина Кондратович выдавал им хлеб и консервы.

Нащокин и Сивцов вместе вышли из канцелярии.

— Я решил прямо к тебе, — сказал подполковник. — Прямо к тебе, — повторил он.

«Рисуется, — подумал Сивцов. — Вот, мол, какой я догадливый. Предвидел, что именно здесь могло быть нарушение».

— Вот ведь в чем суть, Леня. Ночью нигде ни шороха. Ни кабанов, ни вообще… Только у тебя. И, кроме того…

— Кроме того, у меня здесь самое слабое звено. Ты это имел в виду? — задиристо спросил Сивцов.

— Да, у тебя…

— Что ж, благодарю за прямоту…

— Больше ты ничего не хочешь сказать мне, Леня?

К этому вопросу капитан совсем не был готов. Он одернул гимнастерку и ломающимся голосом, немного торжественно произнес:

— Хочу. Я хочу сказать командованию, — он не знал, как в данном случае обратиться к Нащокину, — по имени или официально, по званию.

— Хочу заявить командованию, что я в поиске все сделаю, чтобы… Беда по моей вине большая, и я постараюсь исправить…

Тут он поднял глаза на подполковника и вдруг увидел курсанта Нащокина, Ромку, славного, прямого парня. И что-то сдвинулось у Сивцова внутри.

— Я очень виноват, Роман! Вот что хочу сказать тебе.

4

Майор Бирс застал начальника в кабинете, у окна, выходящего в Джефферсон-парк. Полковник держал телефонную трубку и озабоченно набирал номер.

— Отчего он погиб? — спросил Бирс.

— Прочти депешу, — кисло ответил Мерриуотер, бросил трубку и повернулся на вращающемся

стуле.

Позади начальника возвышалось бюро, изготовленное по его заказу, — десятки стальных ящиков со сверкающими бронзовыми скобками.

— Официальное сообщение я читал, — отчеканил Бирс.

— Так в чем же дело? — Мерриуотер поднял бесцветные брови. — Что же тебе еще, старина?

«Весь он такой, как его бюро, — подумал Бирс. — Весь из ящичков, из аккуратных ящичков, большей частью пустых. Но без блеска».

— Укус скорпиона! — усмехнулся Бирс. — Видите ли, укус скорпиона летом обычно неопасен.

Мерриуотер молчал.

— Все-таки я должен знать, что стряслось с Сайласом, — сказал Бирс. — Он мне не чужой. Мы воевали вместе. Ну, словом, мне-то вы можете сказать правду, я надеюсь?

— Ты очень шумишь. — Мерриуотер пожевал губами. — Если ты мне обещаешь не шуметь больше, то я, так и быть… Строго между нами, старина. Это не подлежит огласке даже здесь, и я предостерегаю тебя. — Он медленно сложил белые пальцы в мягкий жирный кулак. — Дарси хотел умереть.

— Причина?

— Я сам чертовски интересуюсь, Бирс. Ты зайди ко мне завтра. — Мерриуотер ерзал на своем стульчике. — Мы запросили и… Может быть, будут новости для тебя.

— О'кэй, — кивнул Бирс.

— Поверь, я не нахожу себе места, — проговорил Мерриуотер равнодушно. — Бедняга Дарси! До скорой встречи, старина.

«Врешь, Уотер, — сказал себе Бирс, выходя на площадку лестницы. — Тебе наплевать на Сайласа. Что бы ни случилось с любым из нас, тебе безразлично. Холодная ты водица,[1] Мерриуотер! И ты, конечно, скрываешь от меня что-то. Ладно, завтра я выжму из тебя».

Ждать до завтра Бирсу, однако, не пришлось: Мерриуотер вскоре вызвал его опять.

— Есть новости! — объявил он.

— Насчет Сайласа?

Мерриуотер подался вперед, оттопырил толстые губы, точно собирался засвистеть, и улыбнулся. Ничего хорошего не сулила такая улыбка Мерриуотера.

— Нет, старина. Насчет тебя.

— Я весь внимание, шеф.

---

[1] Примечания: 1
Уотер — вода *(англ.)*.

— Есть шансы отличиться, Бирс. Очень солидные шансы. — Мерриуотер, скрипя стулом, разглядывал майора. — Это тебя обрадует, держу пари.

— Весьма возможно.

«Выкладывай! Нечего пялить глаза», — добавил Бирс про себя.

— Ты своими руками раскопаешь все. Я советовался с боссами, Бирс. Все крайне обеспокоены инцидентом, а понять по каблограммам ничего нельзя. Ты друг Дарси и ты работал с ним… Мнение у всех такое, что ты самый подходящий человек.

Ехать в Турцию! Бирсу представился Карашехир, убогий городишко у русской границы, пыльный, скучный, погружающийся с десяти часов вечера в темноту, так как в это время замирает керосиновый движок. Бирс вспомнил клопов в номере гостиницы, закусочную, пропахшую курдючным салом, неподвижный, как музейный экспонат, фаэтон на углу: дремлющий кучер, порванная обивка экипажа, тощая лошаденка…

— Я готов, полковник. Это командировка или назначение?

— Разумеется, командировка. Сколько тебе осталось до отставки? Не больше года, верно?

«Да, не больше. И задерживать меня он не станет, — сказал себе Бирс. — Кто я? Интеллигент, лишенный слепого благоговения перед начальством. Такие не делают карьеру теперь. Сейчас я понадобился только потому, что я — друг Дарси».

— Инцидент сильно задел кое-кого наверху, — сказал Мерриуотер медленно. — Признаться, я даже не предполагал такого…

«Еще бы! — подумал Бирс. — Где тебе! Погиб человек — экая важность для тебя! Впрочем, боссы наверху, вероятно, только сегодня услышали имя Сайласа Дарси, уже после его смерти. Они-то отчего волнуются? Опять «холодная водица» не договаривает…»

— Кого именно задело? — спросил Бирс.

— Ван Дорна.

— А какое Ван Дорн имел отношение к Дарси? Дарси не танцовщица и не баптистский проповедник!

Не будь командировки, Бирс не стал бы спрашивать. И не стал бы, может быть, говорить в таком тоне о Ван Дорне, могучем Ван Дорне, который вкладывает свои деньги не только в реактивные самолеты, но и в баптистские молельни, и в ночные ревю сомнительной репутации. О Ван Дорне, влияющем каким-то таинственным образом и

на Мерриуотера и на его, Бирса, судьбу. Уж если ему выпала миссия успокоить Ван Дорна, то он обязан знать все. Все карты на стол!

— Ты что, вчера родился, старина! — воскликнул Мерриуотер, расставшись, наконец, со своей обычной флегмой. — Ван Дорн… Он член государственной комиссии, ведающей…

— Да, да! — прервал Бирс.

— С левой ноги ты встал сегодня, Бирс. Хочешь, чтобы мы послали другого?

— Нет, — сказал Бирс. — Я просто не желаю есть с завязанными глазами.

— Повторяю: в каблограммах сплошной туман. Я бы не стал играть с тобой в прятки.

«Врешь! — подумал Бирс. — Ты этим как раз и занимаешься. Ну, ладно. Ради Сайласа, — повторил он мысленно. — Ради Сайласа…»

— О'кэй, — бросил он.

При чем тут, однако, Ван Дорн? Впрочем, удивляться нечего… Да, он член комиссии. Но главное не в этом, — у него миллионы. Миллионы, которые значат больше, чем любая должность, любое звание. Не трудно командовать, имея миллионы… Чертовски любопытно, что же связывало Ван Дорна и Дарси. Верно, какое-нибудь очень щекотливое дельце. Такое дельце, которое не

обсуждают в комиссиях, не проводят через парламент. Дельце для немногих посвященных… Ладно, на месте все разъяснится.

— Одно условие, Бирс, — голос Мерриуотера стал жестким, — высочайшая секретность. Самоубийство офицера на границе, под носом у русских, да еще с его полномочиями, — скандал, крупный скандал, майор Бирс. — Что бы там ни всплыло, ничто не должно просочиться.

А что может просочиться? Не пустяк — раз задело Ван Дорна. Но из Мерриуотера больше ничего не вытянуть. «Холодная водица», к тому же и мутная.

— Я говорю, майор, — с достоинством сказал Мерриуотер, — коренные англосаксы покрепче. Галльская кровь — она жидковата. Нет, куда ей против нашей! К твоему сведению: дед Сайласа писал свою фамилию с апострофом — д'Арси. Французы — хрупкий народец.

— Когда выезжать, полковник?

— Сегодня.

— Так скоро! — Бирс рассчитывал, что ему дадут хотя бы день на сборы.

— Хотите проститься с женой? Позвоните ей, сочините что-нибудь. Для вас готов самолет. — Мерриуотер кинул взгляд на бумажку, кото-

рую прикрывал рукавом. — Самолет стартует через час.

В закрытой машине на пути к аэродрому и в полете над равниной облаков Бирс думал о погибшем. Жидкая кровь? Чушь, несусветная чушь!

Сайлас сам выбился в люди. Он немало вынес от таких, как Мерриуотер. Терпел, тянул лямку. А что оставалось делать сыну мелкого лавочника? Встать за прилавком, подавать томатный коктейль? Сайласа пихнули на задворки цивилизованного мира, в Карашехир, под бок к русским, и он служил исправно, имел награды. На днях, буквально на днях ему объявили благодарность и дали премию за использование аппаратуры подслушивания. И, несмотря на это…

Странная, неожиданная смерть! Недавно, полгода назад, Сай был в отпуске на родине — дочерна загорелый, молчаливый, отвыкший от суеты большого города. Он не жаловался. Он точно запекся там, на турецком солнце, окаменел. О русских отзывался со злобой: «Они форменные дьяволы, их ничем не удивишь!» Награду принял сдержанно: «Техника подслушивания, конечно, хитроумная штука, но и русские не дураки». Жену и детей Бирса Сай испугал своими пророчествами: «Схватка будет беспощадная, и союзники

вместо нас подставлять голову не настроены». Да, у Дарси был вид человека, приготовившегося не к смерти, а к бою! Вообразить нельзя было, что он наложит на себя руки!..

Самолет качало. Над Францией сжимались обручи циклона. За окнами кабины при посадке мелькнул вспененный залив и деревья, согнутые ветром. «Д'Арси, французы, хрупкий народец», — вспомнилось Бирсу. Это Сайлас-то хрупкий? Ну, нет! Французская живость была в нем всегда, но с годами выветрилась.

Поглощенный своими мыслями, Бирс не вышел на бетон взлетной полосы.

Еще один скачок — и позади осталась синева Средиземного моря. Под крылом мелькнули хлопковые поля, арки древнего римского моста через реку Адану. Бирсу не дали даже переночевать в этом городе. Специальный самолет, присланный из Карса, доставил его в Карашехир.

Встретили Бирса двое — соотечественник майор Эпплби и офицер турок, оба в штатском. «Джип» повез их в город.

Спутники выжидательно молчали, и Бирс спросил их прямо, почему они не уберегли Дарси.

— Большое несчастье, сэр, — вздохнул турок. — Злая судьба! Скорпионы редко опасны в это

время.

У подъезда гостиницы, унылого двухэтажного здания, Эпплби отпустил турка. И здесь все было по-прежнему: запах карболки в номере, позеленевшая медная пепельница, пятна на стене, застиранное покрывало на кровати.

— Кому понадобилась небылица про скорпиона? — спросил Бирс майора. — Кого мы обманываем?

— Факт самоубийства приказано скрыть от местных, — ответил Эпплби. — Но скорпион — не выдумка.

— Разве?

— Майор Дарси не хотел принять меры, ну, яд и убил его. Ослабленный организм…

— Алкоголь?

— Нет, анаша. Майор принимал сильные дозы последнее время.

— Почему?

— Он очень тосковал. А перед этим… как будто даже тронулся. Мы все барахтаемся в догадках. Да вы будьте как дома! Ресторан закрыт уже, я велел принести сюда.

Бирс вздрогнул. Нет, не от прохлады, вливавшейся в узкое окно. Он представил себе, как медленно умирал Дарси… Бирс сел, налил верму-

та Эпплби и себе.

— На войне, когда погибает разведчик, — сказал Бирс, — за упокой души не пьют. Мы уходим, уходим с секретной миссией, вот и все. Выпьем просто так, майор, без пустых слов. Как на фронте.

— Тяжелый фронт.

— Веселого тут мало, это верно.

Бирс выпил; кусок холодной баранины с красным перцем обжег ему рот.

— Я не о том, — отозвался Эпплби. — Русские не те, что два года назад, в вашу бытность здесь. Даже не те, что месяц назад.

— Ну-ну, Эпплби! Не так уж они страшны! — усмехнулся Бирс. Он обязан был сказать что-нибудь ободряющее.

— Вы убедитесь.

— Отлично. Переменим пластинку, майор. Служебные дела на завтра. Идет?

Бирс пожелал Эпплби спокойной ночи.

5

Первое, что бросилось в глаза Бирсу, когда он вошел в комнату, навсегда покинутую Сайласом, была банка с подсолнечным маслом. Два скорпиона застыли в масле, растопырив суставчатые лапы. Саю стоило только вылить несколько капель на место укуса и потереть, как это делают на всем Востоке. Средство испытанное! Бирс потрогал крышку. Нет, Сай и не пытался открывать.

В ящике стола лежала серая, без этикетки, коробка с сигаретами. От них исходил сладковатый запах.

Анаша! Какие видения сопровождали Сая в иной мир? Гурии мусульманского рая, зеленые фуражки русских или сонная физиономия Мерриуотера?

Сперва, должно быть, он сидел в этом жестком

кресле, и яд от укуса разливался по телу. Он смотрел на эти часы, потом стукнул ими об стол — вон трещины на стекле. Накурился, лег туда, на тахту, накрытую ковром, и все…

Бирс морщился, выдвигая ящики. Ему чудились скорпионы.

Бедняга Сай: как печально он жил! Среди писем — ни одного, написанного любящей женской рукой. С Эвелиной он разошелся десять лет назад, — вернее, она сама бросила его, вышла замуж за владельца швейной фабрики. Остался сын, славный увалень Томми. Вот его письма.

«Дорогой папа, почему ты не отвечаешь? —

прочел Бирс. —

Я беспокоюсь. Не болен ли ты?»

Вот телеграмма:

«Лечу Адану по делам фирмы вырвусь к тебе на пару дней целую Томми».

Бирс взглянул на число. Сай получил ее, видно, за день до смерти.

Томми — инженер. Он постоянно мотается по свету, по аэродромам, сдает и проверяет реактивные двигатели. Теперь он в Турции. Считает дни до встречи с отцом. Томми… Он тоже захочет знать правду…

Бирс вышел из гостиницы. «Джип» отвез его к месту службы Дарси. Серый двухэтажный дом стоял на окраине города, в распадке между двумя голыми глинистыми холмами. К дому примыкал сад, обнесенный высокой оградой. Среди деревьев белело еще здание; над ним возвышались мачты с паутиной проводов.

Кабинет Дарси помещался на втором этаже. Окно выходило на учебный плац, затененный тополями и чинарами. Тускло поблескивая, тянулось через плац проволочное заграждение. В точности такое же, как на границе, у русских. Линии связи, контрольно-следовая полоса… Плац устроен два года назад, по проекту Бирса. Сай в шутку именовал Бирса «профессором». Что ж, если бы не война, он, Бирс, закончил бы свою книгу по педагогике, а там — кто знает… Война круто перевела стрелку. Бирс надел форму и уже не снимал ее. Разведка в Африке, а затем во Франции, преподавание психологии в академии и, наконец, специальный отдел штаба, ведающий

обучением лазутчиков…

Сейчас на плацу к проволоке крался обросший бородой человек в ватной куртке и галошах. Привстал, щелкнул раз-другой плоскогубцами, отогнул концы. Толстый офицер турок — тот, что встречал Бирса на аэродроме — подгонял тренируемого, тыкал ему в спину стеком.

Бирс отвернулся от окна. Надо действовать! Надо выяснить, как провел Дарси последние свои дни. Выяснить все — шаг за шагом.

Вошел майор Эпплби. Хмурый, с папкой под мышкой, он старался выглядеть озабоченным.

— Я замещаю Дарси, — сказал он. — Хлопот масса. Кое-что запущено…

«Понятно, — подумал Бирс. — Он занял место Дарси и жаждет удержаться».

— Что ж, может быть, вам здесь и командовать, — отозвался Бирс, и майор оторопело заморгал. — Сядьте, Эпплби, помогите мне разобраться.

Майор отвечал на вопросы быстро, не задумываясь. Нет, у Дарси все шло, как обычно. Последние недели он готовил к заброске троих, подолгу беседовал с ними. На плацу занимался с агентами Азиз-бей — тот толстый турок, — но Дарси нередко присутствовал, давал указания. Впрочем, и это в порядке вещей.

— Не спешите, — прервал Бирс. — Постарайтесь вспомнить все получше. Когда ушли агенты?

— В ночь на девятое.

— Значит, за три дня до смерти Дарси. Цель заброски?

Агенты взяли с собой деньги для резидентов, завербованных раньше, коды и прочее. Груз у них был большой. Подробностей Эпплби не знает: операцию проводили Дарси и Азиз-бей. Турок и вывел всех троих на трассу. Дарси в ту ночь не спал. Эпплби слышал сквозь стенку, как Дарси ходил по комнате. Эпплби потом спросил его, как удалась заброска, и услышал от него: «Все в порядке». Однако Азиз-бей, по-видимому, сделал что-то не так. Когда он вернулся с докладом, они заперлись в кабинете и о чем-то долго говорили. И Дарси под конец стал кричать на турка. Впрочем, это уже не первый раз. У Азиз-бея неуживчивый характер.

— Допустим, — сказал Бирс, — что дальше?

День закончился спокойно. Насколько известно Эпплби, Дарси не имел оснований сомневаться в успехе заброски. Напротив, он держался, как всегда, уверенно, с апломбом. На другой день, тоже ничего особенного не произошло. Если не считать одного эпизода…

— Сержант, шофер нашего «джипа», сбил на улице прохожего. Сбежались турки, поднялся гвалт. Сержанта чуть не отколотили.

— Дарси был в машине?

— Нет. Он страшно вскипел, когда узнал. Обычно его не очень-то трогали такие истории, а тут… Он вызвал сержанта и отчитывал его битый час.

— Турок жив?

— Не турок. Говорят, курд. Жив, помяло только.

Бирс напрасно искал почву для догадки. Никакого просвета! Ни намека на служебную неудачу, которая могла бы подкосить Сайласа. Вот разве столкновение с Азиз-беем… Надо будет и его расспросить. И сержанта.

— Теперь третий день, — Эпплби загнул палец. — До вечера все тихо… Майор Дарси возился на плацу, что-то переставлял, спорил с Азиз-беем. Мы вместе пошли в гостиницу. Там, в номере, его укусил скорпион.

— Как вы узнали?

Дарси сам сказал ему. Эпплби зашел к нему за газетой. Дарси дал газету и заметил вскользь: «Меня только что укусил скорпион». Эпплби испугался. «Пустяки, — заявил Дарси, — помажу, и все пройдет». Позднее Эпплби опять постучался к нему — вернуть газету, а точнее, от скуки. Банка

со снадобьем стояла на подоконнике. Эпплби не обратил внимания на пробку; он был уверен, что Дарси лечит укус. При появлении Эпплби Дарси сунул что-то в ящик стола. Вероятно, папиросы с анашой. Судя по запаху в комнате, он уже принял дозу наркотика, дозу, за которой последовали другие. Состояние Дарси было возбужденное; он ругался, проклинал русских. С бранью выключил приемник, настроенный на Москву.

— Что они передавали? — спросил Бирс.

— Новости для заграницы. Пропаганда, болтовня о новой ракете…

Бирс усмехнулся.

— Не болтовня. Они обогнали нас, вот в чем штука.

На секунду Эпплби оживился, верхняя губа его поднялась, обнажила мелкие острые зубы. «Как у лисы», — подумал Бирс.

— Что до меня, то я считаю, чем скорее мы схлестнемся с русскими, тем лучше. Чего ждать? Потом будет труднее с ними справиться. А у нас миндальничают. Эх, я прямо скажу, по-солдатски: знаете, кого нам сейчас не хватает? Гитлера, нашего собственного Гитлера!

Узкая, худосочная фигура Эпплби вся напряглась. «Он ждет, что я отвечу, — подумал Бирс.

— И донесет Мерриуотеру, если я не сумею сдержаться. Как пить дать, донесет. Нет, незачем доставлять ему это удовольствие».

— Вернемся к делу, майор, — сказал Бирс. — Итак, вы и Дарси слушали Москву.

— Да, — Эпплби смутился. — Мы обязаны слушать, — произнес он с вызовом. — Москва вывела майора из себя. Он чуть не разбил приемник.

— Что дальше?

Эпплби сидел у Дарси около часа, затем ушел к себе. Позднее — Эпплби уже ложился спать — раздался громкий голос Дарси. Дверь его номера оглушительно хлопнула. Эпплби выбежал. Дарси шагал по коридору без кителя, в подтяжках. Он кричал, что поедет на аэродром, к Джимми. Это приятель, пилот Джимми Уокер, рыжий Джим. Так вот, Дарси поднимется вместе с ним на бомбардировщике, и они сбросят бомбу на русских. Эпплби и служитель гостиницы схватили Дарси под руки. Он отбивался, кричал, что войну все равно кто-нибудь должен начать, так он, Дарси, готов это сделать. Он вырвался, выскочил на улицу, кинулся к фаэтону и на мостовой упал. Его подняли, отнесли в номер.

— Он затих. С теми, кто курит эту пакость, всегда так. Скандалят, а потом — изнеможение,

упадок сил.

— И вы опять ушли к себе?

— Да.

— А утром Дарси нашли мертвым? — резко спросил Бирс. — Так, майор Эпплби? Он умирал рядом с вами, за стенкой, а вы спали, и совесть ваша, майор Эпплби, тоже спала.

— Я не знал…

Бирс смотрел прямо в глаза Эпплби — серые, водянистые, неподвижные. Где он видел такие? Ах, да, — ведь такой же взгляд был у Мерриуотера. Откуда берутся они — Мерриуотер, Эпплби и подобные им?

— Вы ни при чем, Эпплби. Вы не знали, и все тут. Простой ответ, — не правда ли? И винить вас не за что. Дарси часто буянил и, накуражившись, затихал. От скорпионов он держал лекарство. Крышка на банке не тронута, залита воском, но вы не заметили, Эпплби. Вам как-то не пришло в голову… Между тем даже это средство иногда дает осечку, к вашему сведению.

«Пока Дарси был жив, — думал Бирс, — вы строчили на него всякие кляузы. Он стоял у вас на дороге. И вы рады, что избавились от него. С какой же стати вам дежурить у его постели, оберегать его! Но формально вы правы, Эпплби. Кто обви-

нит вас? Уж, во всяком случае, не Мерриуотер».

— У вас есть еще вопросы?

— Нет. Вы свободны, — ответил Бирс.

Его потянуло прочь, подальше от Эпплби, в гостиницу, в комнату Дарси. Не там ли отыщется разгадка? Дарси сунул какой-то предмет в ящик стола, когда вошел Эпплби. Что это было?

Сигареты с наркотиком он не прятал. Он не скрывал свой порок, да и не мог бы скрыть. Нет, Эпплби явно помешал ему в тот момент.

Дарси писал!

Ну, конечно, он должен был оставить записку. Кто другой, а Дарси не покинул бы этот мир молча. «Вот расплющит нас в лепешку, и даже не вспомнят нас...» — пришли на память слова Дарси, сказанные им в Арденнах, в штабной землянке. «Хуже всего в нашем деле — безвестность!» — любил повторять Дарси. Окружавшие считали его непритязательным, скромным работягой, а он втайне мечтал о славе.

Бирс позвонил, вызвал машину. «Джип» понес его мимо рынка, мимо мазанок-закусочных, по узким извилистым переулкам. Волнами налетали запахи — сала, пряных трав, инжирного кофе.

— Извините, майор, — повернулся к Бирсу шофер-сержант. — Вы майор Бирс?

— Да.

— Майор Дарси вспоминал вас. Вы вместе воевали! Эх, мне вот не довелось…

«Он искренне огорчен, глупыш, — подумал Бирс. — Воображает, небось, что война — это вроде схватки в бейсбол или туристской вылазки. Птичий интеллект и избыток мускулов, как у многих. Их словно на конвейере собирают!»

— Это вы сшибли курда? — спросил Бирс.

— Так точно…

— Грубая езда, сержант. И мы же сами недоумеваем, почему здесь нас не любят! Майор Дарси мог отдать вас под суд. Учтите на будущее…

— Слушаюсь, майор.

Очутившись в номере Дарси, Бирс вынул все ящики, обшарил, заглянул внутрь стола. Ничего! Если Дарси писал, то, наверное, после ухода Эпплби спрятал бумагу подальше. Куда? Бирс огляделся. Банка с маслом блестела на подоконнике. Два скорпиона, чуть касавшиеся лапами друг друга, исполняли, казалось, зловещий танец. «Где же Дарси наткнулся на скорпиона? Не на столе, не на полке с туалетными принадлежностями. Эти насекомые любят песок, камень. Не здесь ли? — Бирс подошел к изразцовой печке, старой, поставленной, должно быть, еще в давние

времена. — Не в печке ли тайник?» Два изразца вынимались, но за ними было пусто.

Бирс сел к столу. Отчего же погиб Сай? Личный мотив исключается, неудач по службе тоже нет. Похоже, тут не самоубийство, а несчастный случай. Сайлас не лечил укус, так как знал — скорпионы не опасны в эту пору. Беспечность, легко объяснимая дозой наркотика… Бирс сжал виски. Нет, нельзя прекращать розыск. Со смутной надеждой он стал перебирать газеты и журналы. Вот журнал, побывавший у Эпплби. Он лежит на самом виду, на приемнике. Голые красотки в разных позах…

В отечественных газетах Дарси делал пометки красным карандашом. Чаще всего подчеркивал строку биржевого курса, интересовавшую его. Акции авиационных компаний котировались высоко, следовательно, за них Дарси был спокоен. Да и деньги он вложил небольшие…

Что пишут турки?

> «В гавань Измира прибыл самый совершенный, новейший, оснащенный самым мощным оружием американский авианосец «Канзас», вызывающий всеобщее восхищение».

Ну, еще бы! Какая бы старая галоша ни посетила Турцию, газетам велят восторгаться. На первой странице нет пометок Дарси. Бирс перевернул ее, пробежал хронику происшествий. Кражи, убийства, похищения девушек, кровная месть. В заметке под заголовком «Примерная служанка» сообщается, что горничная Зульфия, служившая в Стамбуле, в районе Ускюдар, умерла и завещала своей госпоже Узун Айша Хамал все свое состояние — триста пятьдесят восемь лир.

Бирс улыбнулся, отбросил газету. Что и говорить — богатство! Госпожа Узун Айша Хамал, вероятно, каждый месяц проживает столько!

Нет, газеты ничего не открыли. Как же быть? Мерриуотер ждет сообщения. Над ним навис Ван Дорн. Если смерть Дарси случайна, то владыка «Случай» выбрал весьма неудобный момент для Ван Дорна, для Мерриуотера. Уж очень они встревожены.

Стук в дверь прервал размышления Бирса.

— Извините меня, майор, — услышал он.

Перед Бирсом стоял сержант-шофер. Он протягивал матерчатую сумку, запертую «молнией». Бирс взял ее. Дорожная сумка для мыла, зубной щетки, бритвы. Не сейчас она содержала что-то плотное, плоское.

— Раз вы — майор Бирс, то я решил отдать вам. А вы уж передадите…

Бирс отвел замок «молнии», вынул пакет. На нем стояло:

«Сыну Томасу Дарси после моей смерти».

Из пакета выпала на стол тетрадь в коленкоровой обложке.

— Хорошо, сержант, — сказал Бирс. — Хорошо. — От неожиданности у него занялся дух.

— Вы же увидите молодого Дарси, — глухо произнес сержант. — А мне лучше быть в стороне.

— Да, да. Ваше имя, сержант?

— Питер Ивенс, майор.

— Хорошо, Ивенс. Можете идти.

Бирс воспринимал слова сержанта лишь краем сознания — слишком велико было нетерпение.

Пунцовая сургучная печать скрепляла листки тетради. Бирс сорвал ее — для него тут не должно быть тайн. «Мемуары разведчика», — написал Дарси на первой странице и окружил заглавие размашистыми вензелями. Далее следовало предисловие:

«Я претендую не на славу, а на справед-

ливость. Я один из тех безвестных воинов тайного фронта, которые подготовили нашу победу над силами коммунизма в третьей мировой войне. Ты, читатель, наслаждаешься плодами этой победы».

Ого, да он облюбовал себе ореол пророка! Нет, именно слава ему и нужна. Воин тайного фронта… Где-то уже была такая фраза. Да, — ведь так называется одна пустая, но очень популярная книжонка.

«А меня уже нет в живых. И при жизни я вынужден был молчать о себе и своих коллегах и лишь предвкушать то время, когда наши дела станут достоянием гласности. Они покажутся вам грубыми и жестокими, но мы действовали без сентиментов».

Тут полстраницы самооправданий. Где же суть? Ах, вот, наконец-то!

«Впервые я увидел рубеж, отделявший свободный мир от коммунистической России, в сентябре 195… года. В лучах заходящего солнца резко вырисовывался

горный высокий хребет, оскаленный, грозно белевший зубьями, припорошенными снегом. Оттуда веяло холодом, опасностью для всего живого, и я невольно коснулся кобуры с пистолетом».

«Начало в духе Майка Майзера, — подумал Бирс. — Автора «Красной шпионки», «Ищите Ивана» и других шедевров, пленяющих молодежь. Однако дальше он нарушил стиль, съехал на заурядный протокол».

«Я получил от полковника Мерриуотера задание активизировать работу, что совпадало с общими планами вовлечения Турции в мероприятия по подготовке к войне. Указания Мерриуотера всегда отличались точностью и дальновидностью. Он направлял меня постоянно. Я с благодарностью…»

Еще дифирамбы в адрес Мерриуотера — и, вероятно, не без умысла. Ну, события прошедших лет можно пропустить. Ага, вот более свежие чернила!

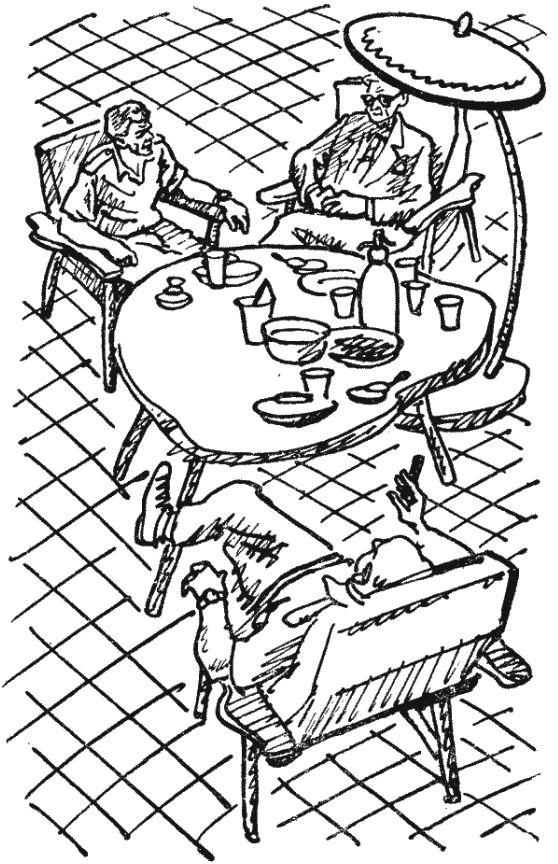
«В январе 195… года в Измир прибыл

сенатор Ван Дорн. Мерриуотер, сопровождавший его, вызвал меня из Карашехира. За мной был прислан самолет.

Я слышал о замечательной карьере Ван Дорна как в деловом мире, так и на государственном поприще. При нашем ведомстве он был чем-то вроде консультанта. Он обладал неоценимыми познаниями. Еще в 1904-1905 годах он в качестве журналиста находился с японскими войсками в Маньчжурии и выполнял разведывательные задания. В 1919 году он провел несколько весьма напряженных месяцев на Кавказе, а впоследствии, с установлением дипломатических отношений с Советами, был нашим консулом в Баку.

Встреча с Ван Дорном состоялась в большом здании на набережной, украшенном флагами всех держав, подписавших Атлантический пакт. Ван Дорн выглядел, несмотря на свои семьдесят два года, моложавым и бодрым. Он был одет в скромный черный костюм, и лишь бриллиантовая булавка, воткнутая в галстук, напоминала о миллионах Ван Дорна,

приобретенных в годы второй мировой войны. Он предложил нам простокваши и гренков с вареньем, затем любезно спросил, как я себя чувствую в Турции. Я не мог не выразить своего горячего желания расстаться с Карашехиром и добиться места на родине в награду за перенесенные лишения. Ван Дорн спросил, читаю ли я библию. Я ответил утвердительно. Ван Дорн сказал, что это самое главное.



Он показался мне несколько чудаковатым. Я поделился этим впечатлением с Мерриуотером; он усмехнулся и сказал, что «чудак» положил на мое имя в банк пятьдесят тысяч. Я онемел. Но есть, оказывается, условие: деньги будут мне выданы, если я справлюсь с операцией, задуманной сейчас. Ей придается огромное значение. Она равна атомной бомбе. Со временем я узнаю больше, а пока мне необходимо подобрать двух или трех надежных людей, хорошо знающих приграничный район Грузии, способных ловко перейти границу и незаметно слиться с местным населением.

На прощание Мерриуотер снова подчеркнул важность поручения и ту роль, которую оно должно сыграть для моего собственного будущего».

6

Игорь досадовал, что не успел рассказать подполковнику Нащокину про Гайку.

Скверно! Идет поиск, и на главных направлениях другие собаки. Гайка лучше их! Но она должна рыскать по лесу в тылу заставы. А те собаки едут, небось, в машинах, как почетные гости. В группах-заслонах, охвативших район поиска, они ждут момента, когда их поведут на след врага.

Уже не первый раз так! В дни последнего поиска, в конце зимы, он был с Гайкой в резерве, ждал. Правда, тогда Гайка не блистала успехами.

Но теперь! Теперь!

Нащокин, верно, уже уехал с заставы. Капитан и слушать не станет. Исправить уже ничего нельзя.

Самое печальное то, что враги могут уйти.

Долго ли им добраться до шоссе, а там прямой и скорый путь в Тбилиси. Ищи-свищи! Игорь рисовал себе, что могут они натворить. Убийство с целью добыть паспорт, кража важных чертежей, фотосъемка аэродрома, нового самолета, танка, пушки… Впрочем, ярче всего в памяти было одно событие — похороны председателя колхоза, убитого бандитами. Хороший был председатель, ласковый к детям… Бандитов не сразу поймали, — они хитро замели следы. Вот и эти тоже!

Конечно, рано или поздно, на след напасть можно. Не вечно же действуют химикалии. Собака так или иначе понадобится. Вопрос — какая собака! И снова обида за Гайку кольнула Игоря. Враги ускользнут, наделают немало бед — и все из-за того, что его Гайка в стороне. Да, так оно и будет!

— Эх, Гайка, Гайка! — вздыхал Игорь, уже положительно уверенный в том, что талант Гайки так и погибнет бесславно.

Гайка, казалось ему, была грустной. Обнюхивая кусты, она часто оборачивалась, поглядывала на Игоря, словно хотела понять, что же гнетет его.

— Ищи, Гайка, ищи! Осматривай местность. Не отвлекайся.

Бесполезно! Нарушители, конечно, постара-

лись не выдать себя ничем — ни оброненной вещью, ни отпечатком каблука. Допустим, они прошли по этим известняковым плитам. Но ведь дождь начисто их обмыл!

Игорь, Баев и Гайка медленно подвигались к ручью. За стеной кустарников уже слышался его звон.

После дождей ручей осмелел, разлился. Где раньше торчали камни, там плясала ноздреватая пена. У воды бойцы остановились.

За ручьем лежал гладкий, отливавший на солнце травяной ковер. На нем, в черных лужицах теней, редкие валуны.

— Что это там?

Игорь поднял голову и увидел круглое лицо Баева. Привычная ухмылка сошла с него, исчезли и ямочки на пухлых щеках.

Баев показывал на горы, Игорь посмотрел туда, на серые, зазубренные стены, вздымавшиеся там, где кончалась зелень. Осыпи, черные точечки — пещеры. Шутит Баев, верно! И тут взгляд Игоря уловил еще точку — на самой вершине стены, над обрывом. Вот она утонула в тени, пропала, вот обозначилась опять.

Человек!

— Баев! Живо!

Сначала переправа. Вода словно ледяными руками хватает за ноги, сжимает поясницу, толкает, тащит. Скользкие камни. На одном из них, прикрытом пеной, Гайка. Она судорожно перебирает лапами, будто камень вертится под ней, как цирковой мяч.

Вот Гайка отрывается от камня, шлепается в воду и плывет. Ей грозит острый камень, лежащий на самой середине потока, разрезающий его надвое. Игорь не выпустил поводок, он оттягивает Гайку назад; она крутится в воде. Не захлебнулась бы! Но тут Гайка вдруг почуяла маневр хозяина, перестала сопротивляться потоку. И вот она уже позади камня-волнореза и снова начинает выгребать лапами. Волна подхватывает ее, бросает к берегу.

Человек на горе мелькнул еще раз и скрылся за скалой. Когда это произошло? Должно быть, когда они уже вылезли на берег, мокрые по грудь, уставшие…

Вперед! Скорей! Не потерять из виду скалу! Но как подняться? Стена известняка нависает над ними, неприступная, зловещая. Однако она не везде отвесна. Что, если по камнепаду!..

Камнепад. Длинный, застывший на склоне горы поток обломков. Дальше всех скатились

самые большие, тяжелые. Их еще можно обойти. Потом под сапогами хрустит ломкая известковая крошка. Подъем. В узком ложе обломки скопились гуще, образуют торосы. Гайка продвигается короткими, мягкими скачками, оглядывается, садится, поджидая Игоря. Поводок размотан. Как бы он не зацепился, не запутался!

Обломки все мельче. Уже нет больших глыб; они далеко позади. Но что проку! Откос все круче, камешки перекатываются, ноги съезжают.

Гайка, славная Гайка! Постой, я укорочу поводок. Здесь ты не собьешь с ног, если дернешь. Дергай, Гайка, дергай; у тебя еще есть силенки — хорошая, умная Гайка! Дергай, помогай лезть.

Вот Баеву каково! Он новичок еще, на турнике он словно мешок с овсом, как сказал старшина Кондратович. Баеву тяжело. Хочется ободрить его словом, но не хватает дыхания. Даже на одно слово. И нет времени оглянуться. Но Баев сзади, он иногда ловит край гимнастерки Игоря или его рукав. Крепись, Баев! Уже немного осталось. Еще шагов пять. Еще два…

Все! Поднялись! Ветер шатает Игоря; у него темнеет в глазах. Вот скала, темная, с прожилками, скала, за которой исчез незнакомец. Где же он?

На узком лезвии хребта, каменистом, голом,

укрыться негде. Он спустился? Но каким образом? У самых ног Игоря земля обрывается, открылось ущелье. Через него перемахнет только птица.

Гайка со свистом глотает воздух. У скалы она пригибается. Дрожь волнами бежит по ее телу. Но не от холода. Гайка тихо визгнула — этот звук отдался в ушах Игоря победной музыкой.

Взяла след! Гайка рвет поводок, ее трясет в горячке поиска. Но что с ней? Морда ее тычется в куст, разросшийся над самой пропастью. Игорь охнул: Гайка прыгнула вниз. В ту же секунду поводок ослаб, собака удержалась на чем-то.

Там тропа! Ступенчатый спуск ко дну ущелья, сооруженный природой или, может быть, в стародавние времена людьми. Многие камни обвалились, выступы сгладило водой и ветром. Известняк отслаивается, крошится. Справа — стена, слева — пропасть, а ширина ступеньки, где, постукивая коготками, волнуется Гайка, всего около метра. Немало исхожено по горам за два года службы, но такого страха еще не было.

— Роется Терек во мгле, — произносит Баев, бледнея.

— Ну как настроение? — спрашивает его Игорь.

— Ладно!

— Ты не гляди на дно, понял? — говорит Игорь. — Под ноги гляди.

Он слез на ступень, встал рядом с Гайкой, чувствует ее тепло, ее дрожь. Он сам старается не смотреть на дно ущелья, где поток вьется тонкой белой ниткой.

Игорь отцепил поводок, намотал на руку. Здесь, на спуске, опасен малейший толчок.

Впоследствии Игорь сам себе не верил: да неужели он прошел там с Гайкой, с Баевым! Невероятный спуск. Рука шарит по поверхности известняка, — в иных местах он в трещинах, в буграх, а тут, как нарочно, будто отполирован. Руки разодраны в кровь о колючки, но надо терпеть. Надо, надо терпеть, коли единственная опора здесь — свирепая «держи-трава», как прозвали ее солдаты.

И не смотреть вниз! Главное — не смотреть вниз! Там умолкает камень, скатившийся со ступени. У самых ног вершина ели, уцепившейся корнями внизу, за невидимый карниз.

Неподвижные, спокойные, пушистые елки. Вот на них можно смотреть! Все-таки не так страшно, когда мягкая, лапчатая елка касается края ступени. Проход как будто шире в этом месте. Гайка, славная Гайка, ты тоже помогаешь спускаться!

Ты не боишься, ты легко слетаешь с выступа на выступ. Но ты не уйдешь далеко, хоть и неймется тебе стремглав кинуться по следу.

Шум потока все ближе, громче — и вот, наконец, под ногами прочная, ровная земля…

Гайка снова на поводке. Она бежит, обнюхивая камни, по берегу потока. Расщелина, глубокая, изломанная расщелина открывается на той стороне. Гайка рвется к воде; шерсть на загривке топорщится. И опять переправа — режущий холод, упорство течения, барахтающийся в, водовороте Баев. Схватить его за руку, за ремень…

Намокшая одежда сковывает. Но на передышку нет времени, лишь две-три секунды можно урвать для того, чтобы броситься плашмя наземь, вскинуть ноги, вылить из сапог воду.

Каменный коридор обдает сыростью, прелью. Тропа поднимается — и над головой, на фоне далекого неба, чернеют ветки елей. Тропа вывела в лес. Вдали, среди редких деревьев, виден человек.

— Баев, скорей!

Незнакомец припал к сосне. Невысокий, в черной ватной куртке.

— Стой! — крикнул Игорь, хотя человек не двигался с места. Ветер качает сосны, солнеч-

ные блики носятся по камням, по мху, по куртке человека. Щетина на скулах его серебрится. Он смеется!

— С кочевки я, чабан, — услышал Игорь. — Чабан, честное слово.

Что-то знакомое было в его голосе. Игорь шагнул вперед, всмотрелся. И он увидел улицу в Сакуртало, дом, калитку… Тот же самый старик стоял у открытой калитки, тот же голос произнес тогда: «Лалико нет дома…»

Чабан еще смеется, показывая ровные зубы. И солдату подумалось, что скоро и другие будут потешаться над ним: капитан Сивцов, старшина Кондратович, все товарищи. И Лалико захохочет, узнав, как он выследил ее отца.

«А меня-то он, кажется, не узнал?» — обрадовался Игорь. И ему стало легче.

— Товарищ пограничник…

Баев совал ему паспорт старика.

«Давиташвили Арсен Ираклиевич», —

читал он в паспорте.

Однако зачем он здесь? Корова, овца не могли забрести сюда. Охотиться? Да ведь не время для охоты! Разве что на хищников собрался — на волка, на барса?..

Арсен заговорил, но речь его не сразу достигала сознания Игоря.

— Двое идут… Я на заставу…

Он провел ночь на пастбище, на высоком лугу. Волки появились, решил попугать. Утром, часов в девять, заметил издали чужих, двоих. Пошел по хребту, чтобы спуститься к заставе, а тут, у ручья, в долине, показались пограничники с собакой. Тем лучше, стало быть, спешат по следу.

Игорь приходил в себя. Помнится, таксаторы тоже видели двоих… Однако как же Арсен различал след?

Спросить Игорь не успел — чабан замахал, указывая путь, отбежал в сторону, и Гайка рванулась вперед. Она рычала на Арсена, скалила зубы; ее хозяин крепко держал поводок, успокаивал, потом силой повлек Гайку вперед, мимо Арсена. Гайка нехотя уступила; она скулила, недоумевала, но вот нос ее приник к земле, она утихла, и Игорь радостно сжал в кулаке поводок.

След повел Гайку дальше.

Арсен зашагал позади Игоря, рядом с Баевым. «Старик, а крепкий», — подумал Игорь. В памяти оживало все, что ему говорили об Арсене: старожил, знаток здешних гор.

Догоним нарушителей! Догоним! Игорь пред-

ставлял себе победный исход погони — он и Баев наставили автоматы, оба врага подняли руки, что-то жалобно лопочут на своем языке.

«Вот после этого мне надо будет назвать себя Арсену. Если он действительно не узнал меня, — решил Игорь. — Непременно! Но не раньше».

— Старая тропа тут, — сказал старик. — Давно ходили... Я молодой был.

«Нет, он не узнал меня», — опять подумал Игорь.

Гайка резво бежала, обнюхивая камни, мох, валежник. Она то замедляла бег, кружилась, тихо скулила, словно недоумевая, то бросалась вперед.

7

Застава притихла. Отбыл с поисковой группой Сивцов. Он с некоторым облегчением покидал

заставу, объятую непривычной, виноватой тишиной.

— Желаю удачи! — сказал Сивцову на прощанье Нащокин и крепко пожал руку.

Грузовик тронулся, обдав Нащокина синеватым дымом. Минуту он смотрел вслед машине.

— Садитесь! — пригласил его начальник отряда. Чулымов уже сидел в «газике». Путь офицеров лежал в село Дихори, где только что обосновался их «капе».

— Тяжелый случай с Сивцовым, — сказал Чулымов.

— Да, плохо, — согласился Нащокин. — Мне трудно его защищать, но…

Пропустить нарушителей — что может быть хуже! По выражению лица Чулымова видно: недоволен он начальником заставы.

— Я давно знаю Леонида, — после раздумья сказал Нащокин. — Мы учились вместе, и мое положение сложное. Есть такое выражение — «приятельские отношения». Оно легко срывается с языка. Кстати и некстати.

Чулымов усмехнулся, не глядя на Нащокина и несколько отчужденно.

— Да, кстати и некстати. Проще всего, конечно, рассудить так: раз сидел за одной партой,

объективности не жди. Глупости! Точка зрения, по-моему, мещанская, не партийная. А насчет Сивцова…

Чулымов повернулся. «Вот сейчас должна решиться судьба Леонида, — подумал Нащокин. — Если не убедить Чулымова, он подаст ходатайство о снятии».

— В жизни каждого из нас бывает такая полоса… Вроде душевного кризиса, что ли. Слишком тихо было у Сивцова. Одни кабаны.

— Это не оправдание, — не согласился Чулымов.

— Конечно, не оправдание, — продолжал Нащокин. — Сивцова наказать надо. Вопрос — как? Пришибить его или… Ведь до последнего времени он хорошо служил. Размагнитился. Кроме боевых тревог, есть еще другая, постоянная. Сивцов перестал слышать эту тревогу.

— Правильно, — бросил Чулымов. — Я жалею, честно признаться, что и поисковую группу поручил ему…

— Не будем спешить с выводами, — мягко возразил Нащокин.

Нет, начальник отряда остался при своем. «Упорный мужик, — думает Нащокин. — Знаток своего дела, но жестковат. Иначе надо говорить

с ним».

— А ведь мы сами отчасти виноваты — и округ, и вы. Да, и вы, товарищ полковник, — сказал Нащокин твердо. — Похвала без меры, похвала по инерции убаюкивает, портит человека. Вовремя-то не заметили, что происходит с Сивцовым, продолжали прославлять его. Пятая застава примерная! В привычку вошло… А теперь вот спохватились — и сразу топить Сивцова. Нет, так нельзя.

«Газик» катился по избитому проселку, расплескивая лужи. Низкие строения, сложенные из грубо отесанного камня, показались за поворотом. Затявкали собаки — злые, мохнатые, в ошейниках, унизанных шипами, — от волков.

— Кочевка, — сказал Чулымов. — Эх, времени нет, а то зашли бы…

Чулымов, сын башкира и казачки, степник, любил бывать на кочевках. Он часами мог сидеть у очага, в котором трещат толстые сосновые обрубки, любил отведать у огня свежей брынзы или сулугуни — жирного, пахнущего сметаной грузинского сыра, потолковать о житье-бытье с чабанами, угостить конфетами ребят, сгрудившихся на топчане. А потом выйти на пастбище, вскочить на молодого жеребца, еще не привык-

шего к седлу. В округе знали страсть Чулымова, шутя спрашивали его по телефону: «Что, на кочевках удались ли сыры? Каковы они на вкус?» Чулымов отвечал серьезно: «Сыры хороши, особенно в колхозе имени Руставели. Там великие мастера».

Из сакли выбежала девушка. На ходу она надевала жакетку, но не могла попасть в рукав и бросила ее на траву.

— Лалико, — сказал Чулымов. — Стоп! — приказал он водителю.

Девушка припала к стеклу. Чулымов вылез.

— Тихо, девочка, — сказал он с неожиданной нежностью. — Так и под колеса угодить можно. Ну, что у тебя?

— Папа мой, — Лалико задыхалась, — в стаде ночевал. Не пришел…

— Постой. Где стадо?

— Знаю…

— Садись, девочка. Пиджачок подбери. Поедем к коменданту. Там людей дадут, покажешь…

Лалико села, сложила жакетку на коленях, прижалась в углу.

— Кто ваш отец? — спросил Нащокин.

— Знатный чабан, — ответил, за нее Чулымов. — Арсений Давиташвили. Слыхали?

Машина скатилась с косогора. Внизу, в круглой ложбинке, как в горсти, белели домики села, алел флаг над комендатурой. Чулымов и Лалико скрылись за воротами. Нащокин ждал. Ему вспоминался Арсен Давиташвили, живой, легкий, несмотря на свои пятьдесят семь лет. Обжигающий чай, лепешки, потом беседа на пастбище, у костра…

— Арсен был вот здесь, — Чулымов, садясь в машину, протянул карту. — Я пометил звездочкой. Оттуда отличный обзор. До той самой тропы. Факты покажут. Давай, Цацко, газуй, — заторопил он водителя.

На карте, там, где собрались коричневые морщины Месхетских гор, тянулась извилистая пунктирная линия. В войсковых документах она значилась как тропа Селим-хана, главаря контрабандистов, расстрелянного лет тридцать назад. От Арсена и слышал о ней Чулымов. Хитрая тропа, проложенная умным врагом. Нарушитель исчезал, вступив в Месхетские горы, точно надевал шапку-невидимку. Ложные тропы, обманные вехи и зарубки на деревьях отводили глаза преследователям. И глядишь, в Тбилиси, в лавчонках на Эриванской площади или на Татарском базаре снова продавался незаконный товар.

Как волновался старик, вороша прошлое! Ведь он сам носил из Турции Селим-хану коробки папирос, набитые анашой — дурманящим зельем из конопли, флаконы духов, шелковые чулки. Арсен Давиташвили, лучший чабан в районе, орденоносец, — и на тропе контрабандистов, толстый от чулок, обмотанных вокруг тела! Правда, это было давно. И Арсен был в то время неграмотным юнцом, покорным батраком Селим-хана. И в тюрьме Арсен сидел недолго: суд учел его подневольное состояние, его раскаяние. Но все равно ненавистные, худые, давно забытые людьми слова «контрабанда», «анаша» жгут Арсену совесть…

— Мы еще до войны сняли там наблюдения, — сказал Чулымов. — Ну, а он… Он не снял. Не забыл Селим-хана.

— Хорошо сделал, — Нащокин отдал карту. — Смотрите, ведь таксаторы указывают на ту же тропу.

«Случайность ли это? — спрашивал себя Нащокин. — Правда, тропа заглохла, ее завалили обвалы, она заросла травой, размыта. Многие сообщники Селим-хана разделили его судьбу. Многие, но не все…»

«Газик» прогремел по мосту, въехал в Дихори.

Улица поднималась с уступа на уступ, похваляясь новыми, крытыми черепицей домами, купами яблонь. Рядом с этими зданиями — старинные сакли. Плоскокрышие, обросшие, они, казалось, совсем ушли в землю. На краю села, на бугре, за шеренгой молоденьких тополей, проглянула двухэтажная школа. У подъезда стоял грузовик; с него соскакивали солдаты, прибывшие из Сакуртало, из резерва отряда.

На лестнице два бойца закрепляли провода. «Капе» действовало. Уже накопились новости.

— Наряд пропал, — докладывал черноусый лейтенант. — С пятой заставы. Баев и Тверских с собакой.

— Ну вот, извольте, — Чулымов бросил взгляд на Нащокина. — Застава Сивцова.

Он хмурясь читал шифровку.

— Рацию Сивцов мог бы им дать! — возмущался Чулымов. — Что у него, рации не было?

«Он же не провидец все-таки», — хотел возразить Нащокин, но мысли его были заняты другим.

Тверских — сын героя, немного избалованный, но в основе неплохой парень. Беспокойный у него дядя в Москве: пусть Игорь натрет мозоли на заставе! Упросил-таки. Что ж, это на пользу. В

горах Тверских еще неопытен. А от пятой заставы в глубь Месхет, к той тропе, путь убийственный. Не всякий пройдет. Парень порывистый, честный. Да, он способен очертя голову кинуться в опасность.

— По-моему, они все на тропе Селим-хана. И наряд и Арсен, — сказал Нащокин.

— Факты покажут, — повторил Чулымов свое любимое выражение и спросил дежурного: — Находите нужным послать еще людей? Группа из комендатуры брошена, да и вообще те квадраты не пустые… Не пустые, — произнес он задумчиво. — Группу из резерва еще туда! Добро? Коптелов! — крикнул Чулымов в окно. — Накормлены твои?

Там звякали котелки, дым походных кухонь обвивал тополя. Воинский лагерь разросся у школы. На миг Нащокин перенесся в прошлое. Где-то уже было это — дым, тополя, даже шофер, накачивающий покрышку под окном? В Галиции? Или, может быть, в Венгрии?

Резервная группа уехала. Чулымов дал ей направление по карте, конечно, не совпадающее со всеми изгибами, с уловками тропы. Ничего не поделаешь! Проводников нет. Кроме Арсена, никто не помнит тропу контрабандистов.

— Связь бы не подвела, — беспокоился Нащокин. — В Месхетах того и жди…

Всегда складывается так, что ему, Нащокину, политработнику, забот достается много. Почему? Наверное, причина — его вечное любопытство к людям.

Нащокин идет к связистам. На дворе зеленеют кузова походных раций, поют моторы. На крыше возится с антенной сержант Весноватко.

— Младший где? — спрашивает Нащокин.

Славное лицо у Антона Весноватко, налитое, сияет юностью. Кажется, он сдерживает смех, вот-вот прыснет.

— Дима с группой ушел.

Антон и Дима — близнецы. Дмитрий Весноватко, низкорослый крепыш, живчик, карикатурист боевого листка, лишь на полчаса младше Антона. И все же Антон — кандидат партии, старшой.

— Дурная привычка у Димки, — строго сказал Антон, а глаза его смеялись. — Частит очень на передаче, спешит, будто его крапивой жгут.

Нащокин вошел в кузов, взял наушники. Чья-то морзянка затухала, приближалась, опять замирала. Представилась горная тропа, взлеты, спуски.

— В горах помехи бывают, — сказал он радистам. — Не дремать! Вызывать упорно! Главное,

не потеряйте «Волгу» и «Дунай», там узел всей операции. Наряд с пятой заставы, очевидно, на следу…

Группа, посланная из комендатуры, стала «Дунаем», группа из резерва — «Волгой». Все теснее в эфире, все оживленнее перекличка рек. Шлет донесение «Ока», заговорил «Енисей», пробудилась где-то в глубине гор «Двина». С особым нетерпением ждет Нащокин вестей с тропы Селим-хана. Квадрат 18, квадрат 19… Маршруты групп на карте сплетаются все гуще; группы перекликаются, движутся, как бы держась за невидимые нити. Квадрат 20, квадрат 21…

«Дунай» и «Волга» были слышны весь вечер. Потом «Дунай» затих, и тогда соседи стали его искать, загомонили наперебой, заполнили эфир. Нашли, передали весть на «капе». А «Дунай» опять умолк. В Месхетских горах радиоволны ведут себя курьезно; слабые они альпинисты, в ущельях спотыкаются, падают. Два солдата, скользя на глинистых откосах, подняли рацию на гору Ахат, откуда слышны все ущелья, все перевалы. Уловили голос «Дуная». Нащокин провел на карте черту до следующего квадрата, и там она оборвалась окончательно. «Дунай» замолчал.

Невольно представилась Нащокину схватка в

горах, пуля, пробившая зеленый ящик рации. Все возможно…

— Вызывайте «Дунай»!

В поиск вступили колхозники, рабочие. Со всего района стекаются сигналы — там задержали подозрительного прохожего, тут нашли остатки костра. Один бригадир, встревоженный странным огоньком, вспыхнувшим на горе, проскакал шестнадцать километров до районного центра, поднял на ноги чекистов. Таких новостей в напряженную пору поиска всегда множество, все они требуют внимания, разбора. Но покамест путь нарушителей не стал яснее.

— Вызывайте «Дунай»!

Нащокин бормотал эти слова, когда засыпал в четыре часа утра на соломе, брошенной на пол. Но и во сне не гасла мысль о «Дунае» — в видениях возникал Будапешт, купол парламента, фермы разрушенного моста, осевшие в желтую воду. Ветер свистел в развалинах, бил в кровельное железо. Где-то плакал ребенок.

Нащокин очнулся. Черноглазые ребятишки, мальчик и девочка, смотрели на него. Засмеялись и убежали, оставив корзинку. Нащокин приподнялся. Сливы!

— Это вам, дяденьки, — прозвенел детский го-

лос за приоткрытой дверью. Там, за учительским столом, сидел дежурный офицер, бледный от бессонницы.

— Зовем, — сказал он со вздохом. — Зовем «Дунай», зовем без передышки. Вы отдыхайте.

Нащокин вскочил.

— Куда же…

На часах семь. Три часа сна — это немало в дни поиска. Тем более в такой обстановке.

Донесений скопилось много. Но существенного ничего! Нарушители словно растворились в воздухе — ни следа, ни звука. Молчат и солдаты — Тверских и Баев.

— Я «Ангара», я «Ангара», — твердит усталым, осипшим голосом радист, вызывая «Дунай». Две соседние группы спешат на трассу «Дуная».

Сидеть на месте, ждать невозможно. Посоветовавшись с Чулымовым, Нащокин мчится верхом в горы.

8

У Димы Весноватко случилась беда. Лошадь, несшая рацию, оступилась на крутом подъеме, упала и сломала ногу. А рация оторвалась и грохнулась с обрыва, с пятнадцатиметровой высоты. Войсковая рация прочна, неприхотлива, рассчитана на дорожные невзгоды, но такого удара не перенесла.

Оттого и замолчал «Дунай».

Тверских с собакой, Баев, чабан всё шли и шли по тропе Селим-хана. Ни «Дунай», ни другие группы поиска еще не столкнулись с ними — до того хитро проложена тропа.

Звонкая струя воды, взлетая на порогах, стекала по ложбине. Гайка пересекла ручей и остановилась, смущенно засеменила — след пропал. Арсен показал вправо. Вдоль берега дошли до отвесного

каменного массива, повернули обратно.

— След! След! — твердил Игорь.

Увы, след Гайка потеряла.

Теперь уже не Гайка вела людей — впереди шел старый чабан. Все молчали. Арсен озирался, припоминая путь, едва приметный в чаще. Тропа давно заросла, потонула в лесных трущобах; сохранились лишь немногие, одному Арсену известные ориентиры. У толстого, в три обхвата, дубового ствола он задержался, потом с юношеским проворством соскользнул в овраг…

Тропа-невидимка кружила среди скал, падала в ущелья, взбиралась на кручи, рассекая лес, раскиданный по откосам, проникала в самую сердцевину Месхетских гор. Время не существовало для Игоря. Внезапно он уразумел, что тени уже длинные, что солнце низко и светит в прогалину между двух вершин.

На коротком привале бойцы достали из мешков неприкосновенный запас — сухари, консервы; у Арсена нашлась брынза и лепешка. Закусывали, сидя на поваленной сосне, под откосом, источенном пещерами.

— Видишь, — чабан поднял палец. — Старинные доты, так? Доты царицы Тамары. Стрелки́ там стояли, а сюда турки, турки… Сто тысяч турок, наверно.

«Неужели не узнал меня! — думал Игорь. — Должно быть, нет. Тогда ведь темно было, в тот вечер». За палисадником горела лампочка. Игорь помнит лапчатые листья винограда, столик под зеленым сводом, красную косынку Лалико, Арсена, открывшего калитку. Снаружи, на улице, было темно, Арсен мог и не разглядеть…

Нет, не нужно говорить. Лалико, может, забыла про него. Умолять о милости он не станет.

Все же странный он, отец Лалико. Вроде не досказывает чего-то. Царицу Тамару вспомнил, а о себе ни слова. Откуда ему известна старая, давно нехоженая тропа? Игорь спросил однажды. Чабан будто не расслышал, завел речь о другом.

— Подъем! — скомандовал Игорь.

До темноты кружила, вела невидимая тропа. Чабан все шагал впереди легкой, быстрой по-

ходкой, проворно одолевая рухнувшие стволы вековых деревьев, валуны. «Старик, а покрепче нас», — думал Игорь.

Ночевали в лесу, в шалаше. Костра не разводили, — холод пронизывал до костей. Игорь открыл глаза на рассвете — чабана не было. У входа в шалаш расхаживал, притопывая, бил себя по бедрам Баев.

Игорь вылез. Фигура чабана маячила в тумане. Старик приблизился, говоря как бы про себя:

— Развилка тут… Направо путь есть и налево, на Узундаг. Как пойдем? — и, не дожидаясь ответа, бросил: — На Узундаг пойдем.

Он подошел к Игорю, объяснил. В Узундаге наверняка пограничники. Когда ищут кого-нибудь, пограничники всегда осматривают заброшенное селение.

Позавтракали остатками сухарей, напились из родника. Ветер гнал туман, обнажая скалистый спуск.

Лалико, дом в Сакуртало, мать Лалико у калитки — это сейчас очень далеко, в прошлом. Видится смутно, как сосны в струях тумана. Идти — вот что важно.

— Идти!

Своих встретили, еще не доходя до Узундага.

Десяток солдат, офицер из комендатуры. Чабана офицер узнал сразу; они отошли в сторону и стали говорить о чем-то, шурша картой позади Игоря. Обернуться не было сил. Игорь прикладывал ладони, израненные «держи-травой», к влажному, прохладному мху, на котором сидел, потом откинулся на чью-то скатку и задремал.

— Вы способны встать? — донеслось до него. — Тут близко, метров пятьсот.

Что близко? Ах, да — ведь это лес, путь на Узундаг! Хорошо было бы не вставать. Никогда не вставать. Что ж, ему стоит только сказать, что он не может встать, и его понесут. Его и Баева. Сделают носилки из кольев, из веток, понесут… Нет, нельзя, стыдно.

Ноги онемели, стали чужими. Он все-таки встал. Помог подняться Баеву.

Смутно, как видение, возникли дома покинутой деревни, низкие, в одичавших садах; русло ручья, пересекшее улицу.

— Подполковник, — сказал кто-то и взял Игоря за локоть. Кажется, офицер из комендатуры. Игорь освободил локоть, отдал честь.

— Товарищ подполковник… — начал он.

Красные круги мелькали перед глазами Игоря, за ними Нащокин расплывался, тонул. А надо

сказать самое главное. Гайка взяла вчера след нарушителей, след не менее как десятичасовой. Но он кончился…

— Гайка взяла десятичасовой след, — проговорил Игорь, едва разжимая потрескавшиеся губы. Потом дыхание пресеклось, он зашатался.

Его подхватили под руки, отвели в палатку к санитарам.

9

Бирс читал:

«Возвратившись в Карашехир, я начал осуществлять задание Мерриуотера. Операция готовилась важная, под стать атомной бомбе. Это сравнение не выходило у меня из головы.

Раз так, подготовка должна быть са-

мая тщательная, страховка от неудачи — двойная! Аппаратура подслушивания, установленная на границе, дала нам кое-какие сведения, нужные для выбора маршрута заброски агентов. Просмотрев наши перехваты, я остановился на участке одной советской заставы. Начальник ее, капитан С., неоднократно выслушивал упреки от вышестоящих. У меня сложилось впечатление, что это человек с пониженной инициативой. Но не только это заставило меня выбрать данное направление для тайного удара по Советам. Заграждения и сигнальные линии русских там постоянно нарушались кабанами. Они облюбовали где-то в тылу заставы водопой. Кроме того (что особенно ценно), вблизи заставы проходит старая, тактически чрезвычайно выгодная тропа, протоптанная некогда контрабандистами. По этой тропе тайные торговцы наркотиками и парфюмерией скрытно передвигались из приграничной полосы в глубь страны.

В 1936 году в Турции умер Муса-оглы, последний соратник знаменитого в свое

время Селим-хана, казненного большевиками. С тех пор мы уже не могли пользоваться тропой для засылки агентов. Лишь после второй мировой войны моему предшественнику в Карашехире, капитану Филлипоту, удалось обнаружить еще одного из «могикан» контрабанды. Он заверил, что отлично помнит местность. Однако до 1958 года тропа сохранялась нами в резерве.

Итак, маршрут засылки обрисовался достаточно ясно. Найдет ли наша агентура поддержку?

Известные упования мы возлагали на армян, живущих в Южной Грузии. Многие из них числятся католиками. Это потомки тех, кто в средние века вступил в паству папы римского и тем избежал резни. Заступничество папы, его соглашение с турецким султаном спасло католикам жизнь.

Увы, в армянских деревнях уже нет действующих костелов. Религия дедов давно забыта. Некоторые западноукраинские ксендзы пытались установить связь с Южной Грузией, обнаружить там

единоверцев, но потерпели фиаско.

Очень грустно было разочаровываться в своих надеждах.

Я усердно штудировал наши досье. Мало, очень мало радостного! Но было бы также неверно полагать, что мы напрасно корпим в Карашехире, в проклятой богом дыре! В папке, помеченной 1958 годом, хранилось три письма. Одно из них я приведу здесь полностью:

«Дорогие друзья!

Я очень рад был получить весть о вас, принесенную Иса Мурадовым, моим дорогим гостем. На устах его был мед. Желаю вам успеха в ваших делах и начинаниях. Да будет вам легка дорога, если вы вознамеритесь посетить край ваших отцов. Дом мой всегда для вас открыт.

Арсен Давиташвили».

Остальные два письма были в таком же роде, от людей, с которыми наша агентура вступила в контакт.»

10

Нащокина еще сильнее прежнего трепала горячка поиска. Никаких новых данных о нарушителях! Словно провалились! Вчера нужна была, как хлеб, как воздух, весть от «Дуная», сегодня в фокусе всех ожиданий «Днепр». Каждый шаг его отмечен на карте, радисты — и те, что в поиске, с зеленым ящиком на спине, с трубкой у рта, и те, что на горе Ахат, на голой вершине, на страшном ветру — все следят за «Днепром», все силятся не потерять его. «Днепр» на тропе Селим-хана, на той ветви его, которую Арсен решил оставить справа. Упирается она как раз в Дихори. Весьма вероятно, нарушители попытаются где-либо поблизости выйти на шоссе, вырваться из окружения. Надо закрыть все выходы, закрыть так, чтобы заяц не мог проскочить!

Группу «Днепр» ведет Арсен. Нащокин едва уговорил его отдохнуть вчера. Неутомимый старик!

Вчера они долго беседовали. Втроем. Был еще майор из Комитета госбезопасности, Вахтанг Ахметели, прилетевший из Тбилиси. Арсен ломал голову, перечисляя контрабандистов из шайки Селим-хана. Один расстрелян, другой умер года три назад, третий пропал без вести на фронте. Нет, здесь, в районе, никого не осталось, кроме него, Арсена. Майора интересовало, где враги могут рассчитывать на гостеприимство! Арсен пожимал плечами. Бог ведает! Иса Мурадов — тот в Средней Азии, далеко.

Мурадов отбывал там наказание, потом поселился в кишлаке возле Самарканда. В прошлом году он приезжал поглядеть на родные места, навестил Арсена. Ахметели знал об этом.

Нет, ничего нового не припомнил Арсен. Майор уехал ни с чем.

Подполковник улыбнулся. «Гайка взяла десятичасовой след», — ожило в памяти. Упорный парень, цепкий! И, видно, носится со своей Гайкой. В суматохе он, пожалуй, не сосчитал как следует часы; в действительности их, вероятно, больше. Едва ли не двенадцать. Правда, не одна такая Гайка в отряде, есть еще великолепная

собака Резец, задержавшая в прошлом году нарушителя.

И еще Ветер. Эти постарше Гайки, посолиднее. Но дело ведь не только в качествах собаки — и в инструкторе. Нужно ли было вызывать сюда именно Тверских с его Гайкой?

Может быть, он, Нащокин, попросту слишком благодушен, поддается первому впечатлению! Чересчур доверяет людям, видит только хорошее!

Заступился за Сивцова. Чулымов явно недоволен этим. Теперь вот Тверских…

Он молодцом одолел Месхетские горы. Снимать его с главного направления поиска не за что; он заслужил эту честь. Нащокин не сомневался бы ни минуты, если бы не Арсен. Невзлюбил он Тверских. На Гайку не жалел похвал. Тигр, настоящий тигр! Одобрительно отозвался о Баеве, а вот о Тверских ни звука. Словно и не было его! Нащокин не вытерпел, спросил прямо. Арсен помолчал, ответил туманно — молодой, мало понимает жизнь.

С тем и расстались.

— Садитесь, — сказал Нащокин Игорю. — Отдохнули?

— Так точно. Целую ночь спали…

Лицо Игоря пылало. Ему было неловко перед подполковником. Эта напрасная погоня в горах и, в довершение всего, нелепый обморок. При нем, на глазах у всех.

— Товарищ подполковник… Я не успел вам тогда про Гайку… Про собаку мою…

— Собака отличная, — улыбнулся Нащокин, и лицо Игоря стало совсем пунцовым. — За нее я не беспокоюсь. А вот что у вас вышло с Давиташвили!

— Он… Он узнал меня?

И солдат заговорил. По собственному почину он, верно, постеснялся бы выкладывать это подполковнику, но уж раз спрашивает… И тем лучше! Игорю вдруг захотелось излить себя всего. Он ничего не скроет — ни злополучного письма к Лалико, ни встречи с ней в тылу заставы…

— Так, — произнес Нащокин, дослушав. — Капитану Сивцову вы объяснили это?

— Так точно. — Игорь махнул рукой.

Нащокин усмехнулся.

— Досталось вам, я вижу, от него?

— Капитан Сивцов, он… — Игорь потупился и вдруг, набравшись духу, выпалил: — Он Гайку не любит.

«Как много в нем мальчишеского! —думал На-

щокин. — Впрочем, ничего удивительного, ведь двадцать лет всего!»

— Вы обидели старика, — сказал Нащокин. — За дочерью ухаживаете, а отца знать не хотите. Здесь этого не терпят. Вы должны написать ему. И ей тоже. Извиниться. Славная она девушка…

— Правда? — встрепенулся Игорь.

— Да, очень славная, — серьезно сказал Нащокин. — Она, может быть, приглядеться к вам хотела, а вы… Медведь взялся дуги гнуть…

Игорь ушел от подполковника счастливый. Да, он, конечно, напишет им — и Лалико, и отцу.

Наступил вечер, третий вечер поиска. Нащокин с тоской пробежал донесения — ничего! Неужели напрасны все усилия! Весь край уже изрезан маршрутами поисковых групп, плотной сеткой покрылась карта, а нарушители, верно, давно проскользнули; искать их теперь надо где-нибудь в закоулках огромного Тбилиси.

Уже смеркалось, когда радист Весноватко-старший принял донесение «Камы». Колхозники заметили двух неизвестных, пытавшихся спуститься к шоссе…

«Кама» — это заслон, где командиром Сивцов. Заслон, расположенный в Пшови, грузинско-армянском селе, на берегу Лахви. Нащокин

обернулся к карте, но он и без нее представил себе обстановку. Шоссе на правом берегу реки, отроги Месхетских гор на левом. В том квадрате, где появились неизвестные, висячий мост. И вот что еще важно: как раз поблизости от Пшови заканчивается ветвь тропы Селим-хана.

Сбитые с тропы преследованием, нарушители пробуют выйти из блокированного района. Похоже на то!

— Тверских с собакой направить в Пшови, — сказал Нащокин дежурному.

Все переменилось для Игоря. Опять, как недавно, время ускорило свой бег. Дорога в Пшови по равнине прямая, по ней почти мгновенно отгремели колеса машины. Огни села в темноте. Голоса в темноте, скрип пешеходного моста, глухой шум реки, острое ожидание. И голос капитана Сивцова. Да, это он. Луч фонаря, метнувшийся по асфальту, по камням на обочине, осветил лицо Сивцова.

Потом лицо Сивцова погасло, под Игорем закачался, заскрежетал на стальных тросах пешеходный мост, взревела и унеслась река.

— Тверских! — звал, едва поспевая за ним, Баев. — Они в галошах.

Собаки чуяли след, но слабо и тотчас теряли

его. Отпечатки галош остались на глинистом склоне. Игорь уловил нотку недоверия в голосе капитана.

— Пускай! — выдавливает на бегу Игорь. — Брали мы галоши на тренировку? То-то и есть.

Нет, Гайка не чета тем собакам. Она должна взять след. И все же Игорь очень волновался, когда ступил на глинистый склон и лучи фонарей указали ему начало следа.

Гайка заскулила и потянула Игоря вверх.

Темнота уже легла густо.

Впереди частое дыхание Гайки, позади шаги Баева, остальные внизу, отстали.

— Ну что с тобой, Гайка? — шепчет Игорь.

Гайка тянет вниз. Ноги скользят, Игорь падает, поднимается. Баев скатывается чуть ли не кувырком. Они у самой реки. Ага, понятно: враги, наткнувшись на отвесные скалы, вернулись к подножию и двинулись по краю суши. Здесь бежать легче. Россыпь крупных камней, колючки, Гайка несется по свежему следу. Умница, Гайка!

Вот она опять потянула в гору. Лезть за собакой тяжело, страшно тяжело. Ноги словно пудовые.

— Игорь…. Не могу я больше…

Баев выбился из сил. Никогда он не жаловался, кряхтел только, а сейчас, видать, ему очень

плохо.

— На, держи!

Игорь сует ему поводок. И как-то странно тяжелеет, шатается, теряя опору. Зато Баев приободрился: Гайка, славная Гайка помогает ему.

Вверх, вниз и снова вверх. Каменный козырек над пустотой, в которой тонет луч фонаря, и опять подъем, но на этот раз более плавный, по траве, свистящей под сапогом. Навстречу ветер. Здесь он не такой, как внизу, у реки, — это ветер высот, резкий, без запахов жилых.

Впереди вспыхнул огонек, озарив на миг притаившиеся кусты, что-то пропело над головой Игоря. Он не сразу сообразил — выстрел!

В него еще ни разу никто не стрелял. Игорь читал описания схваток, но тут получилось иначе. Пуля не свистела. Вроде большой шмель пролетел над ним, заблудившийся в ночи, не страшный. Но страх все-таки настиг Игоря минуту спустя, когда в кустах блеснуло еще раз.

— Баев! — крикнул Игорь и выхватил у солдата поводок.

Гайка залаяла. Игорь едва сдерживал ее. Он бежал прямо на кусты, бежал в кромешной тьме, погасив фонарь. Было страшно, но ярость, охватившая его, пересилила страх. Он крикнул

Баеву:

— Быстрей, быстрей!

«Сейчас выстрелят еще. Скорее бы Гайка догнала, схватила зубами…» — думал он.

Справа ломился сквозь заросли Баев. Вдруг что-то треснуло, покатились камни.

— Игорь, — голос Баева был просящий, сдавленный. — Посвети-ка.

Сорвался? Проклятая темнота! Но зажечь фонарь — значит стать мишенью для них. Откроют огонь. Наверняка откроют, стоит только нажать кнопку. Пальцы плохо слушаются. Затаив дыхание, Игорь пригибается; свет вонзился в черноту, вызолотил кусты, голову Баева. Игорь кинул ему конец поводка.

Впереди тихо.

Ушли? Да, враги ушли! Вот отсюда они стреляли. Никого! Гайка рвется дальше, она держит след, он не дает ей покоя.

Вспышка. Не шмель прогудел, нет, — визгнула оборванная струна. Игорь погасил фонарь; опять все затопила липкая темнота. Игорь ощущает ее сопротивление почти физически. На ходу он снимает с плеча карабин.

Вспышка. Игорь нажимает спусковой крючок. Грохот, приклад толкает в плечо. Отдача не так

сильна, как на учебных стрельбах. Сейчас вообще все иначе. Он не жмурится, как там. Глаза Игоря открыты. Вспышка — и солдат посылает еще пулю. Привалившись к валуну, стреляет Баев. Гайка при каждом выстреле зло лает. Говорят, другие собаки приникают к земле, ужас сжимает им глотку. Гайка храбрая! Поводок размотан на всю длину — Гайка кинулась; она ловит врага. Еще вспышка — и пронзительный, жалобный вой.

— Гайка! Что с тобой, Гайка? — шепчет Игорь.

Поводок ослаб. Эхо перестрелки, бушевавшее кругом, медленно стихает, и в наступившей тишине слышен плач Гайки. Она ранена! Игорь ложится возле нее, нащупывает фонарь. Нос Гайки коснулся щеки Игоря. Да, ранена, передняя лапа в крови…

Он стаскивает с себя майку. А где гимнастерка? Ах, да, — он снял раньше и бросил, мокрую, тяжелую от пота. Есть санитарный пакет, но разрывать его, доставать бинт слишком долго, и он рвет майку.

— Больно, Гайка?

Рана, как видно, легкая. Гайка закружилась по поляне, ищет след. Перевязанная лапа то поджата, то касается травы. Взяла след!

Гайка, хорошая Гайка, мировая собака — она

опять на следу. След есть, вот он вьется среди кустов. Они словно высажены, эти кусты, тянутся рядами, как в парке. След есть — это главное. Гайка иногда стонет негромко, — задетая пулей лапа все же дает себя знать.

Цепочка кустов кончилась, уперлась в опушку леса, который возникает в луче фонаря, густой, враждебный. И в ту же минуту бьет выстрел. Карабины бойцов отвечают. Бешеный лай Гайки, сначала торжествующий, потом с нотками отчаяния, боли... Они опять ранили ее! В наступившей тишине слышно, как волочится поводок, цепляется, шуршит. Гайка стонет, тычется в ноги Игорю. Он пробует зажечь фонарь. Что это? Или он ослеп? Нет, поводок порван. Его, верно, перебило пулей. Гайка едва видна в темноте. Руки Игоря скользят по ее упругой, вздрагивающей шерсти, попадают в горячее, вязкое. Кровь! И на той же лапе! Лоскут майки слетел, перевязывать впотьмах трудно, да и нет времени.

— След, Гайка! След! — говорит он. — Уходят они!

Ей очень больно, бедной Гайке. Игорю самому невтерпеж от ее боли. И напрасно он старается произнести эти слова тоном приказа, как положено. Он упрашивает Гайку, как друга. И

Гайка слушается. Враги уходят, она понимает это, она находит след, хотя стонет при каждом движении.

— След, Гайка!

Ветки елок, колючие ветки елок, выросших на камне, хлещут Игоря, царапают. Он не замечает. Рукой, сжавшей поводок, он чувствует Гайку. Ей трудно бежать. Игорь наматывает веревку; поводок все короче; теперь уже не Гайка помогает двигаться хозяину, а он поддерживает ее, ободряет, не дает упасть.

Лес позади. Трава, мокрая, залитая росой, белая от росы. Темные пятна на траве. Кровь Гайки. Неужели утро уже? Да, утро. Ведь он видит траву и эти пятна. Как быстро пронеслась ночь! Но это неважно, утро или ночь. Совсем неважно! Гайка упадет, и тогда их не догнать. Они уйдут.

Вдруг стало очень тихо. Гайка перестала стонать. Игорь бросился к ней. Гайка каталась по траве. Она силилась встать, но лапы беспомощно скользили: она валилась на спину. Глаза Гайки смотрели на хозяина с мольбой; она словно просила прощения… Игорь поднял ее и понес, прижимая к себе, чувствуя, как кровь Гайки пропитывает его шаровары. «Умрет!» — с горечью подумал Игорь. Он вспомнил дворняжку, попав-

шую под колесо зимой в Сакуртало, — она тоже так каталась по мостовой, а потом затихла.

Брызнули слезы. Игорь стыдливо поглядывал на Баева, шагавшего рядом, но не мог их унять. Он еще крепче обнял Гайку; ему показалось, что она холодеет.

Гайка, потерпи!

Впереди, в ложбине, открылось шоссе. Вдали, из-за поворота вынырнула машина. Баев замахал и кинулся наперерез. Из кабины вылез шофер-пограничник, поправил фуражку, перевел взгляд с Баева на Игоря с собакой.

— Воевали? — спросил он.

Что ему ответить? Воевали плохо: Гайку не сберегли и нарушителей упустили.

— Заберешь собаку, — сказал Игорь, не дожидаясь новых вопросов. — Отвезешь до комендатуры, ладно? Сдай ее там.

Гайку положили в кузов. Она скулила, звала хозяина. Игорь рвал траву, ветки боярышника, чтобы Гайке мягче было лежать. Баев что-то рассказывал шоферу.

— Езжай, — сказал Игорь и подал водителю охапку. — Давай поживей.

— Поправится, — заверил Баев, когда они остались одни. — Собаки, они двужильные.

Ох, Баев! Послушать его — все прекрасно, горевать не о чем! Круглое лицо Баева сейчас раздражало Игоря.

Что же теперь? Где остальные? Зеленая ракета зажглась над лесистым скатом горы, поплыла в бледном небе.

Баев дал ответную ракету.

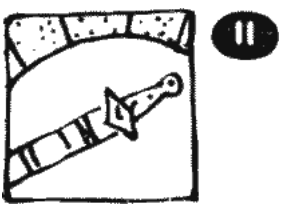
— Вон их сколько у тебя! — рассердился Игорь. — Вагон и маленькая тележка! Забыл, что ли?

Для чего ему, спрашивается, дали ракеты? Для балласта? Там, верно, уже давно сигналят…

— Я пустил одну, — оправдывается Баев. — А потом, мыслю, по выстрелам, по вспышкам ясно, где мы…

И они двинулись в гору по росистой траве — туда, где одна за другой загорались зеленые звезды и гасли, оставляя дымные дорожки.

11



У Сивцова в Пшови дел было по горло — и, однако, груз вины, давивший его, не стал легче. Напротив, с каждым часом поиска он возрастал.

Когда след нарушителей появился на тропе Селим-хана, Сивцов отправился с бойцами в горы. Почти сутки, не жалея себя, лазал он по скалам, продирался сквозь чащи. Это было и тяжело и вместе с тем радовало, будило надежду. Тем горше было возвращаться с пустыми руками. Он знал, что на тропе Тверских, и думал о нем с неприязнью. Шум какой поднял, а толку что?

Однако ни Тверских, ни Баеву — никому нельзя передать даже самой малой крупицы своей вины. Она остается при нем.

Все жители Пшови — армяне и грузины — пополнили в дни боевой тревоги ряды пограничников. Даже старая Кетеван Джапаридзе вызвалась ходить по домам и поднимать с постелей тех, кому пора в дозор. «Мне ночь как день, — сказала она Сивцову. — Спать не могу, сынок». На подступах к селу, у моста через Лахви, у бродов — везде стояли солдаты и колхозники, закрывали путь врагу. На звоннице давно заброшенного костела, ставшего жилищем летучих мышей, пионеры устроили наблюдательный пост и исправно несли дежурство. Сивцов днем и ночью проверял

посты, спрашивал проезжих и прохожих, держал совет с председателем колхоза.

В колхозе горячая пора уборки кукурузы. МТС дала молотилку только на неделю, а работников не хватает, они на постах, в заслонах. Если бы он, Сивцов, задержал врагов на рубеже, тревога не пришла бы в это село. Молотилка грохотала бы не умолкая. Хозяйки ставили бы завтрак на стол. У грузин — лепешки из кукурузы, фасоль, наперченную баранину, у армян — хлеб из пшеницы, фаршированные помидоры, кислое молоко. Было бы спокойно в сельских домах. Старая Кетеван не ходила бы ночами по селу, не стучала бы в окна.

В доме Галустянов не прекратились бы приготовления к свадьбе. Ведь невеста, доярка Айкануш, давно уже снялась в национальном костюме, взятом напрокат, и местному фотографу заказано сто сорок снимков: по числу гостей.

У одинокой Елены Чхотуа птицы не клевали бы пастилу из тутовых ягод, раскатанную на столе в саду. Пастила уже высохла; ее можно разрезать и сложить в кладовке.

Правда, колхозники не в обиде на пограничников. Дружба с ними здесь давняя и крепкая. Все помнят, как помогли солдаты, когда разлившаяся Лахви отрезала село от кочевок и надо было

пробить дорогу в обход, чтобы вывозить молоко, сыр, доставлять продукты.

Впрочем, не из благодарности же несут колхозники дозор. Тревога общая. С юга, из Турции, издавна грозили враги. До сих пор у Ашота Гамбаряна на двери красуется древний меч, символ бдительности. Вчера старик соскреб с него ржавчину, подколотил гвозди. А седоусые братья Кобадзе, бывшие кавалеристы, отправились на свой пост в черкесках, с кинжалами, сверкающими серебряной насечкой.

Все это видит Сивцов. Друзей, помощников у него много, но никто не может разделить его вину.

Поиск затих где-то далеко от Пшови. И вдруг в сумерках две тени мелькнули на том берегу реки. Их заметил Илико — семнадцатилетний сын агронома Кеквели. Прибыл Тверских; к удивлению Сивцова, Гайка взяла след. Пшови сделалось центром поиска. Примчались Чулымов и Нащокин.

У правления колхоза, под чинарой, остановилась штабная рация Весноватко-старшего, во все концы — «Волге», «Днепру», «Дунаю», «Печоре» — полетели депеши. Поисковые группы стягивались, блокированный район сразу сжался — теперь это был лишь угол Месхетского горного

края, в развилке двух сходящихся шоссе.

Сивцов хотел тотчас кинуться за нарушителями, но Чулымов удержал его. Нужно отрезать врагам пути отхода, а там, на Кутаисском шоссе, сил недостает.

Рядом с Сивцовым в автомашину сел Нащокин. Они мало разговаривали дорогой — слишком велико было нетерпение. Справа взлетали ракеты, из темноты на несколько мгновений выступал гребень воды, ощетинившийся лесом.

— Тверских не отвечает, — волновался Сивцов. — Безобразие! Почему он не отвечает?

Вечно у него что-нибудь не так! Не случилось ли беды? А другие отчего отстали? Положим, Тверских и Баева ведет собака, тянет их за собой. Где же угнаться! Да и местность трудная. Если собака потеряет след, тогда жди утра. Важно не пропустить через шоссе…

— За шоссе я боюсь, — сказал капитан. — Где же мы возьмем людей?

— Фарами, — произнес Нащокин. — Фарами освещать дорогу. Я дал указания автотранспорту. Ездить взад и вперед, дать такую иллюминацию…

— Чтобы не сунулись?

— Солдатская хитрость. На Карпатах я испытал

однажды. Нет, придумал не я. Старшина у нас был… Чудо-старшина!

Сивцову стало легче с Нащокиным в эту ночь, в «газике», разрезающем темноту. Легче и говорить и молчать вместе, размышляя об одном и том же.

На Кутаисское шоссе выехали до рассвета. Здесь полыхало зарево. Проносились грузовики с кирпичом, личные легковушки, цистерны с молоком.

Шофер затормозил. Сивцов сошел и зажмурился: ударили огни самосвала, вставшего у обочины. Позади замолк мотор трехтонки, с нее соскакивали солдаты. Свет фар золотил их сапоги.

Весь остаток ночи Сивцов хлопотал на шоссе. Утром он взял десяток бойцов и углубился в лес.

Зеленые ракеты удалялись. Очевидно, нарушителей загнали в угол, образуемый двумя дорогами. А Тверских все не отвечает! Сивцов уже не ругал его. Враг очень ловок, опытен, а для Игоря это первая стычка. Шагая по известковой осыпи, раздвигая лапчатый сосняк, Сивцов видел перед собой Игоря Тверских, видел под пулями врага. И как-то по-новому остро почувствовал Сивцов, что этот долговязый юноша, немного нескладный, ершистый, рассеянный — солдат его

заставы, член его большой семьи, пусть не самый видный, но все-таки близкий.

На бугре, над полем, полого спускающимся к ручью, сидел начальник отряда Чулымов. Он слушал радиста, Весноватко-младшего, и делал пометки на карте.

— Собаки след не берут, — мрачно сказал Чулымов. — Эх, нет твоей Гайки!

Тут и узнал Сивцов — Гайка ранена, лежит в комендатуре у фельдшера. А наряд? Что с нарядом? Чулымов ответил не сразу; он задумчиво складывал карту. Долгой была эта минута для Сивцова.

— Целы оба! — сказал полковник.

Сивцов засмеялся, кинул на землю фляжку. Захотелось вобрать в легкие как можно больше воздуха. Он как будто сам избежал смертельной опасности. Целы оба!

— Покури, — предложил Чулымов. — Куда бы тебя, капитан, бросить? — Он прикрыл глаза ладонью. — Возьми-ка вон ту низину.

Сивцов посмотрел в низину, где шумел ручей, сбегая в овраг, теряясь в камышах, обступивших маленькое голубое озерцо.

— Потом покурю. — Сивцов вскочил. — Кого сменить там? Мои солдаты свеженькие.

Чулымов покачал головой.

— Некого. Никто не уйдет. Уставших сейчас нет.

Сивцов подошел к пограничникам. Они окружили ефрейтора, лежавшего на плащ-палатке.

— Два дерева на косогоре, — услышал капитан. — Ну, точь-в-точь люди. Туман вьется, а они вроде идут. Парфентьев кричит: «Стой, стрелять буду!»

— Что с вами? — спросил Сивцов ефрейтора.

— Растяжение связок, — отозвался тот сокрушенно. — Не повезло.

На пути к озеру встретили лейтенанта с группой. Голые по пояс, мокрые, пограничники шли, стряхивая с сапог комья налипшей грязи. Рой оводов гудел над ними.

— Жуткая топь, — весело сообщил лейтенант. — Вы куда? К озеру? Там делать нечего — утки плавают.

До озера оставалось метров двести. Напрягая зрение, Сивцов различил серые комочки на воде. Да, выводок диких уток.

— Измажетесь только, — продолжал лейтенант. — Утка разве подпустит!

«Он прав, — подумал Сивцов. — Да, он, несомненно, прав: нарушители спугнули бы уток. Не было бы их тут. Птица чуткая. И все-таки…»

— Раздеться, — приказал он солдатам. — До

трусов. Ремни автоматов подтянуть.

Первый солдат, ступивший в камыши, ухнул по колено. «Давай, Петро, держись за воздух!» — крикнули ему. Топь зачавкала, зашумели, закачались камыши с черными метелками. Утки улетели, Сивцов проводил их взглядом. Он тоже месил ржаво-красную жижу. Зыбучая вода ледяной хваткой сжала ноги.

Что-то темнело впереди, в зарослях, у самой воды. Не коряга и не птичье гнездо. Что-то другое, чуждое этому мирку камышей, стрекоз, диких уток. Сивцов двинулся туда, с натугой высвобождая ноги, держа в поднятой руке пистолет. Он раздвинул стебли и остолбенел. Человек, погруженный в ил почти до плеч, показался ему в первое мгновение утопленником. Смертельно бледное лицо, закрытые глаза, коротко остриженные волосы, черные, с проседью. Сивцов сделал еще шаг. Человек не двинулся. Но он не был мертв. Веки его дрожали.

— Алла! — простонал он, глянув на пистолет.

Топь, доставала теперь Сивцову до пояса. Он стоял, наставив оружие, чувствуя, как во все клеточки его существа проникает огромная, давно не испытанная радость.

Человека вывели на сушу, жалкого, задыхающегося от страха. Он растирал на себе грязь и жалобно причитал.

— Кто вы такой? — спросил Нащокин.

— Хасан, начальник. Хасан меня зовут. О, алла! Прости, начальник.

Он дергался, закатывал глаза. Будь у него пропуск, он не стал бы прятаться. Приезжий он. А родился здесь, в Узундаге.

— Пропуска нет, начальник. Не знал, Не знал, клянусь тебе…

Он уверял, что приехал один, ни о каком спутнике ведать не ведает. В болото залез, потому что боялся пограничников. Они стреляли ночью, ракеты жгли. Искали, наверное, кого-то.

В кустах лежали вещи задержанного: штаны и куртка из грубого сукна, шерстяные носки, резиновые чувяки. Оружия не было. Из кармана куртки извлекли паспорт на имя Хасана Мевлюдовича Керимова, жителя Самарканда.

Сивцов между тем углублялся в чащу камыша. «Найдем и второго», — повторял он себе. Эти слова пели в нем. Бархатные метелки, пушистые облачка над головой, в синем небе, деревья на том берегу — все было свежим, словно умытым. И лица бойцов стали другими: они как будто

по-новому смотрят на него…

Рука с пистолетом онемела, но Сивцов не замечал этого.

— Второй тоже тут, — говорил он, — сбодряя солдат. — Далеко не ушел. Возьмем!

12

Бирс читал:

«Кто же пойдет за кордон? Кто решится ступить на землю грозной империи коммунистов? Задача не простая. Она осложнялась тем, что мне были необходимы люди, отлично знающие местность и готовые выполнить любое поручение. К счастью, двух кандидатов я мог сразу же назвать Мерриуотеру в очередном донесении.

Читателей детективных романов обыч-

но увлекает образ шпиона, наделенного обаянием, здоровяка с подбородком чемпиона по боксу. Этот шпион управляет автомобилем и самолетом, владеет чуть ли не всеми языками и одинаково свободно чувствует себя и в щегольском смокинге и в комбинезоне чернорабочего.

Люди, о которых я хочу здесь сказать, совершенно не соответствуют этому романтическому идеалу. Оба они крестьяне среднего достатка, добрые мусульмане. Кроме турецкого языка, они знают грузинский и немного русский, но писать не умеют ни на одном из них, а читают с грехом пополам.

Биографий их, однако, не совсем обычны.

Нияз Мехмед-оглы родился пятьдесят два года назад в Грузии, в селении Узундаг, ныне заброшенном. Месхетские горы окружали Нияза с детства. В 1930 году отец Нияза лишился имущества и бежал с сыном в горы, где создал группу террористов, объединенных ненавистью к колхозам и к советской власти. Отец

был вскоре пойман красными и расстрелян, сам же Нияз еще несколько месяцев продолжал борьбу. Террористы умело пользовались старой тропой Селим-хана, по которой в конце концов Нияз ушел в Турцию.

Турецкие власти оценили Нияза и его познания. До войны он участвовал в налете на русскую заставу. Одно время Нияз занимался слежкой за грузинами, живущими в Турции. Наградные, полученные на службе в полиции, Нияз употребил на покупку дома и земли в селении Ардаг, в тридцати километрах от Карашехира.

Когда Нияз в 1957 году проходил у меня трехмесячную подготовку, ни домочадцы его, ни соседи не подозревали истинной цели его отлучки. Весной 1958 года Азиз-бей вновь вызвал его по моей просьбе. После тренировки Нияз отправился через границу. Мы снабдили его паспортом и пропуском в пограничную зону на имя Хасана Мевлюд-оглы Керимова, жителя Самарканда.

Засылка удалась блестяще. Погода явно не благоволила в те дни большевикам.

Обвал разрушил их заграждения, ливни смыли следы. Нияз и его напарник пробыли в Грузии две недели. Их документы не вызвали сомнений. Оба благополучно вернулись. В доказательство своего пребывания на советской стороне они представили нам газеты и журналы, купленные там, и три письма от старых знакомых, упомянутые мной выше.

Вербовка и составляла их главную задачу. По условию им было выплачено по три тысячи лир — сумма, достаточная для покупки шестидесяти овец.

Ко всему Нияз еще превосходный актер. Этому старому головорезу ничего не стоит прикинуться мусульманским фанатиком-дервишем или базарным скоморохом. А однажды он разыграл передо мной и Азиз-беем сельского дурачка. Ох, и потешались же мы! Дурачок силился сосчитать десяток яиц, неуклюже ловил курицу, запрягал лошадь и т. д.

Теперь о напарнике Нияза. Бесспорно, он менее надежен, хотя бы уже потому, что уступает ему в ненависти. Иса Ризаоглы Мурадов, пятидесяти лет от роду,

уроженец Сакуртало, не выступал с оружием против Советов. В юности он носил контрабанду для Селим-хана, отсидел за это три года в тюрьме и до 1941 года мирно жил в Тбилиси, занимая скромную должность дворника. Был призван в армию, попал в окружение, сдался в плен немцам и несколько лет скитался по лагерям. После войны на эвакопункте близ Неаполя его заприметили наши офицеры и, как турка по национальности, рекомендовали отправить в Турцию. Стоило сказать ему о каре, ожидающей в Советском Союзе лиц, сдавшихся в плен, как он изъявил согласие забыть свою родину и обрести новую, под эгидой полумесяца.

Турецкое правительство выдало ему ссуду на обзаведение и поселило в приграничном районе, опять-таки не без подсказки с нашей стороны.

Что я имел против Исы? Определенного ничего. Он сопровождал Нияза, и последний остался доволен компаньоном. Память у Исы блестящая, тропа контрабандистов отпечаталась в ней глубоко и во всех подробностях. Из-за одного этого

я не мог отказаться от него.

Однако кое-что настораживало меня. Так, например, Иса купил на советской стороне костюм и принес его домой, несмотря на то, что я запретил подобные штуки. Правда, он спорол клеймо и по моему приказу пришил турецкое. У себя в селе он хвастался покупкой, причем особый восторг вызывала у него шелковая подкладка пиджака. Турецкие деревни погружены в нищету, и новая одежда — пусть даже рабочая куртка из самого худшего материала — это целое событие для крестьянина. Понять Ису я мог, но поведение его нельзя было считать безупречным.

Далее, Иса потратил все полученные деньги на овец, в то время как Нияз пожертвовал часть мечети и заказал мулле молитвы за преуспеяние в делах. Мелкая деталь, но не в пользу Исы.

В Грузии Иса навестил Арсена Давиташвили, с которым связан былыми приключениями с контрабандой. Доставив мне письмо от Давиташвили, он сообщил мне любопытные факты о ча-

бане. Оказывается, Давиташвили владеет собственным домом, в Сакуртало, является кавалером ордена, осыпан почестями за свою работу. Портреты чабана печатаются в газетах! Сейчас я снова перечитал письмо Давиташвили и задумался. Очень уж быстро удалось Исе перетянуть к нам человека, несомненно состоятельного и наслаждающегося славой!

Двое других завербованных — семидесятилетний бобыль Киклидзе и упаковщик консервного завода Шахназаров — не вызывали у меня сомнений. Но популярный чабан!..

О, если бы я мог проникнуть в душу Исы! Замкнутый, мечтательный, он иногда обрывал свою речь на полуслове и принимался с отсутствующим видом следить за бабочкой, залетевшей в комнату. При этом он медленно, сосредоточенно жевал губами — привычка, появившаяся с тех пор, как фашисты выбили ему зубы в концлагере.

Конечно, ближе всех к Исе и Ниязу стоял Азиз-бей. Но просить у него совета — приятного мало! До чего несносен

этот черномазый! Его непомерное честолюбие, его животная жадность нередко приводили к стычкам со мной. Я, видите ли, оттираю его! Послушать его, так только ему следовало объявить благодарность и дать наградные за установку аппаратов подслушивания! А ведь он не смыслит в них ни уха, ни рыла! После ухода Исы и Нияза он опять обиделся на меня, так как благодарность опять досталась мне. На что бы он годился без меня! Надутый сынок табачного плантатора, лентяй, невежда… Мало ему того, что я, представитель цивилизованного мира, числюсь у него советником и даже принял мусульманство и именуюсь Мохамед-беем!

Да чем турки лучше негров вообще! Но я отвлекся. Что делать, не могу говорить спокойно об этой нации!

Все же я спросил Азиз-бея, что он думает об Исе. Турок вылупил на меня свои глазищи, почесал за ухом. Ей-богу, можно выкурить сигарету, пока он соберется ответить. Наконец он изрек, что его отец тому и другому поручил бы лишь вывозить мусор.

«Если мужику дать полу бешмета, он отхватит весь бешмет», — это изречение, слышанное мною сто раз, Азиз-бей повторил с видом Колумба, открывшего Америку.

Вот и толкуй с турком! Мои опасения после беседы с ним усилились. Ведь рисковать в предстоящей операции я не мог.

Если Иса недостоин доверия, то разумно ли слепо доверять Ниязу? Его собрату по опасной миссии! Я пришел к выводу, что необходимо дополнить этот союз двух наемников. Послать третьего!

Единственный возможный третий — Рифат Эрдоган, курд. Если верить Азиз-бею, скорее два ястреба уживутся в одном гнезде, чем турок с курдом. Что до меня, то я не считал себя обязанным принимать во внимание национальные свары — Нияз и Иса обязаны взять в товарищи того, кого я назначу.

Я заявил Азиз-бею, что я отдал бы и Нияза и Ису, если бы мне дали за них еще одного Рифата. Турок состроил кислую мину, и я мысленно упрекнул себя в несдержанности. Азиз-бей болтлив, как

старая баба, и, конечно, не удержит при себе сказанное мной.

Рифат получил воспитание в американском Альберт-колледже в Стамбуле. Это почтенное учебное заведение, расположенное над Босфором, у стен древней крепости Румели-Гисар, не только дает разнообразные познания учащимся, но и приучает детей Востока к нашему, западному, мышлению. В составе посольств восточных стран, находящихся у нас, видные места занимают выпускники колледжа. На студенческой скамье эти люди усваивают наш язык, наши традиции, наш образ жизни, мечтают о поездке за океан. Рифат для меня почти свой. Бескорыстно, ради защиты цивилизованного мира от коммунизма Рифат согласился пройти специальную подготовку. Он снаряжал и запускал воздушные шары с листовками и участвовал в других операциях. Постоянное место его службы на соседнем участке, у священной для армян горы Арарат, против Советского Еревана, но я не сомневался, что направить Рифата на время ко мне не представит особых

затруднений.

В начале мая я сообщил Мерриуотеру имена всех троих и попросил дальнейших инструкций. Вскоре Рифат прибыл в мое распоряжение. В середине месяца я получил план операции «Рикошет» и телеграмму от Ван Дорна. Он советовал мне читать Апокалипсис, главы о пришествии Антихриста.

Сегодня я еще не могу доверить бумаге суть операции. Я пишу эти строки в ожидании громового итога.

Вчера вечером Азиз-бей вывел агентов на трассу: Рифата, Нияза и Ису. Сегодня они за кордоном, в Грузии. Мы не обнаружили признаков тревоги на той стороне. По-видимому, большевики не заметили…

Завидую вам, читатель! До вас дойдет мой рассказ после победы над мировым коммунизмом. И для вас развязка операции «Рикошет» наступит быстро, вероятно, на следующей странице. Мне же предстоит ждать ее долго. Я возьмусь за перо не раньше чем через полмесяца. Агенты посланы заблаговременно, они

должны обосноваться в Грузии, надежно укрыться, исподволь подготовить удар».

13

Сивцов и его солдаты, измученные, вымазавшиеся в болотной слякоти, выбрались на сушу. Помятые камыши расправлялись. Медленно смыкались прогалины, пробитые людьми в зарослях. Тоненько, как комар, звенел в камышах полуденный, задыхающийся от жары ветерок. Сивцову казалось, что ветер тоже устал.

Вот если бы из болота, из проклятой ржавой топи удалось вытащить и второго нарушителя — о, тогда не было бы этой щемящей усталости! Но дальше искать бесполезно. Солдаты буквально перемешали топь ногами.

Где же тот, второй? Неужели ушел, вырвался в тыл? От утомления, от досады Сивцова трясло.

Он опустился на траву. Солдаты мылись в ручье, звонко шлепали себя, брызгались. Сивцов сообразил, что и ему надо смыть бурую грязь, засохшую комками на всем теле, даже на плечах. Всполоснуть и отжать трусы, одеться.

А потом?

Ему вдруг подумалось, что дальше идти некуда — следа нет, и для него, Сивцова, поиск закончен.

— Товарищ капитан!

Сивцов обернулся. Два солдата — один щуплый, белобрысый, другой крупный, большелобый, бронзово-смуглый — держали за лямки темно-синий рюкзак.

— Заграничный, — сказал щуплый. — Этот спрятал… «Алла, алла!» — передразнил он задержанного.

Капитан спокойно оглядел находку. Заграничный? Самый обыкновенный рюкзак… И тут же Сивцов сказал себе, что солдат прав: рюкзак туриста, рюкзак геолога выглядит иначе. Те блестят металлическими застежками, а здесь они — тусклые, обшиты брезентом. «Разумеется, блестеть и не должны», — спокойно подумал Сивцов. Оцепенение еще не совсем покинуло его.

— Вы развязали? — спросил он солдат.

— Никак нет, — ответил щуплый. — Он такой и был. Там кубики какие-то…

Сивцов не спеша сунул руку в мешок, коснулся прохладного, отсыревшего брезента. Они, верно, облегчили свой груз в пути, многое выбросили, оставили только это… Да, три плотных кубика в темной бумажной обертке, вероятно, непромокаемой. На одном уцелели клочки небрежно содранной этикетки, несколько букв английской надписи. «Трехдневный рацион», — прочел Сивцов.

Одному на девять дней или… Размышления Сивцова прервал радист.

— Начальника отряда не видели? Фу-ты! — радист отбивался от оводов. — Донесение ему.

Глядя на радиста — низенького, улыбающегося крепыша, — Сивцов не чувствовал, что в шею ему впился овод. Вскочил на ноги, огляделся. Нет, не видно Чулимова.

— След есть…

След! Он сказал: «Есть след!» — Сивцов готов был обнять радиста. Какой он славный, этот молодой солдат! Сивцов шагнул к нему, положил ему руки на плечи, засмеялся.

— Значит, не все пропало, товарищ Весноватко! Не все пропало, говоришь!

Радист сказал, что в квадрате сорок два собака взяла след. Собака Резец с соседней заставы. Старший этой группы теперь вызывает начальника отряда, чтобы доложить. Хорошо, что рация там имеется…

— Передай им, — сказал Сивцов. — След держать, но себя не обнаруживать. Без приказа не брать нарушителя.

Радист смутился.

— А подпись?..

— Покамест я за начальника. Тут такое дело…

Он охотно сказал бы радисту, почему он так решил. Но некогда. Сивцов кинулся к ручью. От ледяной воды захватывало дух. Скорее одеться…

Весноватко-младший, сидя на кочке, вызывал «Дунай». Сивцов знал: сейчас многие радисты зовут начальника отряда, ищут его. Однако вряд ли Чулымов далеко отсюда. Верно, где-нибудь поблизости, в этой долине. Может, допрашивает задержанного.

В своем решении Сивцов не сомневался. Три рациона, три суточных порции концентратов. Для одного человека, пожалуй, многовато? На двоих? Что ж, весь запас продовольствия лежал в одном мешке. Ничего необычного в этом нет. Три кубика на двоих? Как же делить тогда? Неудобно!

Следовательно, не лишено вероятности…

Он натягивал гимнастерку, когда к ручью спустились два всадника. Сивцов подобрал ремень и побежал к ним.

— Товарищ полковник! — крикнул он.

Всадники двигались в туче оводов. Чулымов сидел в седле прямо; воротничок его, несмотря на жару, был застегнут.

— Ремень ваш? — спросил Чулымов строго.

От волнения Сивцов долго не мог нащупать дырочки. Смотрел он только на Чулымова и, задыхаясь от бега, докладывал. Лицо полковника не дрогнуло, но рука крепче сжала повод. А спутник Чулымова, красивый, смуглый майор, кивал, показывал белые зубы. Лошадь под ним танцевала.

— Я запретил им брать его, — говорил Сивцов. — Впредь до ваших указаний… Потому что…

— Почему же? — резко спросил Чулымов.

— Их, возможно, трое, — ответил Сивцов. — Не двое, а трое. Обнаружен мешок…

И он сообщил о находке. Если сейчас собака взяла след второго, то надо следить за ним, осторожно следить, не выдавая себя, и подстеречь третьего. Они же встретятся, рано или поздно.

— Или я неправ, товарищ полковник?

Ремень, наконец, застегнулся. Сивцов оставил

в покое упрямую пряжку и опустил руки.

— Ну вот, теперь вы похожи на офицера, — сказал Чулымов. — Похожи на офицера, — повторил он, и лицо его прояснилось. — Он правильно поступил, а?

Чулымов обернулся к майору.

— Совершенно правильно, — отозвался тот с грузинским акцентом.

— Раз Ахметели одобряет, вопрос ясен, — сказал Чулымов, и улыбка тронула его губы. — Отдыхайте.

— Я не устал, товарищ полковник.

— А люди ваши?

— Тоже…

— Люди должны отдыхать, — отрезал Чулымов. — А вас, коли так… направлю в другую группу.

Чулымов достал из планшетки блокнот, вырвал листок. Как из-под земли вырос Весноватко-младший. Сивцов был рад. Теперь все пути поиска ведут в квадрат сорок два, где обнаружен след.

Полчаса спустя Сивцов с группой солдат углубился в лес. Долина с голубым глазком озера осталась за спиной, далеко внизу. Упрямо, цепко шел в гору с тяжелым ящиком-рацией Весноватко-младший.

На круче Весноватко остановился. Тяжело. Он

упросил Сивцова взять его в поиск. Весноватко-младший намерен вступить в партию. Как же может он остаться в стороне в такой момент жизни!

Он устал, конечно. Но каждый раз, когда он подавал Сивцову радиограмму, капитан видел его улыбку, лукавую мальчишескую улыбку. Поисковые группы перекликались на марше, смыкались вокруг какой-то точки, еще невидимой в глухомани. Лишь под вечер открылась Сивцову известковая скала с черным зевом пещеры.

След вел туда. И пограничники, рассыпавшись на секреты, старательно замаскировавшись, обложили берлогу врага со всех сторон.

Тем временем другие группы прочесывали местность, по которой прошел первый нарушитель, схваченный в болоте. Майору Ахметели доставляли одну находку за другой. Бинокль, оружие, карту, патроны…

Солдаты очень скоро привязались к веселому, живому майору. Он не скрытничал, ободрял бойцов шуткой. На привалах Ахметели сидел в гуще хохочущих слушателей, потешая их забавными историями о тбилисских кинто́ — бродячих разносчиках и комедиантах, которые некогда давали представления на базарах, во дворах. Рас-

сказывал народные анекдоты про князей старой Грузии с их самодурством и спесью.

Появился Нащокин. От Ахметели он узнал, что Сивцов встретился с начальником отряда.

— Чулымов служака крепкий, — сказал майору Нащокин. — Но один недостаток, присущий, впрочем, не ему одному. То захваливал Сивцова без удержу, то крест собирался ставить на нем… Крайности.

Груда находок на плащ-палатке, у костра, между тем росла. Папиросы, спички, тряпки для протирки оружия…

Ночь прервала поиск. С рассветом снова в горы и лес пошли солдаты. Они раздвигали кусты, шарили в лесных ямах, в расщелинах.

14

— Значит, их трое?

— Получается так, генацвале.

Ахметели выключил приемник, повернулся к Нащокину. Матч только что закончился, яростный матч с английской командой. Кто победил, можно было не спрашивать. Стоило лишь взглянуть на майора — возбужденного, счастливого. Кисет с табаком валялся на полу. Ахметели, должно быть, швырнул его от избытка чувств, когда тбилисцы забили гол.

— Да, три лазутчика, — повторил он. — Не два, а три по всем данным.

Азарт игры уже отхлынул от него. Нащокина всегда поражало умение Ахметели мгновенно переходить от потехи к делу.

Было время, Ахметели казался Нащокину неспособным на длительное, кропотливое изучение всех обстоятельств дела. Это он — следователь? Да еще, говорят, лучший здесь? Очень скоро Нащокин перестал удивляться. Он лучше узнал Ахметели.

Вот уже неделя, как длится допрос задержанного. Нащокин заходил в кабинет Ахметели, видел, как тот терпеливо выясняет истину, разрушает, одну за другой, легенды, выдуманные хозяевами шпиона. Тяжелый труд! В Тбилиси жара, не спасает ни вентилятор, тоненько жужжащий

на столе, ни открытые окна. Нестерпимо манит прохлада горы Давида, зеленеющей над раскаленными крышами. Но Ахметели ни в чем не дает себе поблажки. Десятый раз повторяет те же вопросы, ищет противоречий, отклонений от записанного вчера. Напрасно задержанный корчит юродивого, закатывает глаза, обращаясь к аллаху. Или вдруг обалдело уставится в одну точку. Или начинает плести околесицу, дергаясь на стуле, разражаясь визгливым смехом. В Самарканде каждый ишак на базаре знает его — Хасана, сына Мевлюда, по фамилии Керимов. Он моет посуду в закусочной. Какая зарплата? Четыреста рублей. Разве нет более подходящей работы для взрослого мужчины? Есть, конечно, есть, но аллах прогневался. Слаб разумом Хасан.

Уже давно сообщили из Самарканда, что Хасан Керимов на улице Улуг-бека, восемь, не проживает, уже давно признан фальшивым паспорт лазутчика, но только вчера он отказался от очередной своей легенды.

Было одиннадцать вечера; Ахметели прогуливался с друзьями на горе, в парке. К нему примчался нарочный. Арестованный желает дать показания. Он скажет все.

Он начал с того, что молитвенно поднял руки к

потолку. Да простит аллах! Да, он, Хасан Мевлюдоглы, пришел из Турции. Там он клялся на Коране не открывать правды неверным. Он нарушает клятву, его вынуждают…

Ни для Ахметели, ни для Нащокина, наблюдавшего сцену, это не было новостью. Экспертиза уже подтвердила: все вещи лазутчика — его резиновые чувяки, штаны, куртка грубого сукна, ладанка с изречениями из Корана — сделаны в Турции. Кто еще перешел границу вместе с задержанным? Тут он снова призвал аллаха — теперь в свидетели. Один! Зачем ему спутники! Ведь он решил помолиться на могилах родственников. Правда, Узундаг заброшен, но надгробные камни на кладбище наверняка стоят. Откуда фальшивый паспорт? О, это ему дал Азиз-бей. Кто он такой? Жандармский офицер в Карашехире, толстый, вечно перебирает четки и думает этим заслужить милость аллаха. Но аллах посмеялся над ним и посадил ему на голову шишку. Его так и прозвали в городе — «Шишка»…

Верно, Азиз-бей дал еще и поручение. Очень важное. Аллах свидетель! Хасану велели пройти по тропе Селим-хана и доложить, в каком она состоянии. Вот и все. Ничего более сложного он, Хасан, по слабости ума, и не сумел бы выпол-

нить.

Словом, лазутчик выложил новую легенду, очевидно, не последнюю. Немало надо будет потратить сил и терпения, чтобы установить цели шпиона и его личность. Он еще долго будет твердить, что пришел из Турции один, что шпионское снаряжение и оружие, найденные в лесу, не имеют к нему никакого отношения.

— Полюбуйся, генацвале.

Майор протянул Нащокину пачку снимков. Камыши, понурая фигура нарушителя, пограничники. И вот находки.

Два тринадцатизарядных пистолета — бельгийские браунинги. Нащокин вспомнил, как люди цепью двигались по маршрутам преследования, ощупывали мох, шарили в кустах, в чаще ельника, разгребали болотный ил. Один пистолет был брошен в ил, другой лежал в лесу, в буреломе. Труднее было отыскать пустые гильзы, сплющенную пулю. Боеприпасы к тем самым браунингам, как доказали потом эксперты. Да, прекрасные снимки, четкие, хоть сейчас на пресс-конференцию. Вот полевой бинокль. Марку соскоблили, но небрежно — «Мюнхен» читается ясно. Фотоаппарат, завернутый в водонепроницаемую бумагу. Заокеанские пищевые концентраты — таблетки,

помеченные «завтрак», «обед», «ужин». Байковые лоскуты для протирки оружия, а также в случае нужды и для перевязки. Карманные фонари советского производства, батареи к ним. Папиросы «Беломорканал» и турецкие спички.

Папиросы, фонари, продовольствие, карты, да и многие другие вещи — на троих, хотя и найдены в двух заплечных мешках. Зато тот, третий, верно, нес два фотоаппарата и одну рацию, а то и несколько. Обнаружены лишь батареи. Ахметели тщательно изучил все это добро, все взвесил, прежде чем спокойно сказать — нарушителей, по-видимому, трое.

— Заговорит же Хасан! — вздохнул подполковник.

— Црупентели, — улыбнулся майор. — По-нашему, лгун, и не простой, а закоренелый, у которого ложь в крови. Црупентели не может не врать. А этот еще и боится.

Лазутчик ждет пыток, смерти. Ахметели делает все возможное, чтобы сломить страх. Советует облегчить участь полным признанием. На допросах вежлив. И вместе с тем кропотливо, крупица за крупицей собирает улики, опрокидывающие легенды шпиона. Когда его задержали, у него было два носка на правой ноге и один на левой.

Правый чувяк соскальзывал, очевидно. Так? А не помнит ли арестованный, где другой носок из второй пары? Нет! Тогда можно напомнить: он остался в мешке. Да, в мешке с оружейным маслом, с картами.

— Показал ему носки. А он: «Алла, алла!» Фу-ты! Говорит, носков много одинаковых… Да, генацвале, я не скоро с ним закончу. К винограду, разве.

Вот уже третий год собирается он провести сентябрь в Кахетии, у родных. Как нарочно, мешают неотложные дела. Чудесный, виноградный сентябрь! Куда ни глянь, корзины с тяжелыми кистями. Хозяйки делают ткбиликвери: выливают на полотно сваренный сок винограда, смешанный с кукурузной мукой, и дают застыть. Или окунают в сок ядра грецких орехов, нанизанные на нитку, а затем вешают для просушки. Это чурчхела. А самые лучшие кисти кладут в опилки — на зиму. И, разумеется, сладкий, душистый сок наполняет огромные кувшины, вонзившиеся в землю своими острыми донья́ми, в подвале. Если в доме есть новорожденный, в его честь закапывают бочонок молодого вина, с тем чтобы выпить через восемнадцать лет, в день совершеннолетия. Все это Нащокин знал по красочным рассказам Ахметели.

— Значит, будем искать, — сказал Нащокин.

Поиск стал теперь сложнее, враги притаились, выжидают. Но Нащокин пришел к следователю еще и для того, чтобы получить ответ на вопрос, давно засевший в голове. Чего хотят враги?

— Да, вылазка необычная, — кивнул Ахметели. — Такие задачки не часто подбрасывают нам.

— Ваше мнение?

Пожав плечами, майор раскрыл папку, вынул конверт из фольги и извлек небольшую, размером с почтовую открытку, фотографию.

— Что за господин?

— Именно господин, — подхватил майор. — Не грузин, не русский, похоже — иностранец.

Человек, смотревший на Нащокина с фото, нес свою старость легко, жизнерадостно. Приветливое, пухлое, без морщин лицо, живые глаза. Взбитая волна седых волос. Узкий галстук, воротничок с тупыми концами, тоже по последней моде.

— У нас пока только молодежь так одевается, — думал вслух Нащокин. — Пожилые отстали от моды. Кто же он? Резидент, с которым у них назначена встреча? Сотрудник какого-нибудь посольства?

— Тоже в мешке несли, — сказал Ахметели.

— Три экземпляра. Очень, очень странно.

— Типичный англосакс, — продолжал Нащокин. — Англичанин или американец.

— Если агент идет на связь, — произнес майор, — ему обыкновенно не дают с собой портретов. Это опасно. Агент в памяти должен держать. Выходит, не для себя взяли, передать кому-то велено.

— Зачем?

Ахметели развел руками.

Нащокин встал. Майор удержал его. Любопытный документ, тоже из их багажа.

«Арсен Давиташвили» — бросилось в глаза Нащокину. Да, на фотокопии черным по белому стояла подпись Арсена, знатного чабана. «Мой дом всегда открыт», — прочел подполковник. Русские буквы Арсен вывел крупно, почти по-печатному. Может быть, другой Арсен? Однофамилец?

— Нет, этот, — сказал Ахметели. — Из Сакуртало. Роман Игнатьевич, я прошу совета. Как коммунист у коммуниста.

Арсен, старый друг Арсен! У Нащокина защемило сердце. Но нет, не может быть, чтобы он изменил! Это фальшивка, провокация…

— Почерк его. Обратите внимание на число.

Тогда у Арсена гостил Мурадов.

Ах, да, Мурадов, из Средней Азии. Бывший контрабандист, приезжавший навестить родные места. Чабан не скрывал это. И документы у Мурадова были, помнится, в порядке.

— Мурадов гостил еще у двоих, — молвил Ахметели. — Бахтадзе, Шахназаров… Вот их личные дела. Роман Игнатьевич, самый важный сейчас вопрос не личность врага. Враг есть враг, не правда? Самое важное — наш человек, его честь.

Ахметели, конечно, прав. Хорошо, красиво произнес он это слово — «честь». Он прав, наступает очень серьезный момент поиска.

Нелегко лезть по камнепаду, гнаться по следу.

Но трудно и сейчас, в этом кабинете, выходящем окнами на гору Давида, на корону парковых огней, уже увенчавших ее вершину. Ничто не грозит здесь — ни выстрел врага, ни ярость горного потока. А все-таки трудно сейчас. Многое зависит от того, что будет сейчас решено.

Шахназаров, Бахтадзе, чабан Арсен — кто они? Изменники или друзья, готовые завершить поиск? Честные люди, которым нужно раскрыть все карты, как союзникам? Ведь лазутчики явятся к ним. Для того и взяли с собой копии писем, чтобы напомнить, припугнуть.

— Тех я не знаю, — проговорил Нащокин, — а что касается Арсена…

Неужели Арсен изменник! Ему можно поставить в вину и неудачу первых дней поиска и то, что о письме стало известно только теперь, не от него самого. Арсен — враг! И работа его и дружба с пограничниками — одно притворство! Лишь на минуту допустил это Нащокин и почувствовал, как скверно становится на душе. Все вокруг словно померкло, даже огни на горе как бы потускнели.

— Кому тогда верить, Вахтанг! Не укладывается в сознании… Но как же понять письма?

Арестованный, называющий себя Хасаном, и его спутники были посланы к завербованным. Это же ясно!

Ахметели кивнул. Да, он не один день ломал голову. Нащокин удивился бы, если бы позавчера, например, заглянул на допрос. Ахметели беседовал с арестованным о сельском хозяйстве. Об уходе за овцами, о стрижке, о способах улучшить качество шерсти. Надо было видеть, как он оживился! Он крестьянин. Понятно, о наших методах труда, о нашей технике — ни бельмеса. Все его познания из собственного единоличного опыта. Ахметели видел, слушая его, глинобитный дом в

Турции, тощее поле с оградой из вывороченных камней, скрипучий карасапан — деревянный плуг с железным сошником, придуманный еще во времена Византийской империи.

— Крестьянин! Вот что существенно, генацвале! Представьте себе, приходит такой Хасан к Арсену. Арсен же лучше его живет, неизмеримо лучше. Против своих не пойдет. Положение у гостя плохое. Показать свое лицо хозяину опасно. Возвращаться ни с чем тоже худо, деньги терять не хочет. Мужицкий ум соображает…

— Обманывают своих! — воспрянул Нащокин и с облегчением засмеялся.

— А что, неправ я?

— Нет, почему же… Вполне вероятно.

— В том и суть, генацвале.

«Молодец, Вахтанг, — подумал Нащокин. — Вот он каков! Встретишь его на проспекте Руставели вечером — в костюме из чесучи, в сандалиях, начищенных до зеркального блеска. С ним компания хохочущих приятелей. Кажется, нет беспечнее человека, чем Вахтанг Ахметели».

— Значит, Арсен будет ждать гостей, — сказал Нащокин. — Пусть сидит на кочевке.

— Да, — кивнул Ахметели. — Пускай сидит. А вы… не спугните гостей.

Поиск продолжается. Но он примет теперь другие формы, не столь явные. Как только лазутчики сочтут себя в безопасности, они вылезут наружу, толкнутся к Арсену, к другим... Конечно, в принятом решении есть доля риска. Но возможна ли борьба без риска? И не требует ли она подчас и подвигов совести, мужества в доверии?

Так думал Нащокин, шагая по проспекту, мимо слепящих витрин, в веселой толпе гуляющих. Над подъездом кинотеатра загоралась и гасла узорчатая вязь грузинских букв, красные, синие, зеленые отсветы падали на асфальт.

15

Три дня спустя Ахметели разрушил и вторую легенду арестованного. Лазутчик заявил, что вместе с ним границу перешли Иса Мурадов и Рифат Эрдоган. Сделав это признание, он, жалобно

вопя, стал просить прощения у аллаха, которому поклялся не открывать правду неверным.

Каковы цели заброски? Лазутчик только мотал головой. Он не знает, ему, слабоумному, не сказали. А может быть, и говорили, да он забыл. Память никуда не годится, напрасно лечил свою память у муллы и дал ему сто лир и баранью ногу. Главным шел Рифат Эрдоган. А его, Хасана, взяли в качестве проводника и носильщика.

Ахметели видел — до полного признания еще далеко. Выдает товарищей, но свое лицо еще прячет. Откуда он родом? Точно ли из Узундага? Прежние обитатели Узундага рассеялись, отыскать их будет нелегко…

В тот же день, рано утром, объявился второй нарушитель. Голодный, обросший, продрогший в пещере, где он провел несколько ночей, он пришел на кочевку к Арсену Давиташвили, и чабан принял его, как гостя. И отрядил племянника Гиви на заставу.

Подросток заикался от волнения, сообщая Сивцову новость. Странный человек сидит у дяди! Приехал из Средней Азии, но похоже, не в поезде, а в фургоне с мусором, до того он грязный, этот Мурадов.

— Дядя знает его. Давно знает. А все-таки, гово-

рит, документы проверить надо…

Сивцова уже предупредили. Не спугнуть — таков был смысл инструкций, полученных им.

— Хорошо, — сказал капитан. — Проверим.

Он передал новость в отряд, потом вызвал дежурного по заставе.

— Где Тверских?

— У вольеров. С собакой своей нянчится, товарищ капитан. Как с ребенком.

Игорь недолго был в разлуке с Гайкой. Сразу же после поиска в камышах он помчался в комендатуру, к фельдшеру, который оказал ей первую помощь. Оттуда отвез Гайку в Сакуртало, в ветлазарет отряда. Пока длилось лечение, Игорь приходил в казарму только спать. Он кормил Гайку; в сумке его не переводились лакомства — сахар, кусочки мяса. Часами он чистил Гайку — сперва волосяной щеткой, а потом суконкой, до блеска. «Жаль, шерсть у нее короткая, — шутил ветеринар, — а то бы вы и завивку ей сделали». В перевязочную Игорь вносил Гайку на руках, ставил на стол, приказывал «стоять!» Собака покорно подавала лапу врачу, терпеливо выдерживала боль, кося глазами на Игоря.

Раненая Гайка была укором для Игоря. Другой, более опытный пограничник действовал бы ина-

че. Задержал бы нарушителей, сберег бы собаку. Вспоминались и злополучные, забытые ракеты…

Никто не винил его. О ракетах никто и словом не обмолвился. Операция, говорят, протекает нормально, лазутчики не ушли, один уже под замком, другой замечен и за ним следят, чтобы выловить третьего. Нащокин, сам Нащокин сказал, что Игорь вел себя храбро и что он поедет в отпуск на родину, как только кончится поиск. Игорь больше удивился, чем обрадовался. Чем он заслужил? Ведь задержал-то не он!

Нащокин упомянул Никифора Тверских — отца. Это уж вовсе ни к чему! С подвигом отца тут и сравнивать нечего. Не так, не так все вышло, как хотелось.

Хорошо, хоть Гайка поправляется. Рана уже зарубцевалась. Дежурный, посланный Сивцовым, застал Игоря у вольеров — он вывел Гайку гулять.

— Ковыляешь, Гайка? Трехногая ты животина, вот кто! Эх, кому мы нужны с тобой, на трех ногах!

— Ошибку допускаешь, Тверских, — сказал дежурный, записной остряк Фоменко. — Собака есть собака. Длинное млекопитающее, на одном конце хвост, на другом — нос. Зубрил, чай! Не

человек же она, телячья башка!

— Отстань!

— К капитану давай!

— Слыхала, Гайка? Капитан зовет. Ты подожди, я скоро. Да скоро же, глупая! Куда я от тебя денусь!

Сивцов смерил Игоря взглядом.

— Садитесь. Есть серьезное дело.

Тон у Сивцова был суровый, даже чуточку более суровый, чем прежде. Он испытывал неловкость перед Игорем и не хотел выказывать ее.

— Товарищ капитан…

— Ну!

— Гайка еще не может.

— Заладили вы… Собака в данном случае как раз ни к чему. Пойдете без собаки.

— Слушаю, товарищ капитан.

Игорь не видел того, что творилось в душе у Сивцова, но чутьем уловил добрую перемену в нем и ничем не выказывал этого. Так оба, словно по уговору, держались с прежней официальной суровостью.

— На кочевку пойдете. Там гость. Проверите документы у всех. Задача ваша…

Сивцов мог бы поручить это старшине Кондратовичу. И мало ли еще кому. Пожалуй, раньше

ему и в голову не пришло бы послать Тверских. Да, к нему он бывал несправедлив. Именно поэтому сегодня пойдет Тверских.

Щеки Игоря горят от радости. Как хорошо! Он снова в поиск. Пусть без Гайки…

— Товарищ капитан, — слышит Сивцов. — Разрешите Баева взять.

«Нужно ли? — думает Сивцов, — Что же, Баев так и будет все с ним ходить? К тому же он недавно вернулся из наряда».

Первое побуждение капитана — отказать. Но он встречает умоляющий взгляд солдата, и решимость его улетучивается.

Сивцову сорок лет. Дети его — сын и дочь — живут далеко, пишут редко. Отцовская нежность заглохла в нем в последние годы. В дни поиска, казалось бы, совсем не место подобному чувству, а оно пробудилось. Удивительный поиск! Он перевернул всю жизнь Сивцова.

— Так и быть, — говорит капитан. — Идите с Баевым.

Игорь, сияющий, влетел в казарму. Он немедля выложил бы напарнику все, но тот сладко спал, уткнувшись в подушку. И всплыли сомнения. Баев еще новичок, зелен, рановато ему все знать. Задача — не спугнуть врага. Вдруг Баев сглупит!

— Мы с тобой патруль, — сообщил он Баеву минуту спустя. — По дороге пойдем, ну… и на кочевку.

— Случилось что?

— Да нет. Для порядка просто…

Баев шмыгнул носом, внимательно поглядел на Тверских и соскочил с койки.

Собрались, вошли к Сивцову. Игорь доложил — наряд к несению службы готов. Капитан оглядел их. Смышленые глаза у Баева! Раньше он видел Баева и всех как бы сквозь серую пелену.

— Задача ясна? — спросил он.

— Так точно, — отчеканил Игорь.

«А посвятил ли он Баева? — спросил себя Сивцов. — Старший наряда, а воспитатель еще неважный».

— И вам ясно? — обратился он к Баеву.

— Соображаю, — отозвался Баев, — никогда мы чабанов не проверяли, — значит, нарушитель там.

— Один нарушитель?

— Так точно. Кабы двое, и разговор другой. Руки вверх — и баста.

Сивцов заметил, как покраснел, потупился Игорь. А Баев молодец! Впрочем, поражаться нечему. Замысел поиска, его тактика как-то

стихийно становятся достоянием его рядовых участников, военных и штатских. Это в порядке вещей у нас. Директивы с пометкой «секретно» совпадают со здравым смыслом простых людей, со смекалкой народа, перенесшего войну, испытанного и в тайных схватках с врагом. Прямой расчет велит — не спугнуть, проследить за нарушителем, чтобы изловить и его сообщника.

— Каждый солдат должен знать свой маневр, — молвил Сивцов. — Еще Суворов указал.

Он повторил то, что перед тем сказал Игорю, — проверить у всех документы, вести себя так, чтобы успокоить гостя, а затем расположиться в секрете, на высотке. Капитан показал высотку на плане. Застава охватывала кочевку Арсена Давиташвили цепочкой секретов. С наступлением темноты наряды передвинутся ближе к скале…

До ворот заставы оба шли молча. Игорю было неловко перед младшим.

— Не успел я, видишь, — начал он примирительно. — Я думал тебя в курс ввести…

Он пытался обрести обычный тон старшего, покровительственный и чуточку небрежный, но это не удавалось.

Лукавая улыбка мелькнула на лице Баева. «Ничего ты не думал», — означала она. Но Баев

не обиделся. Важное задание захватило его, он заговорил с жаром. Лазутчик, верно, испугается при виде пограничников. Главное — держать себя в руках. Обращение должно быть со всеми одинаковое.

— Будто мы первый раз видим всех — и чабана и Гиви. Э, Игорь, — Баев подмигнул, — девушку твою тоже проверим.

— Мою! — буркнул Игорь. — Иди ты!

— Да что ж ты снова побледнела? — продекламировал Баев. — Так, няня, право ничего.

— Чудило ты!

— Евгений Онегин. Роман в стихах.

— Да? Ты один грамотный? Поздравляю! — огрызнулся Игорь. — А насчет Лалико… Заладили вы все, будто я… Ну, знакомы слегка. Ну, танцевали разок. Дев много, брат. Больше, чем требуется.

Последние слова были не его — так выражался один юный прожигатель жизни, которого Игорь знавал в Москве. Несколько раз начинал Игорь письмо к Лалико. И все не то. Или холодно получалось, или жалобно. Нет, унижаться он не станет! Вот поговорить бы с Лалико сегодня! Не при Баеве только, а с глазу на глаз.

Игорь хотел объясниться с Лалико и в то же время робел. Он скрывал эту робость от Баева и

даже от себя. И почувствовал облегчение оттого, что не Лалико открыла дверь сакли, а сам хозяин, Арсен.

За столом сидел гость — обросший, грязный. Расстегнутая куртка, мятая, с пятнами смолы, обнажала волосатую грудь и ладанку — кожаный мешочек на бечевке, засаленный дочерна.

— Пограничный наряд, — произнес Игорь, козырнув. — Прошу предъявить документы.

Листая паспорт Арсена, он искоса поглядывал на гостя. Отсветы очага скользили по его лицу. Он сидел в той же позе, катал по столу хлебные шарики и, казалось, не замечал пограничников.

У порога встал с карабином Баев. Окна сакли, прорубленные в толстой бревенчатой кладке, заделаны железными решетками. Не сбежит гость!

Однако он и не думал бежать. Голова его клонилась, он точно дремал. Шевелились только пальцы на столе, немытые, черные. Игорь шагнул к нему. Гость откинулся, схватившись за край стола, уставился на пограничника. Что было в глазах этого человека? Страх? Злоба?

Арсен проговорил что-то по-грузински. Гость ответил. Игорь не понял, но уловил дрожь в голосе, зябкую дрожь испуга. Стало спокойнее.

Паспорт у гостя был совсем как настоящий.

Игорь как ни всматривался, не мог найти изъяна.

— Мурадов, — прочел он и протянул паспорт. — Все в порядке, гражданин Мурадов…

Арсен заговорил опять, должно быть, переводил, но гость понял. Он поднялся, жадно схватил паспорт и засунул куда-то очень глубоко в недра своей замызганной куртки. Чуть ли не за спину. Кланяясь, он прикладывал руки к сердцу, — очевидно, благодарил.

— Тьфу! — сплюнул Игорь, когда солдаты вышли. — Гражданином назвал его…

— Я бы и так догадался, что это он… — сказал Баев. — Висюлька-то! Вместо креста, что ли, у них? У того точь-в-точь такая же на шее.

Баев прав — ладанка была и у того, первого нарушителя.

— Слышь! — сказал Баев. — Почему он против нас, а? Из бедных, видать. Тощий, дикий какой-то. Рук не моет… А поклоны отбивал, — Баев засмеялся, — ровно старуха перед иконой.

А на кочевке жизнь шла своим чередом. Лалико нарвала телятам сладкой травы, попрощалась с ними, потрепав каждого по теплой, ласковой мордочке, и спустилась к жилью. Она разожгла заглохший в очаге огонь, вынесла собакам кости

— остатки вчерашнего обеда, вымыла котел, принялась за стряпню. Гость, явившийся к отцу рано утром, спал на топчане, храпел.

К обеду сошлись все обитатели кочевки: тетя Этери, сестра отца, перебиравшая шерсть, тетя Мелания, сестра матери, принимавшая от доярок молоко, все пять доярок во главе с красавицей Кулико, заработавшей в прошлом месяце тысячу рублей, больше всех. Шумная компания стесняла гостя; он смотрел в миску, отвечал на расспросы односложно, иногда перебрасывался с отцом Лалико двумя-тремя словами на турецком языке.

Никто этого языка не понимал, кроме отца. Когда-то он и Мурадов были соседями и вместе батрачили у богача. Это было очень давно. Батраков и богачей Лалико знала только по книгам.

Весь день отец, против обыкновения, провел дома, беседовал с гостем. Мурадов часто переходил на свой язык, но отец отвечал по-грузински. По-турецки он говорил плохо, запинался и начинал сердиться. Как не надоело им болтать часами! Мурадов передохнуть не давал отцу, все-то ему нужно знать! И какой доход семьи, и сколько голов скота в колхозе, почем в сельмаге сахар, соль, спички.

— В Средней Азии цены разве другие? — спро-

сила Лалико отца. — Он словно с луны свалился.

— Другие, дочка, наверно другие, — сказал отец нехотя.

Гиви сообщил ей, что на кочевке были пограничники, проверили у Мурадова документы. Старший сказал: «Все в порядке». Кстати, дядя знает этого старшего, да и Лалико знакома с ним как будто. Это Игорь.

— Жалко, ты не Тамара, — засмеялся Гиви.

Русский князь был мужем царицы Тамары. Гиви любил историю, получал за нее пятерки в школе и не упускал случая блеснуть.

Лалико свела брови и отошла.

— Ага! — бросил вдогонку Гиви. — Забилось сердце!

Девушка не ответила. Глупый мальчишка Гиви! Нет, право, мужчины умнеют лишь тогда, когда седина тронет виски. Она вспомнила нелепое письмо Игоря. Обидел ее и отца и даже не догадался извиниться…

Под вечер звякнул за окном звонок велосипеда — дядя Тициан привез почту. Лалико кинулась разбирать; она еще надеялась, что Игорь напишет. Нет! Вот Кулико — та счастливица: жених шлет ей письма из Сакуртало каждый день.

Вчерашние газеты из Тбилиси. На первой стра-

нице — портрет пожилого иностранца. Лалико вздрогнула — Мурадов, мирно сидевший у погасшего очага, вдруг потянулся, жадно схватил газету. Зачем она ему?

— Арсен! — позвал он. Но отца в сакле не было. Мурадов смотрел на портрет, смотрел не отрываясь, комкая края газеты своими черными пальцами.

Лалико приросла к месту. Мурадов бормотал что-то. Странно, что́ ему до этого джентльмена, собирающегося навестить Тбилиси!

Газет не видал, что ли! Дикий он, совсем дикий! Но гостя не на шутку заинтересовал портрет.

— Читать умеешь? Читай мне! — он провел ногтем под портретом.

«Соммерсет Брайт. Выдающийся политический деятель и писатель».

Она произнесла это раздельно, как читают детям, но Мурадов не понял. Политический деятель? Таких грузинских слов он не знал.

— Знаменитый человек, — пояснила Лалико. — Ну, известный. Всем известный.

Теперь Мурадов понял, но лицо его выражало растерянность. Он словно ожидал чего-то другого.

— Когда? — спросил он. — Когда приедет?

— Двадцать седьмого, — Лалико загнула палец, другой. — Через два дня.

Мурадов кивнул. Он положил газету, вернулся к очагу. Это все, что ему надо было? Странно, очень странно…

Отец был на дворе, надевал собакам на ночь ошейники с шипами, чтобы не зael волк. Выслушал Лалико внимательно, потом скривил губы:

— Э, чепуха. Убогий он, Лало, ты же видишь. Воробей выклевал разум.

Отец всегда был откровенен с ней. Но сейчас она почуяла неискренность в его тоне. Или ей показалось? Что ж, очень может быть. Мурадов в самом деле убогий. Мало ли что взбредет в его голову, исклеванную воробьями!

Настал вечер. Женщины пели песни во дворе. Гиви ускакал на пастбище. Лалико стало грустно. Игорь был на кочевке и не спросил о ней. Сердится? Видеть не хочет больше?

Она рано легла спать. Резкий звук разбудил ее. Чем-то стукнули по столу. Два голоса слышались за занавеской — отца и гостя. Пьют!

— Ай, нехорошо, Арсен, — твердил Мурадов. — Забыл! Забыл условие…

Теперь он лучше говорил по-грузински. Долж-

но быть, вино придало смелости. Лалико тихо, стараясь не шуршать, откинула покрывало, придвинулась к занавеске.

О, да он угрожает отцу! Лалико бросило в жар. Как он смеет! Вместо благодарности…

— Ахмет, помнишь, тоже так… Проиграл свою дочь, а потом на попятный. Помнишь, Арсен? Где нашли Ахмета? В лесу нашли, без головы…

Лалико оцепенела. Что же отец? Почему он не велит ему замолчать? Сейчас же замолчать! Нет, отец подливает ему, слушает грубый, пьяный бред.

— Я тебя не обижу, Иса. Не беспокойся. Старый товарищ, вместе анашу носили…

Что он говорит? Анаша? Ах, да, дурманящее зелье… Дядя Тициан, почтарь, как-то рассказывал. Анашу носили через границу контрабандисты, давным-давно. Но при чем тут отец? Да не сон ли это? Отец носил контрабанду! Ее отец, лучший чабан в районе и, может быть, во всей Грузии!

За занавеской между тем не умолкала хмельная беседа. Лалико не верила своим ушам. Да, отец проиграл ее. Тогда ее еще и на свете не было. Отец только что женился. Он сел играть в кости с этим Мурадовым и проиграл все деньги, а затем и свою будущую, еще не родившуюся дочь!

Значит, Мурадов приехал получить выигрыш? Он шутит, конечно! Но почему они не смеются? Лалико стиснула доску топчана, — заноза впилась ей в ладонь. Шутят и не смеются! Почему, почему?

Мысли Лалико путались. Значит, Мурадов требует ее. И отцу грозит смерть!

Лет десять назад в Сакуртало произошло убийство. Ночью на окраинной улочке зарезали рабочего маслобойки, азербайджанца. Он никому не сделал зла. Выяснилось — убил его кровник, по страшному закону кровной мести, длившейся из поколения в поколение. Искал, рыскал по разным местам, нашел и убил. Этот случай поразил восьмилетнюю Лалико.

Мурадов такой же дикий! А отец соглашается с ним… Неужели боится? Не помня себя, Лалико слезла с топчана, накинула ватник, метнулась к двери.

На дворе она перевела дух, немного пришла в себя. Куда теперь?

Все слышанное подавило ее. Анаша… Контрабанда… Главное — отцу грозит опасность. И ей поэтому надо исчезнуть, да, исчезнуть, чтобы спасти отца. Не за себя же ей страшно!

Ночь дохнула холодом. Лалико застегнула ват-

ник, провела рукой по волосам. Косынка осталась дома. Неудобно являться на заставу простоволосой, растрепанной…

Она толкнула калитку, выбежала на дорогу. Пусть у Мурадова паспорт в порядке и пропуск есть, все равно пограничники помогут ей. Он плохой человек.

Лалико остановилась, прислушалась. В сакле тихо. Верно, не заметили, как она выбежала. Тем лучше.

Дорога, едва видимая под ногами, впереди терялась в черной заросли кустарника. Лалико не прошла и полусотни шагов, как перед ней выросли две фигуры.

— Стой!

«Свои, — подумала она с облегчением. — Пограничники». Что-то знакомое было в голосе. Один зажег фонарь. Лалико зажмурилась, отшатнулась.

— Лалико! — произнес голос.

Игорь! Она подалась было к нему — со своими страхами, со своей болью, — но сдержалась.

— Куда направляетесь? — голос Игоря звучал теперь холодно, безразлично. Оттого ли, что она ждала другой встречи, или потому только, что этот тон кольнул ее, напомнил обиду, она отве-

тила запальчиво:

— Не скажу тебе. Пусти!

— Стойте! — Игорь загородил ей путь.

— Пусти! — крикнула она властно. — К начальнику твоему иду!

— Что за шум, — сказал кто-то по-грузински. — Гамарджоба![2]

В пространство света, вырубленное фонарем, шагнул молодой офицер.

— Вы Лалико Давиташвили? Что случилось у вас?

Она ощутила пожатие горячей, дружеской, успокаивающей руки. Как хорошо, что можно объяснить ему на родном языке. По-русски было бы трудно выразить все…

Ахметели не перебивал ее.

— Вы испугались призрака, — сказал он, когда она кончила.

— Призрака?

Рядом, в траве, прогудел зуммер полевого телефона. Майор снял трубку.

— Хорошо, товарищ Сивцов. — Он положил трубку и повернулся к Лалико. — Не бойтесь ничего. Его уже нет. Ступайте домой, к отцу…

---

[2] Примечания: 2
Здравствуйте!

— А Мурадов?.. Он… Он…

Лалико еще не все поняла, но этот уверенный, ласково улыбающийся офицер разгонял страхи, возвращал ее в свой, привычный, прочный и безопасный мир.

— Сбежал Мурадов. Вы все-таки спугнули его. Э, не огорчайтесь, не беда! Спасибо, милая девушка.

Он сжал ее локоть. Потом кусты прошелестели и сомкнулись. Все ушли: и майор-грузин и Игорь. Словно и не было тут никого.

Домой! Там, в глубине ночи, лаял Зулум, самый свирепый волкодав в стае. Потом опять все стихло. Испугалась призрака? Он прав. Ах, какая же она глупая! Не догадалась сразу… Отец дал приют Мурадову, потому что так нужно было. «Глупая я, — твердила про себя Лалико, спеша к дому. — Глупая, глупая!»

Задыхаясь, она влетела в саклю. Пусто! В холодном очаге серебрилась зола. «Отец с пограничниками», — подумала Лалико. Взгляд ее упал на стол. Газета с фотографией Соммерсета Брайта лежала на самом краю, там, где оставил ее Мурадов.

Она и забыла про газету. Все рассказала майору, а это вылетело из головы. Это-то, может быть, и

важно. Да, наверное, очень важно!

Лалико сжала кулачки. Фу, как досадно! И она снова принялась ругать себя.

Кому теперь скажешь? Она упала на топчан, зарылась в подушку. Непрошенно полились слезы. В них были и горечь и облегчение. Исход всему, что накопилось в этот трудный, небывалый в ее жизни вечер.

16

Мурадов покинул кочевку, не попрощавшись с хозяином. Он сказал Арсену, что ему нужно до ветру. Тихо прикрыл за собой калитку и двинулся скорым шагом прочь. Показалась грузовая машина. Он остановил ее, попросил подвезти до станции.

Тотчас следом пошла другая машина…

В погоню устремились Ахметели и его товари-

щи. Пограничники свое дело сделали.

Лазутчик купил билет и сел в общий вагон поезда, направлявшегося в Тбилиси. В тот же вагон вошли Ахметели и двое чекистов в штатском.

Город выступил из мглы — свежий, умытый легким ночным дождем. Первые лучи солнца золотили витрины. Приезжий не спеша пересек площадь у вокзала и стал спускаться к Куре. Через полчаса он жадно ел хинкали в маленькой закусочной, вблизи Метехского замка. Потом перешел на другой берег реки и по извилистой, затененной акациями улице Леселидзе поднялся к центру города.

Дворничиха-курдинка в ярко-красной юбке, увешанная ожерельями, замотанная двумя шалями, сидела на обочине тротуара и чинила капроновый чулок. Она проводила оборванца долгим, опасливым взглядом.

Ахметели не терял его из виду. Многое поражало его в поведении лазутчика. Он шел почти не скрываясь, словно и не опасался преследования. Но он не был спокоен, — напротив, в каждом движении его сквозила тревога. Просторная площадь Ленина была вся залита солнцем. Люди у остановки троллейбуса наблюдали, как странный прохожий вытащил из-за пазухи тряпку,

расстелил, упал на колени и совершил намаз.

Похоже, он только сейчас сообразил, что уже утро! Он бережно сложил тряпку, встал и пошел дальше, не озираясь, глядя только вперед, в какую-то невидимую для других, ускользающую точку.

Ахметели вспоминал рассказ Лалико. Бедная девочка! Как она перепугалась! И не мудрено. Ужасы прошлого, о которых она знала лишь по учебникам истории, ожили, надвинулись на нее. Ее хотят взять силой! Однако с какой стати ворошил былое этот выходец из другого мира? Решил увезти Лалико? За рубеж, в Турцию? Верно, хмель подействовал.

Листья чинар на проспекте висели недвижно, обещали жаркий день. Распахивались двери парикмахерских, магазинов, хинкальных. В одной витрине выставили портрет Соммерсета Брайта, знаменитого гостя из-за океана. «Да здравствует мир между народами!» — гласила подпись.

Лазутчик остановился у витрины, припал к стеклу. Он что-то шептал, будто пытался прочесть…

Еще вчера Ахметели, получив свежую газету, узнал, чья фотография хранилась в заплечном мешке, найденном в лесу. На тех снимках, за-

вернутых в водонепроницаемую фольгу, и на портрете, появившемся в газетах, одно лицо!

Лазутчик оторвался от витрины, дошел до угла и повернул влево, в улицу, устремленную к подножию горы Давида. То, что Ахметели увидел в следующую минуту, не было для него полной неожиданностью, нет, он допускал такой исход. И все-таки сердце его сильно, радостно забилось.

Человек с паспортом на имя Мурадова вошел в подъезд здания, очень хорошо знакомого майору. Здания, в котором он проработал уже полтора десятка лет. В вестибюле, где по-весеннему пахло сохнущей штукатуркой, безусый часовой, морщась от напряжения, силился уразуметь невнятную, возбужденную скороговорку необычного пришельца. Ему нужно к начальнику! Очень нужно! И как можно скорее!

Счастье победы, еще более полной, чем одоление в кровавой схватке, захлестнуло Ахметели. Он стоял несколько мгновений не двигаясь, словно оглушенный залпом.

Лазутчик пришел с повинной…

В тот же вечер майор записывал его показания. В чистой одежде, накормленный, отдохнувший, он отвечал на вопросы смущенно, не смея поднять глаз на офицера, но с готовностью и

обстоятельно.

Он заявил, что подлинная его фамилия Мурадов, что он был в плену у гитлеровцев, после войны поселился в Турции и согласился стать шпионом за деньги.

Ввели его спутника. Арестованный напрасно кривлялся, отнекивался, призывал в свидетели аллаха. Мурадов разоблачил его. Это Нияз из Узундага, бывший бандит, тоже нанявшийся к Азиз-бею, по прозвищу Шишка.

Да, они оба — Нияз и Мурадов — прошли подготовку в Карашехире и уже однажды были на советской земле, летом прошлого года. Им поручили вербовать агентуру, обеспечить явки и «почтовые ящики» для тайной корреспонденции. Да, он, Мурадов, посетил тогда старого знакомого Арсена Давиташвили, а Нияз — Шахназарова и Бахтадзе. Однако о цели визита не осмелились и заикнуться. Это было бы безумием!

Письма от всех троих — подлинные. Но они были уверены, что пишут в Среднюю Азию, старым друзьям. Надо же было что-то принести Азиз-бею — Шишке и майору Дарси — он же Магомет-бей! И получить деньги на хозяйство!

Еще в первое свое посещение Советского Союза он, Мурадов, убедился, что народу здесь живется

куда лучше, чем в Турции. Сравнить нельзя! Особенно поразил Мурадова чабан Давиташвили. В молодости они оба были батраками, и вообще многое в их судьбе на первых порах совпадало. Носили анашу через кордон, потом отбывали наказание… Но как расцвела жизнь Арсена! О, аллах!

Арсен богат. На кочевке каждый день едят сыр, каймак, мясо! Каждый день! Какое у Арсена пальто! Даже у уездного начальника в Карашехире, пожалуй, нет такого. Арсен — грамотей, он и по-русски умеет читать и писать. И дочь его грамотная! А как она одевается, Евлалия-ханум! Какая красавица! О, аллах! Однажды она вышла к колодцу в лакированных туфлях. Сказка! В Турции не поверил бы никто.

В ту же ночь, когда завязалась перестрелка с пограничниками, он, Мурадов, покинул товарища. Нет, он не стрелял. Он решил так —надо спрятаться, переждать, пока все уляжется, а потом явиться с повинной. Ведь он не так виноват перед советской властью, как Нияз. Крови на нем нет. Начальников своих обманывал — тоже хорошо. А главное, он раскроет важную тайну, и это наверняка спасет ему жизнь. Нет, майору не скажет! Генералу! Самому большому начальнику!

Он отсиживался в пещере. Голод выгнал его оттуда, привел к Арсену. Арсен принял как друга, вечером угостил вином. Аллах запрещает пить, но было уже темно. Аллах не видел! Очень приглянулась ему, Мурадову, дочь Арсена. Вот бы такую жену! Она и прошение может написать и прочитать в книге, как ухаживать за барашками, как избавлять их от клещей. Конечно, вино попутало. Ханум слышала разговор, наверно. Она испугалась и убежала. А он, Мурадов, вышел на улицу. Холодком подуло, он и сообразил, что зря затеял это. Не пойдет за него ханум и неволить не полагается, мало ли что Арсен когда-то проиграл ее по глупости. Но Мурадову вдруг стало страшно — а если ханум поднимет тревогу? Тут застава близко…

И он не вернулся в саклю, а прямо, в чем был, отправился в Тбилиси, к большому начальнику. Откладывать надолго все равно нельзя было.

— Почему нельзя? — спросил Ахметели.

— Нельзя, майор… Нельзя, — выдавил Мурадов. — Потом скажу.

Ахметели вынул из папки фотографию — одну из трех, найденных в мешке. И портрет, вырезанный из газеты.

— Это Соммерсет Брайт, наш гость из-за грани-

цы, — сказал майор. — Дорогой гость, посланец мира, как его называют. Он за то, чтобы не было войны, понимаете? Для чего вам дали снимки?

Мурадов встрепенулся.

— Скажу, эффендим… Гражданин офицер, пусти к главному начальнику, пусти! — Он сполз со стула и опустился было на колени, но Ахметели сделал запрещающий жест. — Пусти, эффендим! Аллах благословит тебя! Если большой начальник захочет, я буду жить. Жить!

Он принес свою тайну, чтобы купить за нее жизнь, остаться на земле отцов.

— Хорошо, — сказал Ахметели. — Я доложу генералу. Еще вопрос: где ваш третий спутник? Вас было трое, — не так ли? Вы, Нияз и Рифат Эрдоган, курд. Так где же и когда вы расстались с Рифатом? Где искать его?

— Нигде, — ответил Мурадов. — Не надо искать. Здесь нет его следа.

17

Бирс продолжал чтение записок Дарси. С каждой страницей почерк становился все более неровным, а изложение менее связанным.

«Проклятье! —

писал Дарси. —

Щупальца Москвы дотянулись и сюда. Азиз-бей, подлый турок, работает на красных!»

На другой странице он уже не употреблял крепких выражений, очевидно, несколько успокоился. Что же натворил Азиз-бей?

«Я все-таки пишу! Если даже опера-

ция «Рикошет» рухнет, все равно, пусть знают будущие поколения, каково нам приходилось тут, лицом к лицу с красной звездой!»

— Не очень грамотно, — заметил Бирс. — И самомнение, как у какого-нибудь штурмбанфюрера войск СС. Скажет ли он где-нибудь, в чем суть операции? Что за бомбу придумали Мерриуотер и Ван Дорн! Нет, видно, у Дарси все еще не хватает духу доверить служебную тайну бумаге. Что ж, естественно! Но почему он нападает на Азиз-бея?

«Турок уверяет, что он вывел на трассу всех троих. Но Рифат остался! Он как ни в чем не бывало разгуливает по Карашехиру! Сержант, мой шофер, видел его. Это поразило меня, как громом. Я вызвал Азиз-бея и вначале, кроме восклицаний «Бисмиллах!» и вздохов, ничего не мог добиться от него. Но я-то знаю его! Я прямо посоветовал бросить комедию и объяснить, что у них там стряслось.

Если верить Азиз-бею, виноваты Нияз и Иса. Турки не пожелали идти с курдом! Они задирали Рифата, затевали ссору. Азиз-бей — опять-таки, если верить ему

— вмешался и навел порядок. Они будто бы совсем помирились, когда он давал последние наставления. Курд, вероятно, отстал у самой границы…

Так или иначе, Рифат не пошел с ними. Что и говорить, поднес он мне сюрприз! Человек, которого я так ценил! Нет, все они — турки, курды, персы — один другого стоят! Рифат изменил нам. Его воспитали наши учителя, ему дали все лучшее, а он изменил. Человек, которому доверен замысел огромной важности, отвернулся от меня, вышел из-под моего контроля! Это в Карашехире, где полно русских агентов!»

Бирс, прочитав это место, усмехнулся. Полно агентов! У страха глаза велики… Во всяком случае, в донесениях он не назвал с уверенностью ни одного. Так что же Дарси сделал с Рифатом?

«Мне известно было, например, что кучер фаэтона женат на русской, на молоканке. Он всегда так рьяно зазывает в свой экипаж офицеров! Словом, я не мог рисковать. Ставка слишком велика. Я приказал шоферу быть наготове».

Ах, так вот кого сшиб сержант! Дарси не договорил, постеснялся. Впрочем, вот еще о Рифате:

> «Курд на откупе у красных! Иначе нельзя осмыслить происшедшее. Мог ли я церемониться с предателем? Ждать, пока он разболтает? Устранить его я обязан как можно скорее и без огласки».

Дальше записи потеряли связность. Дарси принимался ругать то Азиз-бея, то своих агентов. Нияза и Ису он тоже обвинял в измене.

> «Турки действительно не хотели взять Рифата. Тут Азиз-бей не соврал. Они побоялись идти с человеком, который мог распутать их жульнические дела. Подлые обманщики! Недаром письмо популярного, богатого чабана казалось мне подозрительным! Если бы можно было их вернуть из России, сейчас же вернуть и повесить! Я сам бы накинул петлю!»

Бирс поморщился. Достаточно определенно! Да, сержант сшиб Рифата.

> «Соммерсет Брайт завтра прилетает в

Москву. Русское радио поет ему хвалу. Вот тоже предатель! Мерриуотер напрасно будет ждать от меня вестей об успехе».

— При чем тут Соммерсет Брайт? — удивился Бирс. — Записки Дарси явно потеряли связность. Должно быть, он уже принял крепкую дозу анаши. Один лист чистый, пальцы у Дарси онемели от зелья, он захватил сразу два листа. Да, так и есть.

«Курд жив! Сержант не сумел…»

Это-то, видно, и подкосило Дарси. Бирсу казалось, что он слышит крик. Вопль отчаяния, застывший в тетради…

Значит, он писал это в тот вечер. В тот последний вечер своей жизни. Дальнейшее похоже на предсмертное письмо.

«Все на содержании у русских! Азиз-бей, турки, Рифат — все против меня. Боже, накажи Рифата! Накажи всех, сорвавших «Рикошет»! Прощай, надежда! Томми, сын мой Томми, ты должен знать, кто виноват в гибели твоего отца».

Ниже косыми, пьяными буквами:

«Потомки! Склоните головы над прахом незаметного героя!»

Все! Остальные страницы пустые. Бирс закрыл тетрадь. Странное ощущение овладело им: то, что он прочел, написано вовсе не Саем. Сайлас Дарси, с которым Бирс дружил в молодости, с которым был на фронте, в Арденнах, умер уже давно, а эти записки принадлежат какому-то другому Дарси. Тот Дарси верил в жизнь, в людей. Он был крепким парнем, тот Дарси. Тяжелая служба, что и говорить! Грязная, унылая, неблагодарная работа!

Однако что же это за операция «Рикошет»? В тетради — ни намека. Бирс откинулся в кресле. Лучи вечернего солнца, янтарно-желтые, заливали комнату. Банка со скорпионами светилась, как фонарь. Насекомые точно ожили. Они словно шептались, соединившись лапами…

Стукнула дверь соседнего номера. Пришел Эпплби. Не очень-то приятно иметь с ним дело.

— Должен потревожить вас, майор, — сказал Бирс. — Не упоминал ли Дарси Соммерсета Брайта?

Эпплби отвечал с подчеркнутой нагловатой

вежливостью. Да, упоминал, как раз в тот вечер, у приемника. Шла передача из Москвы, сообщалось о предстоящем визите Брайта. И Дарси вышел из себя.

— Брайт поступил подло, — бросил Эпплби раздраженно. — В такое время перекинуться к красным!

В памяти Бирса возник седой, полнеющий человек с теннисной ракеткой на корте. Они познакомились за игрой, а потом Марджери, жена Бирса, заполучила Брайта на обед. Вечно подавай ей знаменитостей! Соммерсет Брайт, оратор, философ, писатель, кумир интеллектуальной молодежи. Космические ракеты большевиков повлияли и на него! И вот теперь Брайт едет в Советский Союз. Едет посланцем мира, как он сам утверждает.

Конечно, он вовсе не красный. Так его называют только оголтелые, вроде Эпплби. Брайт был прежде с ними, проповедовал превентивную войну против русских, потом протрезвел. Вовсе не надо быть коммунистом, чтобы хотеть мира…

— Перекинуться к красным! — повторяет Эпплби. Он смотрит на Бирса с вызовом.

«Он тоже кончит, как Дарси, — подумалось Бирсу. Эта мысль поразила его и даже испугала. — А

впрочем, если трезво разобраться, он самоубийца, этот Эпплби. И все самоубийцы, Мерриуотер и Ван Дорн, все сидящие на пороховой бочке и грозящие ее поджечь».

— Еще вопрос, майор, — сказал Бирс. — Вы знаете курда, по имени Рифат Эрдоган?

— Я видел его. Дарси вызывал его сюда.

— Где сейчас Рифат?

— Он на той стороне, сэр, — ответил Эпплби. — Он ушел с группой…

Значит, Дарси скрыл от майора. Скрыл и цели операции и скандал с Рифатом. Даже Эпплби! Дарси панически боялся, как бы тайна не просочилась наружу. Ван Дорн и Мерриуотер доверили только ему! Кто же еще в курсе? Возможно, Азиз-бей знает кое-что. И наверняка — Рифат. Рифат не может не знать.

Азиз-бей арендовал небольшой дом с садом в центре Карашехира, у реки. Калитку открыл подросток-слуга, одетый по-турецки — в безрукавке и широких штанах, стянутых поясом из синего шелка, обмотанным вокруг туловища несколько раз. Такие пояса носили некогда янычары. Не хватало кинжала и пистолета.

Слуга провел гостя на веранду. Под ней сонно журчала обмелевшая, притихшая река. Азиз-бей

лежал на тахте. При виде Бирса он вскочил, отбросил газету.

— Смотрите, что пишет Янчин, — сказал он. — Русские — азиаты, а турки — европейцы.

«Вот еще нацист», — подумал Бирс.

— Русские — азиаты. Они хлынули в Европу из-за Урала, — продолжал с воодушевлением Азиз-бей. Он явно полагал, что доставляет гостю удовольствие.

Слуга внес угощение: цыпленка, сваренного в молоке с сахаром, ватрушки с сыром и яйцами, чай. «Вероятно, ждал визита», — подумал Бирс. Для приличия завел речь о погоде.

— В Карашехире климат лучше, чем в Стамбуле, — заметил Азиз-бей. — В Стамбуле вообще нет погоды. Там два ветра — северный и южный. Один аллах ведает, с какой стороны подует сегодня, — турок взглянул на Бирса. — Так и в политике. Никогда не знаешь…

«Я понял вас, Азиз-бей, — мысленно произнес Бирс. — Ветры меняются, откровенность может повредить».

— Климат Карашехира суров, — ответил он.

— Да, особенно для приезжих. Увы, наш друг Дарси не перенес его.

— До сих пор выдерживал, однако, — сказал

Бирс и закончил решительно. — Я должен понять, что тут случилось.

— Анаша, — медленно проговорил турок. — Жертвы ее неисчислимы.

«Не хочет сказать», — подумал Бирс.

Бирс помолчал, похвалил цыпленка. Чудесное кушанье, шедевр турецкой кухни. Потом снова ринулся в атаку. Дарси забросил за рубеж агентов и очень волновался. Не постигла ли их беда?

Турок пожал плечами.

— Пока сведений нет.

— Но один вернулся, — Бирс выложил козырь. — Почему он не пошел с другими?

Брови Азиз-бея полезли вверх. Осведомленность Бирса удивила его. Но он тотчас овладел собой.

— Прискорбно, — вздохнул он. —Таковы нравы Востока! Ссора, обыкновенная ссора, насколько мне известно. Курду и турку так же трудно ужиться…

— Как двум ястребам в одном гнезде, — подхватил Бирс, теряя терпение. — Скажите по крайней мере, что с Рифатом? Где он?

— Он близко, — молвил Азиз-бей, разглядывая свои крашеные ногти. — И в то же время очень далеко от нас.

— Точнее, — попросил Бирс.

— Рифат — сын бека, вождя племени. Они все подданные Турции, но…

Налогов они не платят, чиновников не слушают. Смутьяны, истинное бельмо на глазу аллаха! В тот вечер, накануне смерти Дарси, сотня курдов на конях, с обнаженными саблями ворвалась в пригород Аскадер, где находится больница. Рифат лежал там с помятой ногой. Он угодил под машину… Что мог сделать врач, убеленный сединами Кази Руфи? Курды схватили своего соплеменника и ускакали с ним. Озорники! Нет на них управы…

Рассказывая, турок не сводил настороженного взгляда с Бирса. Майор чувствовал — гнев Азиз-бея притворен. Напротив, похищение Рифата для него кстати. Устойчивой погоды нет, ветры политики переменчивы, и держаться в стороне бывает полезно.

— Рифат теперь у своих, — подвел итог турок. — Не советую вам рисковать.

— Я должен, — отрезал Бирс упрямо. — Я обязан увидеться с Рифатом.

18

Да, надо ехать к курдам. И, конечно, не только ради Мерриуотера и Ван Дорна. Из-за них он, Бирс, не стал бы подвергать себя опасности. Он мог бы просто сообщить в своей докладной, что Рифат Эрдоган, сын вольного курдского племени, теперь вне пределов досягаемости.

Ясно и так, что погубило Дарси. Операция «Рикошет», столь значительная для него, по-видимому, сорвалась. Во всяком случае, он был убежден в этом. Кто-кто, а Мерриуотер и Ван Дорн знают, в чем суть этого таинственного «Рикошета», равного по силе атомной бомбе. Им-то объяснений Рифата Эрдогана не требуется.

Сейчас совсем не важно, что знают и чего не знают Мерриуотер и Ван Дорн. Ему, Бирсу, в сущности, наплевать на это. Он сам должен разо-

браться во всем до конца. Для себя.

Желтая песчаная тропа лезла вверх по рыжему, выжженному склону. Бирс покачивался в седле. Впереди, в облаке пыли, двигался Рустем — проводник и толмач.

Азиз-бей отказался ехать с Бирсом. Разболелась нога! И он, и Эпплби, и даже уездный начальник отговаривали Бирса. Ехать к курдам, к этим разбойникам!

В дорогу Бирс надел штатское. В карман суконных бриджей сунул маленький пистолет, незаметный снаружи. Чтобы придать себе внешность любознательного туриста, Бирс надел очки в старомодной круглой оправе, перекинул через плечо фотоаппарат, сумку с картой. Неужели курды откажут ему в гостеприимстве?

Бирс дал шпоры коню, нагнал Рустема. Веселая болтовня юноши — белозубого, гибкого горца — нравилась майору. К тому же Рустем знал курдов.

— О, эффендим, вы будете почетным гостем, — сказал Рустем, лукаво улыбаясь. — Вас сам хозяин будет кормить из рук, как ягненка.

О Сулейман-беке, отце Рифата, толмач мог сообщить немало. Истый мусульманин, знаток корана. Умен, тверд, пользуется неограниченной

властью в своем племени. Сулейман-бек — один из тех отважных, которые стремятся объединить всех курдов, разделенных границами Турции, Ирана, Ирака и других государств, и создать независимый Курдистан. После того как шах Ирана казнил лидера этого движения, оно затихло, но не умерло.

— У Сулейман-бека есть четки, — рассказывал Рустем. — Красные янтарные четки. Говорят, их подарил курдам пророк Магомет.

Лицо Рустема серебрится от пыли. Черные брови его стали седыми. Пыль пропитывает одежду, хрустит на зубах. Сквозь летучую пыль видна все та же тропа, лезущая вверх. Желтая тропа, она маячит стоймя, словно канат факира. Канат, подброшенный кверху и застывший перед зрителями, зачарованными гипнозом.

Бирс устал. В седле ему жестко, непривычно. Мысли рассыпаются. Он устал думать о курдах, о Сулейман-беке, устал слушать Рустема. Вспоминается факир, виденный когда-то в Бейруте, чудом стоящий канат и на нем маленькая обезьянка с белым пухом на шее. Обезьянка в пуховом воротнике, проворная, забавная.

— Кочевье, — сказал Рустем.

Они на перевале. Здесь порывами налетает

прохладный ветер, звенит сухая трава. Тропа исчезла. Нет, она вон там, внизу. Упала, легла в долине. Впрочем, нет, то река, далекая река, а черные бугорки у ее изгибов — это шатры. Бирс выпрямился в седле, обтер платком лоб, щеки. Да, шатры. А серые и черные пятна, живые, чуть движущиеся, — отары овец.

Солнце уже коснулось плеча горы, когда Бирс слез с коня, с болью размял онемевшие ноги. Как из-под земли выросли два курда, отвели коней. Потом появились еще двое — тоже рослые и одетые так же: куртка, шаровары и белая чалма. Повели гостей к шатру, самому большому на кочевье.

У входа Рустем снял чувяки. Бирс с наслаждением сбросил тяжелые ботинки. Пол в шатре вождя был покрыт мягкими коврами, стены обиты черной материей из козьей шерсти, без всяких узоров. За бархатной занавеской раздавались женские голоса — старушечий, ворчливый и другой — девичий, сдержанный, послушный. Их властно заглушил мужской голос — старческий, резкий, очень высокий. В ту же минуту Бирс увидел Сулейман-бека.

Узколицый, с сеткой глубоких, как трещины, морщин, с белой бородой, он напомнил Бирсу

иллюстрации старых книг о Востоке. С чалмы вождя свешивалась бахрома из синего шелка, — очевидно, знак его достоинства. Глаза смотрели на пришельцев пристально.

— Вам нужен мой сын Рифат? — произнес он вдруг по-английски, и Бирс смутился. Сулейман-бек явно нарушил этикет, повелевающий начинать разговор издалека, к делу подходить постепенно. Ничего хорошего не предвещало такое начало.

— Ваш сын вернулся в свою семью, — сказал Бирс. — Никто не может отнять его у вас.

Взгляд Сулейман-бека смягчился. Рустем сказал несколько фраз по-курдски, тон его был почтительный.

Как было условлено, Рустем представил Бирса, как путешественника и журналиста, интересующегося курдской проблемой. Бек благосклонно наклонил голову.

— О беде, постигшей вашего сына, я узнал случайно, — поспешил прибавить Бирс. — Не скрою, мое любопытство было задето. Надеюсь, он поправляется?

— Да, хвала аллаху.

Пальцы Сулейман-бека пробежали по бороде, остановились на груди. Он помолчал, затем

спросил, как чувствуют себя путники, как перенесли жару, жажду и неудобства верховой езды. С английского бек перешел на свой язык; Рустем перевел, и Бирс испытал облегчение. Лед сломан.

Красные и желтые подушки лежали на коврах. Сулейман-бек указал на одну из них Бирсу, сел сам и затем предложил сесть Рустему. Слуга внес угощение. Бирс заметил на подносе тонкий узор из серебра. Этот поднос украсил бы любой музей. Вошли женщины: толстая старуха, очень смуглая, почти черная, и девушка лет шестнадцати. Она была бы хороша собой, если бы не багровое пятно на подбородке. «Волчанка», — подумал Бирс. На лбу — цепочка из монет. Они и на лбу, и на груди, и на запястьях, звякают при каждом движении.

Алый янтарь блеснул в руке Сулейман-бека. «Четки пророка Магомета», — вспомнил Бирс. Его мысли ушли в прошлое. Но ненадолго. В приемнике, настроенном на Тегеран, забарабанил джаз.

Когда полог шатра откинулся и на подушку против Бирса опустился Рифат, майор узнал его сразу, хотя никогда не видел. Чалма, шаровары, как у всех, но лицо… Гладко выбритое, с тщательно подстриженными усами, лицо Рифата смотрело сюда, в сумрак шатра, как бы из другого

мира. «Красивый, — отметил про себя Бирс. — Мог бы стать звездой экрана, играть любовников в фильмах из восточной жизни, напыщенных и слащавых».

Очень красивых мужчин Бирс не любил. Он не мог относиться к ним серьезно.

Говорили о традициях курдов, всегда непокорных. Начал Бирс, а Сулейман-бек с удовольствием подхватил.

— Нас не могли поработить ни ассирийцы, ни персы, — сказал он гордо. — Что осталось от ассирийского царства? Прах! А курды живут, живут уже четвертое тысячелетие…

Старик погрузил пальцы в плов, взял горсть, ловко скатал жирную еду в плотный шарик и протянул Бирсу. Майор открыл рот, Сулейман-бек запихнул туда шарик и подтолкнул большим пальцем. Сдобренный гранатовым соком, перцем, плов обжигал, как раскаленный уголь. Слуга непрерывно подливал чай. Бирс устало открывал рот, жевал, глотал душистый чай и все время чувствовал на себе взгляд Рифата, то настороженный, то иронический.

— Виски у нас не держат, — сказал он, и Бирсу послышался вызов в этих словах.

— Тем лучше, — ответил майор. — Меня лично

устраивает мусульманский сухой закон. Жаль, что далеко не все магометане соблюдают запрет.

— Нравы портятся, — пропел своим фальцетом Сулейман-бек. — От западного ветра не укрыться и здесь.

— Однако вам удалось укрыться, — произнес Бирс и прямо поглядел на Рифата.

Бирс ждал, с нетерпением ждал повода, чтобы зацепить Рифата за живое, вызвать на откровенность. Что скажет Рифат? Он молчит, но не отводит глаза. На губах Рифата снисходительная усмешка. «Увильнет красавчик», — решил Бирс.

Понятно, Рифат не обязан давать отчет. Он теперь свободен. И тем не менее в душе Бирса поднималась неприязнь к красавчику.

Усмешка Рифата погасла.

— Вы от какой газеты? — спросил он, подавшись к Бирсу.

— Я буду писать для…

— Неважно, — перебил Рифат. — Совсем неважно. — Под опаленной кожей медленно, с силой заходили скулы. — Мне все равно, кто вы такой: корреспондент или сослуживец покойного майора Дарси… Например, Бирс.

Майор весь напрягся. От кого Рифат мог узнать? От Азиз-бея? Да, скорее всего. Легенда Бирса вне-

запно рухнула, его душили досада, стыд. Как же быть? Притвориться непонимающим или…

Рядом с Рифатом возвышался огромный курд — усатый, с недобрыми глазами. Ручища его лежала на эфесе кривой сабли.

Сулейман-бек бесстрастно перебирал четки, а за спиной его стояли еще два курда с саблями наголо. Бирс не заметил, как удалились за занавеску женщины, как вошли воины.

«Рифат прав, ему все равно, — подумал Бирс. — Он не боится. Так с какой же стати он, Бирс, должен изворачиваться, лгать? Надо только подавить в себе стыд, упрямый стыд разведчика, лишившегося маски, и…»

— Допустим, вы майор Бирс, — продолжал Рифат. — Это ничего не меняет сейчас. Я был с вами, и я ушел от вас, — прибавил он, прикрыв веки, словно вызывая в памяти читанное. — Я не мог поступить иначе.

Он произнес это искренне, просто и помог Бирсу решиться.

— Да, я майор Бирс, — сказал он. — Я приехал для того, чтобы выяснить, отчего погиб Дарси. И еще…

— Для чего же еще, майор?

— Звание тут ни при чем. К черту звания! — воскликнул Бирс.

Он поднес к губам чашку, отпил глоток чая. Зубы его стучали о фарфоровый край. Странная лихорадка трясла Бирса. Не от страха. Он перешагнул рубеж, за которым уже нет ни страха, ни стыда.

— Здесь я тоже свободен, — вымолвил Бирс.

Он поставил чашку, расплескивая чай. Он не хотел говорить так, он лишь подумал. Вырвалось

как-то само. Он поглядел на Рифата. Лицо курда светлело.

— Мы с вами, Рифат, просто-напросто два человека… Два человека, затянутых в петлю политики… В опасную, кровавую петлю…

Здесь можно сказать все. Мерриуотер, Ван Дорн далеко отсюда, их власть кончилась, как только он, Бирс, вступил в этот шатер.

— Нет, — Рифат покачал головой. — Нет, я не согласен с вами. Нас не только двое. Очень много людей…

Он обвел взглядом шатер. Сулейман-бек по-прежнему перебирал четки, телохранители стояли неподвижно, как истуканы.

— Из того, что я скажу, — проговорил Рифат, — вы можете сделать любое употребление. Молчать я не хочу. Это касается всех.

Он говорил по-английски почти без акцента, глуховатым грудным голосом. В приемнике, настроенном на Тегеран, пиликал аккордеон. Рифат выключил.

— Опасность угрожает, — сказал он, — прежде всего вашему соотечественнику. Вас это, вероятно, удивит, так же как меня недавно…

Кого он имеет в виду? Бирсу представился опустевший номер Дарси в гостинице, скорпионы

в банке, застывшие в зловещем танце… Или самый воздух Карашехира смертелен? Кто же следующий?

— Вас это удивит, — повторил Рифат. — Вы не захотите верить, — он грустно усмехнулся. — Чтобы вы поверили, я расскажу вам сперва немного о себе. Я получил воспитание…

— В Альберт-колледже, — вставил Бирс. — Мне это известно.

— Подождите, — отрезал Рифат почти повелительно. — Я хочу, чтобы вы поняли. Слова ваших великих — Вашингтона, Линкольна — я заучивал наизусть, как молитвы. Все, исходящее от вашей страны, мне казалось святым.

Рифат положил свою левую руку — тонкую, белую — на могучую, выдубленную солнцем ручищу телохранителя. Серебряная насечка на шпаге заискрилась.

— Теперь я жалею, — голос Рифата дрогнул. — Я жалею, что меня взяли из моего мира, из моего племени и отдали в ваш мир. Я горько сожалею. Не было бы разочарования. У вас я оказался в силках. Да, в силках, сплетенных из лжи.

Бирс ловил себя на том, что он охотно ушел бы от правды, от жестокой правды, которая раскрывалась в словах Рифата. Но нет, она настигает

его…

— Вам ничего не стоит объявить меня агентом русских. Меня уже так называют у вас, я уверен… Но я был предан вам душой и телом. О России я знал только то, что слышал от вас. Я верил всему. Тем страшнее было для меня… Когда меня посвятили в задачи последней операции, я потерял разум, я не знал, что делать. Меня спасли турки, два турка, с которыми я должен был идти.

Рука Рифата скользнула по эфесу, стиснула ножны. Он волновался, события той ночи возникли перед ним. Турки стремились как можно скорее избавиться от Рифата. Они вели какую-то свою игру, они не нуждались в третьем. И Рифат ухватился за эту возможность, позволил им…

— Вы поняли меня? — спросил он. — Убить Брайта, чтобы свалить потом на русских! Я не мог пойти…

— Вы сказали — Брайта? — спросил Бирс похолодев. — Соммерсета Брайта?

Рифат, серебро сабли, алые янтари Сулейманбека — все словно погрузилось в туман. Так вот он, рикошет! Убить Брайта, посланца мира, как называют его русские. Убить, разделаться с «красным» Брайтом и свалить все на большевиков, еще туже завести пружины холодной войны!

Недаром Сай ругал Брайта перед смертью…

— Коварство — это оружие бесчестных, — произнес Рифат, — не имеющих правды.

Лицо его стало строгим. Он выглядел теперь судьей, читающим приговор.

Таким и остался Рифат в памяти Бирса. Вместе с толмачом Рустемом, притихшим, печальным, он возвращался в Карашехир по тропе, озаренной луной. И голос Рифата звучал неотвязно. Казалось, он раскатывается по голому склону горы, как гром несется во все закоулки уснувшей земли.

Тайны больше не существует. Операция «Рикошет», заговор Ван Дорна, Мерриуотера, новых эсэсовцев, решивших идти на рожон, провалилась. Провалилась хотя бы только потому, что о ней открыто сказал сегодня в своем шатре Рифат. И будет говорить. О, она сверхсекретна, Мерриуотер доверил ее одному Дарси! Злоба и смех душили Бирса. Сверхсекретно! Тогда почему же Мерриуотер, холодная водица, грязная водица, сам не отправился через кордон с пистолетом, с ножом или ядом, чтобы убить Брайта! Пусть бы попробовал! И пусть бы сам схватился с русскими, если его так тянет в драку! Хорошенькое дельце, черт побери! Отличная демонстрация

миролюбия, уважения к личности…

Сайласа Дарси погубили Ван Дорн и Мерриуотер — вот как следовало бы сообщить в докладной. Дарси бил фашистов в Германии, а они подстерегли его на родине, одурманили, обрекли на постыдную смерть…

В Карашехир въехали утром. Сухой ветер гулял по улицам, шевелил траву на крышах окраинных мазанок. К базару тянулись ишаки с поклажей, фургоны. На площади, у полицейского управления, дремал на козлах фаэтонщик, женатый на русской. «Агент красных», — вспомнил Бирс и усмехнулся.

На крыльце гостиницы, на рваной бурке храпел привратник. Бирс перешагнул через него, поднялся в свой номер.

На диване, свесив руку, ничком лежал светловолосый юноша.

Томми! Приехал-таки! Бирс осторожно закрыл за собой дверь, тихо прошел к креслу, сел и повернулся к спящему. Бирс думал о Мерриуотере, о Ван Дорне, дьявол их возьми, а вот о Томми и не вспомнил ни разу.

Он ведь обещал отцу приехать. И вот он здесь и больше, чем другие, имеет право знать всё…

Конечно, ему уже сказали о смерти отца. Бирс

нагнулся, поднял с пола носовой платок с зеленой каемкой. Томми плакал. Он вытер слезы, потом заснул и выронил платок. Вот-вот он проснется. Бирс отвел глаза. Не надо смотреть на спящего. Это ведь неприятно и даже страшно — проснуться и встретить чей-либо взгляд.

Что же сказать Томми? Может быть, пощадить его, придумать что-нибудь? Неравную схватку на границе или иное что в том духе, в каком начал писать Сай? Дать отцу Томми другую смерть?

Томми спит, «ноги в цветных франтовских носках крепко уперлись в валик дивана. Это и хорошо, что спит, — надо ведь придумать сказку. Взгляд Бирса скользнул по фигуре Томми, по зеленой коже его куртки, форменной куртки военного покроя. Нет, к черту! Никаких сказок! Томми вырос из них. Такие сказки опасны для взрослых, они могут убаюкать до смерти! Правду, только правду! Пусть он знает все: об изломанной жизни отца, о заговоре убийц, о Брайте, о Рифате…

Но как же… Рифат на воле, над ним никто не властен теперь, кроме его совести. Он не на службе. Ему-то легко!

Бирс заколебался. Ему представилось холодное лицо Мерриуотера, его презрительно оттопыренная губа. Лицо истязателя. А за его спиной

— могущественный Ван Дорн. Может быть, все-таки ради Марджери, ради детей не ссориться с ними пока? Устроить как-нибудь иначе…

Тетрадку Сая можно спрятать в его комнате. Заложить за изразец печи, например. Там как раз хватит места. Очень вероятно, Дарси там и хранил свои записки. Да, спрятать, пригласить Томми, намекнуть ему только и под каким-нибудь предлогом выйти, оставить одного. Он сообразительный парень…

Но что же дальше? Взвалить на Томми эту исповедь отца и бросить юношу? В тетради ведь только часть правды!

Взвалить все на Томми и дать полную свободу Мерриуотеру и таким, как он? И этому Эпплби, который сейчас тренирует очередного агента? Готовится новая заброска. И как знать, может быть, Эпплби получил задание развивать операцию «Рикошет»! Такие, как он, как Мерриуотер, идут напролом. И что же, смотреть на них? Стоять в стороне?

«Когда Гитлер оскалил на нас свои зубы, мы поднялись все, — подумал Бирс. — Или почти все. А сейчас, когда новые фашисты тянут нас в пропасть, как когда-то Гитлер немцев, мы все еще ждем чего-то. Делаем вид, будто ничего не

случилось. И если сознаем опасность, то каждый про себя…

Нет, Томми должен узнать все. И не только он. Рифат прав, «Рикошет» не должен быть тайной.

Но он не стал будить Томми. Тихо прошел мимо спящего. В служебном кабинете запечатал тетрадку Сая, сделал все как было. Вызвал сержанта Эванса.

— Молодой Дарси приехал, сержант, — сказал Бирс. — Говорят, он спит сейчас… Отдайте ему это.

— Слушаю, майор!

19

Следствие по делу об операции «Рикошет» закончилось на советской земле два месяца спустя, в последних числах сентября. В это же время в печати за рубежом появилось открытое письмо

Томаса Дарси и записки его отца Сайласа Дарси.

Толпы людей приветствовали на улицах Тбилиси и других наших городов Соммерсета Брайта. Заговор убийц рухнул.

Объезжая заставы, Нащокин рассказывал солдатам и офицерам об итогах примечательного поиска. Лучистым осенним днем подполковник прибыл на пятую, к Сивцову.

Белые языки снега над заставой, на пограничном хребте, стали длиннее. Оттуда тянуло колючим холодком. Во дворе с грузовиков сваливали сосновые дрова.

Сивцов ждал решения своей участи. Он приготовился к тому, что его снимут, переведут с понижением.

Жена Сивцова, Полина, в это утро особенно старательно готовила голубцы, любимое блюдо Нащокина.

Сивцов выслушивал от нее тысячи практических советов — как повлиять на начальство, облегчить свое положение. Спокойствие мужа бесило Полину. Не умеет он постоять за себя!

А Сивцовым владело странное чувство, будто не он, а другой, прежний капитан Сивцов будет наказан за то, что допустил прорыв нарушителей.

— Замену мне нашли? — спросил он Нащокина

скорее с любопытством, чем с тревогой.

Нащокин предлагал оставить Сивцова на заставе, ограничиться выговором.

— Нет еще, — ответил подполковник. — Потерпи, Леня. Начальство еще думает. Как обстановка?

— Тихо. Кабаны вот…

— Кабаны? — переспросил Нащокин, улыбнулся и обнял старого однокашника. — Настоящие?

— Покамест да.

Солдаты заполнили Ленинскую комнату. Всем хотелось послушать Нащокина.

— Многое вы, конечно, уже знаете, — начал он. — Разоблачена еще одна провокация врагов мира. Маневр не новый. В восемнадцатом году контрреволюционеры убили в Москве германского посла Мирбаха. Стремились сорвать мир, заключенный в Бресте, разжечь войну против советской республики. Вот еще пример — поджог рейхстага, немецкого парламента, гитлеровским наймитом. Гитлеровцы обвинили в этом коммунистов, развязали террор против лучших людей Германии. И вот теперь — операция «Рикошет»! Но смотрите, как изменились времена! Не вышло рикошета. Не успели и прицелиться…

На задней скамье сидели Тверских и Баев.

Игорь сосредоточенно морщил лоб, словно хотел понять еще что-то.

— Впрочем, нет, рикошет-то, пожалуй, получился, — продолжал Нащокин. —Только не в нас. В лоб самим себе.

На всех собравшихся в комнате смотрели портреты двух бойцов, отличившихся в поиске. Круглый, смеющийся Баев и Игорь Тверских, нежно поглаживающий свою Гайку. Фотографии появились совсем недавно на большом щите с описанием памятного поиска, с квадратом карты, перерезанным тропой контрабандистов.

— Понятно, — говорил Нащокин, — есть и другие пути для заброски агентуры. С воздуха, на парашюте… Присылают и открыто, под видом туристов или в составе разных делегаций. Иностранцев теперь приезжает много. Но в том-то и дело, что операция «Рикошет» — особая. Готовилась она неофициально, по секрету от своих же… Захолустный турецкий городишка — подходящее место для старта. Кстати оказалась тропа Селимхана, старая тропа контрабандистов. Заросшая, давно позабытая…

После беседы, уединившись с Сивцовым в канцелярии, Нащокин спросил, какое настроение у героев поиска, у солдат заставы.

— У Тверских настроение сложное, — сказал капитан. — Захлебывается. Невдомек еще ему, что такое слава. Счастливый выигрыш или… Или резной конек на крыше, видный всем, но который без здания, возведенного трудом, немыслим. Что ни день, то новые планы. Решил было на сверхсрочную остаться. Потом передумал, в институт ему надо поступать. А в какой, — не выбрал еще.

— «Резной конек»… — задумчиво повторил Нащокин. — Таких слов у тебя не было раньше, Леонид.

— Не было, — кивнул Сивцов.

— Так помогай Игорю. Помоги разобраться, чтобы не растрачивал добытое, а строил, крепко строил свое здание… Теперь ты можешь, Леонид.

— Роман Игнатьевич, — сказал Сивцов. — Роман, я давно хочу спросить тебя… Ты помнишь болото, где мы поймали Нияза? Там озерко было и утки на нем плавали. Дикие утки.

— Помню.

— Не выходит оно у меня из головы. Нияз-то, должно быть, нарочно рассчитал, где спрятаться. Ведь я мог упустить его, на уток глядя.

— Нет, — засмеялся Нащокин. — Не мог упустить. Насчет уток мне докладывали. Раз, мол, плавают, — значит, там нет никого, искать неза-

чем. Но решили проверить. А тут ты подошел со своей группой. Чулымов и послал тебя. Его, мол, утки теперь не остановят. Не даст себя обмануть какому-нибудь… очередному кабану.

Они еще долго говорили о разных делах, служебных и домашних. И каждого радовало, что старая дружба, потерявшаяся было в житейской суматохе, в накипи мелких чувств, теперь, наконец, вернулась.

В машине, на пути к соседней заставе, Нащокин все думал о Сивцове. «Резной конек», — вспоминалось ему. Да, Леонид давно не говорил так о людях. Пожалуй, и об этом следует рассказать начальству. Не только зоркость, не только ощущение границы с новой свежестью обрел Сивцов. Оживает весь прежний Сивцов, Леня Сивцов, боевой командир и человек чуткого сердца. Разве способен побеждать командир, холодный к людям? Нет, тут одно не отделимо от другого…

В это время Игорь Тверских укладывал в чемодан смену белья, зеркальце, книгу об отце, всюду сопутствовавшую ему, подарок дяде и тете — местный табак, яблоки знаменитых садов Сакуртало.

Завтра в отпуск. Гайка поправилась, можно ехать. Лечебные прогулки, массаж, назначенный

врачом, сделали свое дело. Гайка твердо встала на ноги. На все четыре. Хромоты как не бывало!

До чего же хочется повидать своих, надеть штатское, — коричневый костюм с искрой, дожидающийся в шкафу. Пройтись по улице Горького! Спуститься в метро!

Он представил себе мерное движение эскалатора, упругость бегущего резинового перильца под рукой. Скорей бы!.. И тут же, в метро, рядом с ним возникла Лалико. Ее глаза не дают покоя Игорю, они зовут и смеются над ним, манят и ускользают… Как-то она встретит его вечером?

Повернется и уйдет, не сказав ни слова. Хлопнет дверью перед самым носом. Он, Игорь, выследил нарушителей, в него стреляли, могли убить, а она… Картина, нарисованная воображением, угнетала его. Ему стало жаль себя.

А может быть, она не читала газет и еще не знает… Ну, тогда он намекнет ей. Нет, нет, он тоже гордо повернется и только щелкнет каблуками. Она сама потом поймет, кем пренебрегла.

Глупости! Генерал Гремин был закален войной, но Татьяна любила все-таки не его, а Онегина…

Что ж, он уйдет — гордый и непонятый. Игорь вздохнул. Сердито посмотрел на Баева, тренькавшего на балалайке одну и ту же частушечную

запевку. Смочил и пригладил волосы, подтянул потуже ремень, вышел.

Часовой глянул на увольнительную, открыл ворота. Завтра Игорь выйдет за эти ворота еще раз, и надолго. Десять дней плюс дорога…

А через год он уедет навсегда… У Игоря защемило сердце. Да, начальник заставы пожмет ему руку и пожелает счастья в новой, гражданской жизни. Покинуть границу? Эти горы с языками снега стали удивительно родными в последние месяцы. А товарищи еще ближе. Оставить границу, Лалико?

Многое передумал Игорь, шагая на кочевку. И все мысли вокруг Лалико. Хорошо бы застать ее одну. Неловко как-то при отце… Прежде всего надо объяснить — завтра в отпуск, пришел проститься. Затем попросить прощения. Если она простит, тогда… Тогда сказать ей, что он непременно должен видеть ее почаще. Что без этого…

Когда с пригорка открылись сакли, Игорь вдруг оробел. Захочет ли Лалико видеть его? Ей он вовсе не нужен. А что он, собственно, сделал такое, чтобы требовать внимания к себе? Ну, заслужил поощрение, отпуск на родину. Эка важность! Нарушителя все-таки не он задержал, а другие.

Лалико он застал одну. В котле над очагом ва-

рился ужин.

— Здравствуй, — сказала она просто. Игорь попытался определить по голосу ее, по выражению лица, — рада она его приходу или нет. И не смог. Смущение мешало ему. Он сел на скамью, потом вскочил, так как вспомнил, что ему и не предлагали сесть, прошелся по скрипучим половицам.

— Уезжаю вот завтра, — выпалил он.

Лалико помешивала ложкой в котле. Она обернулась, подняла ложку, — хлопья пены упали ей на передник.

— Долго будешь?..

Игорь видел только ее лицо. И то неясно. Все виделось смутно, как в стремительном сне.

— Десять дней плюс дорога, — глухо выговорил он.

Лалико смотрела на него. Теперь он видел только ее глаза, ее большие черные глаза. Он должен был прибавить, что едет в Москву. Иначе ведь непонятно, — какая дорога.

— Плюс дорога, — повторил он.

Слава не слушались его. С языка слетали вовсе не те слова, какие следовало сказать Лалико.

— С Гайкой жаль расставаться, — громко, в полнейшем отчаянии сказал Игорь.

Варево в котле лилось через край. В очаге шипе-

ло. Лалико не слышала, она смотрела на Игоря.

— Собака моя, — пояснил он. — Мировая собака.

— Гайка! — отозвалась Лалико. Теперь глаза ее смеялись.

— Имя такое. Законная собака, — заговорил Игорь с облегчением. — Мышей только боится… А так — замечательная собака. Геройская.

Он видел глаза Лалико, глубокие, внимательные. Он опять говорил не то, что надо было сказать. С досадой, с болью он сознавал, что те, другие, самые значительные слова, созревшие для Лалико в тайнике его души, так и останутся не высказанные сегодня. Духу не хватит их произнести! Но он не умолкал. Ему хотелось говорить — все равно что, лишь бы видеть глаза Лалико, обращенные к нему. Лишь бы не гас их удивительный свет.

От автора

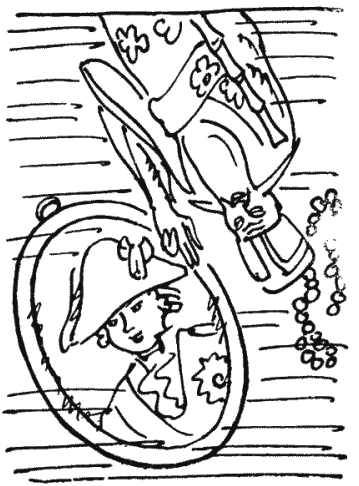
На заставу к капитану Сивцову я приехал через полтора месяца после описанных событий.

Был вечер. Я сидел в канцелярии и расспрашивал начальника заставы о подробностях памятного поиска. Вошел офицер и передал Сив-

цову приказ начальника отряда усилить охрану границы. Ожидалась новая шпионская вылазка.

Очевидно, крах операции «Рикошет» не образумил Мерриуотера, Эпплби и компанию.

КТО СКАЗАЛ, ЧТО Я УБИТ?



КТО СКАЗАЛ, ЧТО Я УБИТ?

С Диомидом Игнатьевичем Новиковым я познакомился при обстоятельствах необычных.

— Ведут нарушителя, — сказал начальник заставы, опуская трубку телефона.

Нарушителя? Вот удача! Мне очень хотелось увидеть живого нарушителя. Я мечтал об этом, собираясь сюда, на южную границу. Но странно: лицо у начальника заставы совсем не веселое, скорее смущенное. Почему? Ведь поимка нарушителя — большое, радостное событие. А тут...

— Для вас, товарищ корреспондент, ничего интересного нет, — нехотя произнес начальник.

— Не понимаю.

— Э... Впрочем, сами посмотрите.

Он махнул рукой и вышел.

Я сидел в канцелярии заставы, смотрел в окно

на мокнущий под дождем грузовик, разглядывал карту участка заставы, висящую на стене, листал старый журнал и терялся в догадках. Появился старшина с бидоном и начал заправлять лампы. Я спросил его, скоро ли приведут нарушителя. Старшина фыркнул и чуть не пролил керосин.

Темнело. Я прилег на диване и задремал. Очнулся я от грохота каблуков. То дежурный сержант сбежал с веранды навстречу кому-то.

Вскоре в комнате стало шумно, тесно, тусклый свет лампы затянуло табачным дымом. В центре группы офицеров стоял худощавый человек в ватнике и высоких порыжевших сапогах.

— Ну, кто сказал, что я убит? — донеслось до меня. С этими словами незнакомец постучал о пол палкой и усмехнулся.

За моей спиной громко задышал старшина и проговорил:

— Поговорка у него такая…

Я оглянулся. Старшина глядел на диковинного пришельца с жадностью, с восторгом.

— Товарищ корреспондент, — сказал начальник заставы. — Познакомьтесь с нарушителем.

Я онемел. А незнакомец крепко, отрывисто пожал мне руку. Задорные искры прыгали в его голубых глазах.

— Нарушитель, — кивнул он. — Правильно. Меня знаете, где надо было задержать? — Он поднял палку и упер острый конец в карту. — Вон где! А они меня сюда пропустили, чуть ли не к самой заставе. Эх, Василий Романыч, — обратился он к начальнику, седоусому капитану, — как же так можно! Кабанью лощину без прикрытия оставил.

— Виноват, товарищ подполковник.

— А наряд правильно действовал, — продолжал тот. — Хорошо меня задержали. Красиво. Надо солдатам поощрение дать, хоть и липовый нарушитель.

Опять он усмехнулся, и лицо его, с угловатыми чертами, резкое, вдруг похорошело.

— Слушаю, — сказал капитан.

Так вот в чем дело! Подполковник проверял охрану границы.

Никакого нарушителя, значит, нет. Жаль! Но зато случай, кажется, свел меня с интересным человеком. В тот вечер на заставе только о нем и говорили. Обычно на такую проверку посылают офицера помоложе и званием пониже, — а Новиков, верно, вызвался сам. Несколько дней бродил по лесам в дождь, в холод. Отчаянная голова!

Я узнал также, что служит Новиков в штабе

округа. Что имя его — Диомид — часто переделывают на «динамит».

Весь вечер я преследовал его с блокнотом наготове; Новиков то уединялся с начальником заставы, то беседовал с солдатами. Настиг я его только перед сном. Он сидел на койке и с упоением копался в зажигалке.

— Страх люблю это занятие, — сказал он. — У вас нет? Я у всех принимаю в починку. Ага, попался! — он вытащил крохотное колесико и бережно положил на столик.

— Я много слышал о вас, — начал я.

— У нас в округе есть настоящие герои. А я… Вот слесарь из меня вышел бы отличный, кабы не война. Что вы нашли интересного в моей особе?

Такой ответ смутил меня.

— Например, поговорка ваша, — сказал я несмело. — Откуда она?

— Кто сказал, что я убит? — засмеялся он. — Ладно, об этом расскажу, коли вам так нужно. Я сам принимался писать, да нет, сухо получается, скучно. Могу показать вам свои записи… Впрочем, ни к чему. Лучше на словах.

То, что рассказал мне Диомид Игнатьевич, я теперь передаю читателю.

1

Был второй год войны.

На участке нашего отряда появилась банда. Человека четыре или пять. Преступники, бежавшие из мест заключения либо скрывавшиеся от суда, и дезертиры. Ох, и задала нам жару эта проклятая банда! В жизни не приходилось мне столько ходить пешком и лазать по кручам. Альпинистом стал. Но похвастаться успехом мы не могли. Бандиты увертывались.

Из округа что ни день — грозные шифровки. Торопят нас, требуют мобилизовать актив в колхозах, бросить все силы.

— Плохо, плохо идут у нас дела, — сказал мне однажды полковник Берестов, начальник отряда. — Как ты считаешь, а?

Берестов обращался со мной по-отечески. Ни-

зенький, седой, не расставававшийся с буркой — он брал ее с собой даже в машину, — полковник принадлежит к старшему поколению советских пограничников, которое побывало под огнем басмачей, билось в Уссурийской тайге с японцами.

— Есть у меня план, Диомид, — сказал он. — Не уверен, можно ли тебе поручить.

Признаться, быть в стороне я не привык. Обыкновенно самые сложные задания как раз доставались на мою долю, а тут…

— Обиделся? — отозвался он. — Зря.

План у Берестова был такой: подослать к шайке еще одного бандита, мнимого.

Но отчего же я-то лишний? Оказывается, вся беда в том, что я служу в отряде давно, меня знают.

— Зажми уши, Диомид, — улыбнулся он, — хвалить тебя буду, коли не понял. Ты бы лучше всех подошел. Шайка не простая, действовать надо тонко. Да ведь рискованно тебя посылать! Именно тебя! Ведь на нашем участке враг за каждой хитростью Новикова чует.

— Если так, — говорю, — то покуда я жив…

Я не кончил, потому что меня осенила новая мысль. А что, если нет Новикова? Если я убит?

Берестов засмеялся и спросил, как я это себе представляю. Ничего готового у меня не было, я

сочинял на ходу. Полковник сперва морщился, потом стал поправлять меня и загорелся сам.

— А ведь такой случай был. Америку ты не открыл, не думай. В Кушке, в двадцать восьмом… Нет, в двадцать девятом году…

— Так разрешите, — оживился я.

— Погоди. Ничего пока не разрешаю. Дело серьезное. Надо поразмыслить.

В тот же вечер он принял мое предложение. Дней десять я провел на заставе. У меня отрастала борода. Я изучал свою роль.

Потом я двинулся в лес. В условленном квадрате меня отыскали наши люди. Я сделал несколько выстрелов из револьвера, эхо повторило их и разбросало по горам. Одного солдата забинтовали и уложили на носилки.

Теперь вы знаете, кто сказал, что я убит.

Слух о моей смерти распространился быстро.

Многим рассказал Селим. Вы видели его. На пути сюда, к заставе, вы, без сомнения, остановили машину у водопада, полюбовались на него и зашли в чайхану. Так ведь? Значит, вы запомнили Селима. Каждого посетителя он встречает шуткой или каким-либо сообщением из местной жизни.

В том, что я убит, сомнений у него не было. Мимо самых окон чайханы пронесли неподвижное

тело, накрытое плащ-палаткой. Селим выбежал из-за стойки, и ему сказали коротко и ясно: убит капитан Новиков. Сами понимаете, новость незаурядная. Селиму хватило ее на неделю, если не больше. С утра до вечера он не переставая жалел меня: вот-де как жестока судьба к капитану! В скольких переделках был здесь, на границе, а тут погиб от пули бандита…

Теперь я, стало быть, жив только для тех, кто назначен мне для связи, и еще для небольшого числа лиц. Для всех остальных — Новиков убит, убит в стычке с бандитами. А я — Трофимов, бывший продавец универмага, растратчик, удравший от суда.

На мне куртка полувоенного покроя, старая железнодорожная фуражка без кокарды. В вещевом мешке — ватник, консервы,сухари и карта.

Сейчас вам все ясно. Так ведь?

Но, может быть, вы хотите спросить: неужели нет более простого способа расправиться с кучкой уголовников? Такие сомнения высказывались на совещании у полковника. Есть люди, как-то чурающиеся всего непривычного. Между тем полковник очень хорошо доказал это офицерам. Нам противостоит не простая шайка воров. Движет ею чья-то опытная рука. Лучшие наши

собаки плохо брали след, а то и совсем не брали. За кордоном то и дело раздавались странные, регулярно повторявшиеся выстрелы, — похоже, там ждали кого-то с нашей стороны, указывали направление. Вообще многое намекало на то, что шайка намерена прорваться за границу.

Вскоре ко мне присоединился лейтенант Корочка, долговязый и нескладный в своем рыжем ворсистом полупальто, слишком широком в плечах. Тощую шею его обматывал пестрый щегольский шарф. Теперь Корочка — беглый растратчик Вальковский, бывший продавец сельпо.

Как сейчас помню шалаш в глубине леса, сложенный наспех, на одну ночь, из веток вяза, чинара, дикого граната. Мы сидим, по-восточному скрестив ноги, так как размеры шалаша не позволяют их вытянуть. Перед нами развернутая карта, усатый жук ползет по ней, пересекая коричневые хребты и зеленые сгустки между ними, обозначающие лес. Лес, лес, лес… Только три кружочка, три маленьких селения в этом обширном зеленом царстве. Единственная дорога соединяет их и тянется на север, к районному центру Хопи.

Холод и сырость лезут в рукава, за ворот. Я достаю из вещевого мешка фляжку.

— Выпьем за умных мужиков, — объявляет

вдруг Корочка и, ухмыляясь, глядит в стаканчик.

— Это кто же такие? — спросил я.

— Мы, — молвил он и осушил стаканчик. — Надо думать, мы, Диомид.

Отвечал он на последний вопрос всегда по-разному и часто с юмором, — таков был ритуал тоста, перенятого Корочкой от кого-то из старших. Он был молод и старался походить на старых рубак.

После обжигающего глотка Корочка раскашлялся, но предложил выпить еще по одной.

— Отставить! — сказал я строго.

Вот если бы жидкость в алюминиевой фляжке не туманила рассудок, а напротив… Собрала бы воедино взбудораженные мысли! Изобрести бы такой эликсир! Надвигались сумерки, лес вздыхал, дышал смутной угрозой. А что, если наша хитрость разгадана врагом, нас выслеживают, мы попадем в ловушку!

Костер разводить не полагалось. Нас окутывала ночь — непроглядная, какая бывает только на юге. Сон не приходил, мы лежали и рисовали себе снова и снова нашу встречу с бандой.

Потом речь зашла о другом. О табакерке Наполеона.

Собственно, табакерку эту разыскивала милиция так же, как и другие предметы драгоценной

коллекции, увезенной из блокированного врагом Ленинграда. Но и мы были в курсе дела.

В середине прошлого века в Петербурге жил богач Лызлов, сколотивший состояние путем банковских спекуляций. У него была еще страсть: он собирал ценные предметы, принадлежавшие знаменитым людям. Он раздобыл золотую подкову, которую будто бы носил конь польского самодура князя Радзивилла, купил где-то древнего китайского божка из нефрита, стоявшего на столе у поэта Державина, золотое, усеянное бриллиантами перо, по слухам, подаренное Ломоносову императрицей Елизаветой. Особенно много было у Лызлова табакерок. Из одной, золотой, усеянной бриллиантами, нюхал табак прусский король Фридрих Великий, другую носил с собой в походе на Россию Наполеон. Она досталась русским партизанам, едва не захватившим в плен самого завоевателя.

В коллекции Лызлова было много очень дорогих, уникальных вещей — памятников старины, шедевров искусства. Например, серебряные настольные часы с движущимися фигурами рыцарей, изготовленные в восемнадцатом веке в Париже выдающимся французским мастером и отбивавшие время в спальне королевы Марии-

Антуанетты. Однако табакерка Наполеона как-то сразу запоминалась всем, и в милиции, и у нас в отряде. Поэтому коллекцию так и называли для краткости — «табакерка Наполеона».

Потомок Лызлова продал всю коллекцию за мешок муки и дал знать Ленсовету, — ведь подобные сокровища находятся на государственном учете. Вывозить их за границу нельзя. Между тем многие предметы, скупленные в осажденном городе за буханку хлеба, за кусок мыла, направлялись сюда, к южной границе…

Здесь, в наших горных местах, потерялся и след «табакерки Наполеона».

— А что, товарищ капитан, — мечтательно произнес Корочка, — может, нам она как раз и попадет в руки.

— Гадать не будем, — сказал я. — Хватит разговаривать! Спать!

Минул день, еще день. Мы двигаемся на север, навстречу шайке. Мы лазаем по буеракам, по скалам. Руки наши в кровь разодраны «тещиным языком» — так прозвали солдаты это растение с мясистыми, блестящими игольчатыми листьями. У Корочки раздуто лицо — на него налетели дикие пчелы.

— Тем лучше, — посмеивается он и морщится от

боли. — Продолжаю изменять свою внешность.

На карте этот район — широкая впадина между цепями гор, закрашенная в зеленый цвет леса, прошитая тонкими стежками речек. Для бандитов край на редкость удобный. Проселочная дорога, ведущая от границы к районному центру Хопи, соединяет три деревни. Только эти три кружочка и видны на огромном пространстве.

Позади нас прочесывают чащу поисковые группы. Они преграждают подступы к кордону. Мы оторвались от них, ушли далеко в глубь джунглей.

Однажды мы набрели на след леопарда, вдавленный в глинистую осыпь. По ночам, совсем близко от шалаша, плакали шакалы. Нам грозили звери, змеи, камнепады в ущельях, но больше всего мучило нас нетерпение. Казалось, следующий день обязательно принесет важные перемены! А вместо этого — те же подъемы и падения горной тропы, безлюдие, нарушаемое изредка, через день, тайной, очень короткой встречей со своими…

Для связи с нами полковник выделил специальную группу с радистом сержантом Комовым. Командиром назначил капитана Царева. Немало он мне крови испортил, Царев. Всем своим видом

он давал понять, что не очень-то верит в мою затею. Вот наряды на рубеже, люди в поиске, те заняты делом, не в пример нам с Корочкой.

— Между нами, офицерами, — говорил Царев, — Берестов воспитанник старой школы, лихой наездник. Ему импонируют подобные трюки.

При этом он по обыкновению сплетал пальцы, сохранявшие даже в лесу холеную белизну. Тон у Царева был снисходительный.

— Указания для нас есть? — сухо спрашивал я, чтобы не выпалить дерзость.

— Следовать по маршруту, не прекращать связи, пока себя не обнаруживать, — слышал я.

Наконец Царев сообщил мне приказ полковника — переходить к активным действиям.

В сумерках мы вышли на дорогу.

Ночь провели под густой чинарой, утром выбрали пункт для обзора — на бугорке, в кустах. Теперь — не зевать! Штаб округа раздобыл для нас фотографии троих из шайки; мы поглядели на них еще раз и сожгли.

Только бы узнать! У всех троих в ближайших селениях родственники. Бандиты скорее всего где-то здесь.

Расчет оправдался. На следующий день, часов около двенадцати, на проселке показался прохо-

жий. Он шел медленно, оглядываясь по сторонам. Лицо его затеняла соломенная шляпа, и я не сразу различил рыжие усы и оплывшие, нездоровой красноты щеки. На плече он нес веревку, в руке была дагра — тяжелый кривой нож на длинной рукоятке. Ни дать ни взять — колхозник, отправившийся в лес нарубить кольев.

Мы знали, кто перед нами, — Муса Арджиев, беглый уголовник, не раз осужденный.

Я толкнул Корочку, мы вылезли из кустов и двинулись навстречу. Сказать, что мы сохранили хладнокровие, я не решусь. Свою роль мы выучили назубок и до мельчайших подробностей представляли себе, как мы будем грабить грабителя, но голос у меня все же дрогнул, когда я наставил на него пистолет и крикнул:

— А ну-ка, обожди! Стой!

— Что тебе? — откликнулся он небрежно и только немного замедлил шаг.

— Стой! — гаркнул я.

— Э! Зачем кричишь, — ответил он. — Что нужно? Деньги? Смотри!

Он не спеша вывернул карманы брюк и потряс. Во взгляде его не было ни страха, ни удивления.

— Документы! — потребовал я, наступая.

— На, возьми, пожалуйста, — и он достал из своего замызганного пиджака паспорт. Корочка раскрыл. Паспорт на чужое имя, без отметки, обязательной в пограничной полосе.

— Ладно, иди, — сказал я. — Да не болтай никому про нас, понял? А то пожалеешь.

И эти слова входили в мою роль. Заученный текст на этом кончался. Дальше все зависело от того, как поведет себя бандит. Если не раскроет себя, не пожелает знакомиться с нами, — следить за ним и таким образом достигнуть логова шайки.

— Болтать? — услышал я. — Для чего болтать? Сам такой же, как вы.

— Так-то лучше! — вырвалось у Корочки.

Мы быстро договорились. Муса отвел нас в чащу, в ложбину, заросшую папоротником, и велел ждать. Командор — так Муса называл вожака шайки — знает про нас и пришлет за нами людей. Ждать пришлось недолго. Явились двое, пожилой и молодой, русские. Остановились поодаль, потоптались; бородатый наконец кивнул

и пробасил:

— Они!

Некоторое время оба молчали, переступая с ноги на ногу. Я поднялся.

— Вы от Командора?

— Истинно, — ответил бородач. — Можете не сомневаться.

— Молокане, — сказал Корочка. — Село тут есть, недалеко. Они чеснок разводят. Вот этакие головки, чуть не с кулак.

От волнения мне тоже хотелось говорить, а посланцы Командора, как назло, медлили.

— Молокане мы, истинно, — кивал пожилой. — Простите нас, должны мы вам руки связать. Приказано.

Мы переглянулись. Корочка ежился; я первый дал согласие. Другого выхода ведь нет! Они деловито, старательно скрутили нам руки за спиной, и мы пошли. Пересекли дорогу и углубились в лес, в направлении на юг.

«Значит, шайка передвинулась еще ближе к границе», — подумал я. Идти было трудно, веревки врезались в запястья, а путь оказался длинным.

— Скоро? — спрашивали мы наших конвойных.

— Близко, — отвечал младший, а бородач, шагавший впереди, только оглядывался на нас и поправлял ремень охотничьего ружья.

По пути выяснилось: старого зовут Анисимом, младшего — Тишкой.

Солнце коснулось гребня горы, а мы все шли. Анисим все чаще объявлял передышки. Я заметил: походка его делалась менее уверенной; однажды он кружил по поляне, высматривая дуплистый дуб, не нашел его и стал сетовать. Уж не заблудились ли мы?

Этого еще не хватало!

— Друзья, — сказал я. — У меня есть карта. Может, пригодится, а?

— Тебе друг, ведаешь, кто? — произнес Анисим, и я почувствовал в его голосе откровенную злость.

— Кто? — спросил я.

Ответом он меня не удостоил. Они припали к карте, заговорили шепотом, и вдруг ноготь Анисима пополз прямо на юг, к границе. Странно! Неужели шайка там? Командор проскользнул мимо наших постов и разъездов и ждет нас у самого рубежа? Не верится! Это противоречило всему, что нам было известно о ходе поиска.

— Ловок же ваш Командор, — заметил я.

— Пускай нечистый возьмет Командора, — отрезал Анисим. Но мы все еще не понимали, в чем дело. Даже не подозревали, пока собственными ушами не услышали, как Тишка, свалившись на кочку, протянул:

— Обезножел я, дядя Анисим. До заставы все равно не успеть сегодня.

До заставы?!

Первой моей мыслью было: «Муса угодил к колхозникам, помогающим нам в поиске, рассказал про нас, и конвойные наши не имеют с бандой ничего общего». С трудом мы вытягивали из Анисима слова. Он бросал нам их отрывисто, нехотя и при этом угрожающе помахивал ружьем, снятым с плеча. Мы задержаны, нас всю ночь будут караулить, и не миновать нам заряда картечи, коли мы вздумаем бежать. А утром нас поведут на заставу.

— Потому — вы душегубцы, — раздельно произнес Анисим. — Пограничника порешили.

— Офицера, — вставил Тишка.

— Ай не вы капитана Новикова убили? — рассердился тот. — Вылупили глаза-то!

Мы не могли не рассмеяться, так неожиданно это прозвучало. Нет, сколько мы ни пытались предугадать события, такой оборот почему-то не

приходил на ум. Но что, если все это проверка! И, пожалуй, мы выдали себя смехом… Я тревожно посмотрел на Корочку; он оборвал смех, подался ко мне и шепнул:

— Анисима я видел. В прошлом году, в Белом ключе.

— Но! Не шушукаться! — И бородач замахнулся на нас прикладом.

— Я говорю, — сказал Корочка, — я вас видел, дядя Анисим. Не помните, лейтенант приезжал к вам из отряда, собрание проводил. Перед ноябрьским праздником.

— Был лейтенант, — отозвался Тишка. — Фамилия такая чудная. Пирожок, никак.

— Корочка.

— Вот-вот, Корочка!

— Хотя бы и каравай целый, — вмешался Анисим. — Ну, был лейтенант. Что с того?

Оставалось прекратить игру, назвать себя. Анисим недоверчиво усмехнулся, но все же позволил Тишке развязать Корочке руки. А он приложил ладонь к подбородку, прикрыл бороду. Тишка разинул рот, берданка Анисима, наведенная на Корочку, дрогнула.

— Ей-богу, он, — пробормотал Тишка.

— А это, — и Корочка указал на меня, — капитан

Новиков, ничуть не убитый.

— Кто сказал, что я убит? — спросил я смеясь. С того момента и пристала ко мне эта поговорка…

По знаку старшего, Тишка кинулся освобождать мне руки. Но что это? Наши провожатые как будто и не рады. Правда, похвастаться поимкой преступников им не придется. Но это ли их огорчает?

— Как и быть теперь! — вздохнул Анисим. — Вот те и попрощались с Командором!

— Так вы… — начали.

— От Командора за вами присланы, — бросил он с досадой, и я инстинктивно схватился за пистолет.

— Стреляй, стреляй, — промолвил Анисим упавшим голосом. — Все равно уж. Стреляй.

Так что же это происходит? От Командора! Они не из колхоза сейчас, из банды! Как же мы так сразу и доверились? Хотя они ведь хотели нас выдать пограничникам, стало быть… Они все-таки наши союзники: и Анисим, понуро опустивший лохматую голову, и Тишка, оторопело уставившийся на нас.

Тут Анисим заговорил опять, и вам легко будет представить, с какой жадностью мы слушали его. Ибо он — в этом я положительно убедился

— открывал нам свою душу.

Ему пятьдесят лет. Будь он моложе, тогда все пошло бы по-другому. Когда началась война, он не получил повестки из военкомата и явился сам, попросился на фронт. Молоканская вера не мешала ему, нет — ведь он прежде всего русский человек и Гитлера так бы и задушил… Ему отказали. Он упрашивал, вспомнил прошлое: как в двадцатом году партизанил, сражался с интервентами. Разложил перед военкомом старые, пожелтевшие бумажки. Не помогло! Анисим вернулся в село, но через месяц наведался к военкому снова. И снова отказ! Ходил раза четыре. Наконец военком распорядился оформить повестку на призыв. Но не на фронт, в рабочий батальон.

— Прослужил я там с неделю, и не вытерпело сердце… Меня, партизана, землю копать! Сбежал.

Что-то беспомощное, детское внезапно пробилось в широком, обветренном, обросшем жесткими волосами лице Анисима. Новыми глазами смотрели мы на него. Перед нами открывалась нелегкая судьба непутевого, не совсем еще понятного нам, но в основе своей неплохого человека.

Да, он сбежал. Правда, он тотчас же принес

покаяние военкому, тому самому формалисту-военкому. Анисим говорил о нем с ненавистью, и это чувство, признаться, передалось и мне. Военком пришел в ужас. Самовольная отлучка! Сейчас же обратно в батальон! Но Анисим уперся. Копать землю, таскать бревна, когда другие на фронте! Ни за что! Военком пригрозил трибуналом. Анисим грохнул по письменному столу кулаком и ушел. Домой, а потом в лес.

— Лютость накатила, сам себя не помнил. Ладно, думаю, коли не нужен я, в лесу мне и жить. Как медведю. Самому по себе.

Тут, в лесу, и прибило Анисима к шайке. Ему бы исправить свою вину, оправдаться перед советской властью, а он еще грех взял на себя… И вот, когда вожак велел ему и Тишке идти за нами, — счастливый случай как будто подвернулся сам, посулил то, что желалось. С шайкой, с Командором расстаться, сдать нас на заставу, заслужить прощение! Так они и решили, идя за нами.

— Ан, вон как повернулось! Не разбери-пойми! Кто кого ведет, кому ответ держать…

Говорил он глухо, хрипло, с ожесточением, а на лице его было все то же выражение детской беспомощности, так не вязавшееся со всем его обликом.

— А он, — спросил я, показав на Тишку. — И он дезертировал?

— И он. — Анисим отшатнулся, словно его толкнули. — Верно сказали… И он также. Иной стати, а такой же дурак. Из-за религии. Пресвитер ему башку задурил. Не убий! А семья у него молоканская, новоселы, а вот прилипло. Свежего-то, говорят, клоп больнее кусает. А по сути, трус он — и всё.

— Не трус я, дядя Анисим, — упрямо возразил Тишка.

— Молчи! Доигрался! — зыкнул на него старший. — Поспешил на тот свет, молельщик.

Мы с Корочкой обернулись к Тишке. Не Анисим, а он, молодой парень комсомольского возраста, оказался в плену у пресвитера. Ломались не только наши планы и расчеты, рушились и привычные представления о людях. Я хоть и был опытнее Корочки, но еще мало знал жизнь. Все, все неожиданно в нашем необыкновенном походе. В самом деле — кто кого ведет теперь? И куда?

Некоторое время обе стороны искали ответа на эти вопросы, и наступило неловкое молчание.

Что же, сдать их нашим? Мне стало жаль Анисима. Но, конечно, не только это удержало меня.

Сдадим, а дальше как быть? Где искать банду Командора? Начать все сначала? Теперь будет труднее: Командор обеспокоен долгим отсутствием своих посланцев и, возможно, заподозрит ловушку.

Корочка безмолвно признавал мое главенство. Он смотрел на меня, жевал травинку и ждал. Анисим то погружался в оцепенение, то опять принимался говорить, бессвязно, с натугой. По отдельным словам я улавливал, что творится с ним. Он понимал: путь в рабочий батальон для него закрыт — туда можно было раньше, сразу после отлучки, когда батальон только формировался в Хопи. А теперь его и след простыл! К Командору? Нет! Анисим и мысли не допускал, чтобы встретиться с Командором.

— Фармазон первейший. Да этого еще мало…

— А еще что? — спросил я, думая о своем, складывая решение.

— С кем я столкнулся! Эх! — и Анисим хлопнул себя по заплатанным коленям. — Собрался фашистов бить, а вместо того… Тюрьма по ним давно плачет по всем. А у Командора пузырек заграничный, не по-нашему на нем, — сапоги смазывать, нюх отбивать, значит, собакам. Откуда? Человек к нам один приходил, ночью, — так от него. Что

за человек, какого роду-племени…

— Наш, — сказал Тишка, лежавший на спине лицом к звездному небу.

— По нашему-то болтает, а ведь кто его ведает.

Новость эта заинтересовала меня, и тут решение сложилось окончательно. Но я держал его про себя и задал Анисиму еще вопрос:

— Я слыхал, за кордон идти хотите?

— Командор это, — потупился Анисим. — А мы не хотим. Нет. От своего корня отстать? Последнее дело.

— А когда же они намерены?

Берданка Анисима лежала на земле. Корочка подвинул ее к себе. Я уже освоился с положением. Я не просил ответа, я допрашивал.

— Знака все нет, — сказал Анисим.

— От кого?

— Толкуют, будто от того человека тайного. Э-х! — простонал он и провел ладонями по груди, по животу, словно сбрасывал невидимые путы. — Капитан! Кликни своих! А? Накроем их всех, как мышей! Я проведу! А?

Он тяжело дышал. А Тишка не двигался, безучастно лежал и глядел на звезды.

— Нет, — ответил я. — Не годится так. Мышей накроем, а крысу упустим. Вот что. Слушайте

меня внимательно.

И я выложил свое решение. Выход у них один: помогать нам. Повиноваться нам беспрекословно. Вести нас к Командору и там делать все, что мы укажем.

— Вам известно все про нас, но и нам о вас тоже, — закончил я. — Этого не забывайте.

Анисим кивнул и покорно опустил свою кудлатую, с проседью голову.

— В настоящий момент, — раздался высокий, слегка дрожащий от напряжения голос Корочки, — мы связаны с вами не на жизнь, а на смерть.

Он не удержался от громкой фразы. Корочка, милый Корочка! Нежданно-негаданно получили мы с тобой пополнение, стало нас четверо.

Надежное ли оно?

2

Шайка Командора ждала нас несколько часов попусту, почуяла недоброе и снялась со своего стойбища. Мы застали разбросанные ветки от шалашей, остатки маленького, осторожного костерка, серебрившиеся в ямке. К счастью, перебазировался Командор недалеко.

Фотографии Командора у нас не было. Она осталась в папке уголовного розыска где-то на Украине, где он орудовал перед войной, но я мысленно нарисовал себе его портрет. Верно, прыщавый детина, покрытый синими русалками, пронзенными сердцами и прочим орнаментом, грубый, с синевой под глазами от самогона, с хриплым, пропитым голосом. Такой образ уголовника сложился у меня давно, главным образом под влиянием книг. Вот почему, увидев Командора, я страшно удивился.

На узкой полянке, на примятом папоротнике, покоился в ленивой полулежачей позе бледный, очень тощий человек неопределенного возраста, узколицый, голубоглазый. Никаких признаков пьянства, никакой татуировки — руки украшены лишь тремя золотыми кольцами. Вежливым жестом он показал нам место возле себя. Мы сели.

Минуту-две Командор спокойно, небрежно, чуть прищурившись, рассматривал нас.

— Чекисты! Переодетые чекисты! — вдруг закричал он тоненько, почти по-женски. — Сыщики!

Мы вздрогнули от внезапности, от этого визга, но тотчас же овладели собой, недоуменно переглянулись. Я пожал плечами. Словом, мы, кажется, выдержали испытание. Командор захохотал, закашлялся, длинное, ломкое тело его опять замерло на папоротниках.

— Я па-ашутил, — молвил он и улыбнулся кончиками губ.

Потом беседа наша стала более деловой. Командора интересовало, почему мы так долго промешкали. Наши новые союзники уже доложили и причину, сочиненную нами в пути, — натолкнулись на пограничников, пришлось утекать. Командор желал знать подробности. Я разложил карту.

— Ма-алчите! Ма-алчите! — взвизгнул он и задрыгал ногами. — Почему у вас?..

Он показывал на мое запястье, вылезшее из рукава, — на коже краснела ссадина от веревок. И у Корочки остался такой же след. Я забыл о них, совершенно забыл. Вот она как сказалась, наша неопытность.

— Ваши завязали, — проговорил я не совсем

уверенно. — Вы приказали им.

«А был ли такой приказ? — думал я. — Может, скрутили нас по собственному почину».

— Ах, да, абса-алютно правильно, — изрек Командор, не спуская с меня глаз. — Что? — встрепенулся он. — Нет, я не приказывал. Соврали. Мужики, знаете, народ пугливый.

Приступ подозрительности как будто кончился. Командор с любопытством потянулся за картой.

— Ва-аенная. Где вы достали?

— Стащил на офицерских курсах.

Я подробно пояснял, как нам двоим удалось запутать преследователей, как охраняется граница, куда высланы поисковые группы и заслоны. Все это была, выражаясь нашим языком, легенда, но звучала она, должно быть, убедительно. Вообще мой бравый вид, планшетка, знание местности и военные познания произвели на Командора впечатление.

— Я лично глуба-ако штатский, — заявил он. — А-аднако, как же вы Новикова, а?

Это свое «а», врастяжку и слегка в нос, он вставлял постоянно. Ободренный вопросом, я ответил:

— Сам виноват Новиков. Напоролся. Я не стал бы стрелять. Вынужден был.

— А-агарчительно. Наделали шума, напортили нам. И чем же вы его?

Я вынул свой пистолет. Отнимет или нет? В то же мгновение на ладони у Командора оказался маленький револьвер, сияющий свежей полировкой.

— Милая игрушка, — он подбросил револьвер. — К са-ажалению, я не умею обращаться.

«Врет», — решил я.

Конечно, десятки вопросов мучили меня. Прежде всего о загадочном субъекте, который должен подать знак. Но не все сразу. «Терпение! — сказал я себе. — Излишняя любознательность может только повредить. Пусть пока спрашивает Командор».

И он спрашивал. Пришлось рассказать ему все: про беглого курсанта Трофимова и про бывшего продавца сельпо Вальковского, разбазарившего товару на триста пятьдесят тысяч. Корочка застенчиво потупился при этой цифре, словно услышал похвалу, потом сказал:

— Один раз живем на свете, Командор. От зарплаты много ли удовольствия!

«Ловко, — подумал я, — актер!» Но Командору этого было мало; он жаждал подробностей, и Корочка так непринужденно, истово начал сы-

пать бухгалтерскими и торговыми словечками, что я опять пришел в восторг. Молодец! И мне показалось, он нашел общий язык с Командором. Сразу нашел!

Затем Командор спросил, что мы решили делать дальше. На это ответ был готов давно.

— Уходить, — сказал я.

— Куда?

— Туда, где нас примут.

Он поднялся, сделал несколько шагов в темноту и точно ухнул в яму.

— Пра-ашу!

Мы ощутили под ногами ступени и вошли в землянку. Командор зажег телефонный провод, подвешенный над столиком.

Я заметил: Тишка по знаку Командора оставил для кого-то порцию баранины и водку, к которой никто из нас так и не притронулся. Для кого?

Тишка не спит. Детские губы его шевелятся — молитву читает! Чудно слышать ее из уст юноши. Его сверстники там, на передовой, дерутся, чтобы не пустить фашистов в свой дом, а он — несмышленыш. Я уже говорил ему доро́гой, и он, верно, вспомнил это сейчас и шепнул:

— А страшно человека убить.

Я молчал.

— Страшно, — вздохнул Тишка. — И он тоже говорил, — нельзя убивать. Бог не велел.

Кто? Пресвитер в селе? Спросить Тишку? Рискованно при Командоре. Проклятая темнота!

— Младенец, — раздался ленивый голос с противоположных нар, — не мешай людям спать!

Здесь была сырость, смешанная с горьковатым духом хвои, брошенной на топчаны, как в землянке переднего края; только эта была старая, покосившаяся, сооруженная, видимо, давно, во время каких-нибудь войсковых маневров.

Тишка — он выполнял обязанности вестового при Командоре — принес нам ужин: баранину, поджаренную на костре, и бутылку чачи, домодельной виноградной водки.

— Угощайтесь, — молвил Командор. — Я са-авершен-но не употребляю. В моем деле, — он протянул пальцы с кольцами, — нельзя. А-аттражается на работе.

Мы понимали, какую «работу» имеет в виду Командор — известный на юге казнокрад и потомственный «медвежатник» — взломщик несгораемых касс.

Ночь мы провели в землянке с Командором и Тишкой. Все пока шло как нельзя лучше. Похоже, настороженность Командора улетучивается; я

ему нужен, определенно нужен, с моей картой, знанием местности. Он возлагает какие-то надежды на меня. Какие? Я сдерживал себя; вопросы мои так и не были высказаны в тот вечер. Они множились, пока я лежал на топчане и слушал возню мышей за стенкой. Знает ли эти леса Командор?

«Все вопросы на утро», — приказал я себе.

Однако утром мои планы опять нарушились. Мы с Корочкой еще пили кипяток, закусывая вареной свеклой, а Командор сидел на койке полуодетый и чистил ногти, как снаружи зашумели. На порог влетел Тишка; он тер глаза, и басок его спросонья был густой и хрипловатый.

— Прокурора привели! — выдавил он.

Мы выскочили из землянки все — Командор со спущенными помочами — и на ходу узнавали от Тишки подробности. Прокурор ехал в таратайке из Хопи; караульщики схватили его, доставили сюда. Вот еще история!

Из оврага, примыкавшего к стойбищу, неслись крики. Спускаясь, я узнал Анисима с берданкой, Мусу Арджиева. А в центре группы и в самом деле стоял районный прокурор Мисян, мой добрый знакомый.

— Застрелят его! — вырвалось у Тишки; и он,

качнувшись, ткнулся мне в бок.

Мисян — низенький, черный, как жук, только большой, с горбинкой нос белел на лице — молчал, глядя исподлобья на бушующих бандитов, и грыз семечки. «Молодцом держится», — отметил я про себя. А они в самом деле требуют казни. Муса подбежал к Командору и закричал:

— За что семь лет? За что? Закон постановил — четыре года, а он — семь лет мне…

— Кудахтать нечего, — крикнул один из группы. — Кончай базар!

Он выругался и щелкнул затвором ружья. Этот вполне отвечал моему представлению об уголовниках: нездоровое, серое лицо, ненавидящие, воспаленные глаза.

Сейчас Мисян увидит меня. Узнает? Вряд ли. И все равно, я должен выручить его. Каким образом? Атмосфера накалена, кое-кому не терпится свести свои счеты с прокурором. Я обернулся к Командору.

Он замедлил шаг, вслушивался, растерянно поднял один ремешок помочей, другой остался висеть. «Я глуба-ако штатский», — вспомнилось вдруг. Нет, аферист, растратчик не хочет брать на себя еще «мокрое дело» — так именуется на жаргоне преступников убийство. Явно не хочет.

Но ему трудно, власть его, видимо, не очень-то прочна, и он теперь поддержит меня… Я шагнул вперед и крикнул:

— Минутку тишины!

Мисян выплюнул шелуху и поднял голову. Узнал? Брови его зашевелились… Потом густые, сине-черные брови резко сошлись, он бросил в рот семечко и стал жевать; под кожей с силой заходили скулы.

— Разум у вас есть? — начал я. — За прокурора, если кто попадется, расстрел обеспечен.

— А-абсолютно верно, — услышал я.

— Отпустить надо прокурора, — продолжал я еще увереннее. — Завязать глаза и вывести подальше отсюда. Но условимся с ним: если кто угодит за решетку и получит по самой высшей норме, — тогда пусть на себя пеняет.

Говоря так, я на деле ничем не грозил Мисяну — не в районе будет решаться судьба шайки. Но речь моя возымела действие. Мисян поглядывает на меня и, забрасывая в рот семечки, как будто кивает. Узнал?

— Господин офицер! — крикнул мне уголовник. — Не больно командуй!

— Ма-алчать, Мохов, — нервно сказал Командор.

«Теперь сдать прокурора Корочке, — подумал я. — Пусть выведет». Командор согласился и назначил еще Анисима. Я не возражал.

Я не успел и словом обмолвиться с Мисяном. Настроение в шайке могло перемениться, пленного надо было освободить немедля. Я даже не выяснил тогда, узнал он меня или нет. Если бы я мог поговорить без посторонних с Мисяном, дать инструкции Корочке, многое пошло бы по-другому…

Да, дело приняло неважный оборот. Мы ждали посланных час, два, три. Они не вернулись.

Понятно, на стойбище поднялся переполох. Мохов носился от шалаша к шалашу и кричал, что Анисим и «продавец кислых щей», то есть Корочка, изменили, перекинулись на сторону «лягавых», уехали вместе с прокурором в его таратайке. И что не следует очень полагаться на «господина офицера», то есть на меня.

Что мне было делать? Только одно — самому тревожиться не меньше других.

— Надо уходить, — сказал я Командору. — Скорее!

Мы засыпали ямку с костром, замаскировали кусками дерна, раскидали по веточке шалаш, потом — по моему предложению — завалили

вытоптанный папоротник буреломом и поспешили прочь.

3

Что же случилось с Анисимом и Корочкой?

Всю дорогу Корочка и Анисим шли с Мисяном, ничем не выдавая себя, как заправские подручные Командора.

Мисян меня не узнал. То ли я удачно изменил голос, или не смог он в те короткие, напряженные минуты как следует освоиться. А с Корочкой прокурор вообще не был знаком, и лейтенант не имел нужды раскрывать себя.

Лошадь прокурора обгладывала куст. Поодаль, в зарослях, стояла двухколесная повозка. Здесь Анисим положил берданку и стал запрягать.

Мисян наблюдал за ним. Сам в прошлом рабочий Зангезурских копей, Мисян тотчас увидел

перед собой труженика.

— Руки у тебя работы просят, — сказал он. — А бандит.

Анисим вздрогнул.

— Я-то бандит? Э-эх, — вздохнул он, закрепляя на шее буланого хомут.

— А кто же? — спросил Мисян. — Дезертир? Тоже замечательно! — и он скривил губы. — Весь народ воюет, а ты…

То, что Анисим совершил в следующую минуту, конечно, складывалось в его уме раньше, но обещание во всем слушаться нас, согласовывать с нами каждый свой шаг, сдерживало его. Сейчас его прорвало. Он, словно подстреленный, бухнулся перед прокурором на колени.

— Простите! — молил Анисим прокурора. — По дурости. Партизан я… В двадцатом году, против англичан… Да мы Командора в один момент… Гоните в город, зовите солдат. Вот и лейтенант тоже…

— Вы Миронов? — спросил его прокурор. — Я слышал про вас. Это вы просились на фронт?

— Я, я… Позвольте, я за кучера… Мигом домчим.

Он кончил запрягать, вывел лошадь на проселок и вскочил на облучок.

— Садитесь и вы, — спокойно сказал Мисян. Берданка Анисима оказалась у него и направилась на Корочку.

Он повиновался. Впоследствии я ругал его за то, что он не проявил находчивости, был безучастным, растерявшимся зрителем, когда Анисим отдался на милость правосудия. Но, в сущности, положение у Корочки было сложное, и укорял я его, пожалуй, напрасно.

Допустим, он назвал бы себя и вместе с Анисимом убедил Мисяна, вернулся ко мне. А дальше? Как объяснить Командору исчезновение Анисима? И Корочка, а с ним и я, наверное, серьезно подорвали бы доверие Командора. Вернуться вдвоем с Анисимом? Не вышло бы! Решение Анисима покинуть шайку было — по всему видно — твердое.

А главное, Мисян, повторяю, не знал Корочку. Возможно, и я на его месте ничего бы путного не придумал и под дулом ружья поднял бы руки.

Да, вот как это произошло. Конечно, в тот день я мог только гадать о судьбе Корочки и Анисима. Раз они не вернулись, — значит, вернее всего, Мисян увез их и, надо полагать, поднял на ноги милицию и пограничников.

Теперь единственный мой помощник — Тишка.

Маловато! А события надвигались решающие.

Бросив стойбище, мы скитались по лесу. Подошвы сапог мы смазали снадобьем, отбивающим запах следа, и тут, кстати сказать, мне попался на глаза пузырек, смутивший Анисима. Пузырек с этикеткой французской парфюмерной фирмы, только и всего. Не буду описывать наши блуждания подробно. Главное, я окончательно рассеял настороженность Командора. Хорошим артистом я себя не считаю — куда мне до Корочки! Все дело в том, что Командор искал опоры, его забирал страх.

— А-ажиотаж невыносимый, — сказал он однажды, протирая свой револьвер. — А, Трофимов? Слава са-аздателю, завтра все решится.

— А именно? — спросил я.

— Марч или па-ажалует завтра вечером или нет. А-адно из двух.

Так ночной посетитель обрел имя, а вслед за тем — из уст Командора — и биографию.

Узнал я следующее.

Некогда в Днепропетровске — он назывался в то время Екатеринославом — был маслодельный завод иностранного подданного Томаса Марча. В двадцатом году он умер от сыпняка; четырехлетнего сына Андрея взяла на воспитание кухарка

Фелицианова и усыновила, дала ему свою фамилию. Командор в детстве жил на одной улице с Андреем, они вместе играли, вместе пошли в школу.

До войны Марч — по паспорту Фелицианов — окончил в Ленинграде институт водного транспорта, был направлен на Каспий, поступил на пароход, совершавший рейсы между Баку и иранским портом Пехлеви. В 1938 году Марч исчез. А недавно, перед тем как бежать в эти леса, Командор навестил в Баку старушку Фелицианову. Она растрогалась. Для нее и он и Андрей остались милыми мальчиками. Нет, она не имела вестей от своего приемного сына. Командор простился с ней, сказав, что едет в Хопи. И вот в начале этого месяца Андрей Марч, бог весть каким образом, разыскал его в лесу. Очевидно, он побывал у Фелициановой, сообразил, зачем Командор направился к границе. Свидание старых друзей было короткое, Марч очень мало рассказал о себе. Устроился он сперва в Иране, потом получил место в Анкаре. В Советском Союзе находится нелегально. Готов помочь Командору и его шайке перейти границу.

Тогда же, у лотка с виноградом — встретились они на базаре в Хопи и беседовали, приценяваясь

к фруктам, — Командор пригласил Марча в свое лесное логово. Через несколько дней Марч пришел, принес пузырек с этикеткой французских духов. Пробыл у Командора около часа. Знакомился с бандой, у каждого спросил имя, профессию. С Тишкой говорил о боге. Всем обещал работу за границей, обеспеченную жизнь.

Наверное, Командор открыл не всю правду, умолчал о каких-нибудь связях своих с Марчем. Пусть так. Бесспорно одно — это ловкий, опасный враг. Он свободно владеет русским языком, знает местность, имеет друзей.

Зачем ему Командор? Зачем Анисим и Тишка, Муса, Мохов? И его приятель Оловянный, о котором я еще не упоминал, — вор-домушник, вечно пьяный верзила с неприятными, тусклыми, словно остановившимися глазами? Нет, я не мог объяснить интерес Марча к этим разным людям.

Где же обретается Марч? Откуда должен прийти?

Командор ответить не мог или не хотел. Но я и без того узнал порядочно. Завтра вечером все решится! Надо немедленно дать знать нашим.

Каждый день я уходил на разведку — намечать расположение дозоров. Командор привык к этому, называл меня своим начальником штаба.

Над поляной, где мы остановились на отдых, навис гребень горы, весь красный от осенних кленов. На нем вздымалась тригонометрическая вышка, одна из многих, расставленных по горам и долам. Мы с Царевым условились, в каком бревне и приблизительно в каком месте будет лежать мое послание — крохотная бумажка, засунутая в щель.

Набегали клочья тумана; вышка то теряла свои очертания, то снова вырезывалась на фоне хмурого неба. Я спешил, чтобы добраться засветло. В голове складывался текст записки, — подтянуть к стоянке банды поисковую группу, ждать моего сигнала. Три выстрела подряд. Кроме пистолета, у меня есть еще граната; быть может, придется ее пустить в ход. Да, три выстрела или взрыв гранаты. И тогда…

— Стой! — раздалось в чаще.

Я вздрогнул, потом засмеялся — на меня смотрел солдат с карабином.

— Саратов, — сказал я.

— Затвор, — ответил солдат.

Прекрасно — значит, записка не нужна. Обо всем сейчас же договорюсь, узнаю про Корочку, про Анисима.

Сам Царев ждал меня в шалаше с радистом

Комовым возле вышки. Я подбежал. После тягостных часов в роли Трофимова встреча со своими — желанная передышка, и я готов был расцеловать их, Комова и даже Царева. Я забыл, что мне следует прежде всего доложить капитану. Вопрос о Корочке, об Анисиме не удержался на языке.

— Спокойнее, капитан, — услышал я.

Только выслушав меня, Царев сообщил — очень коротко и с видом весьма недовольным — о судьбе моих помощников.

— Вы не должны были их отпускать от себя, — сказал он. — Особенно Корочку. Это серьезный промах.

— Да, досадно, — согласился я. — Но как я мог предвидеть…

— Не знаю, — он сплел свои пальцы и после паузы хмуро повторил: — Во всяком случае, вы не имели права оставаться в единственном числе.

— Есть еще Тишка.

— Пустое место!

Хвалить Тишку я не собирался. Однако высокомерный тон Царева сердил меня, и я сказал:

— Парень он неплохой. И будет полезен мне, — я не сомневаюсь.

На это он ничего не ответил, только брезгливо поморщился и отпустил меня.

Увы, я не представлял, какую важную роль сыграет в предстоящих событиях Тишка. Я слишком доверился ему.

— Вот что, Тихон, — шепнул я ему, вернувшись на стойбище. — Может статься, услышишь выстрел… Давай тогда сразу ко мне. Понял?

— Кто стрелять будет?

— Я. Наших пора вызывать. Хватит нам тут в лесу жить, как волкам.

План у меня был такой: дождаться Марча, потом выйти в лес и дать сигнальный выстрел. Царев и его люди с вечера подтянутся поближе и смогут быстро окружить банду.

Не только я, весь лагерь был в тот вечер возбужден ожиданием и долго не засыпал. Командор дольше обычного чистил свои ногти, потом брился, готовил в дорогу пожитки. Я спросил его, когда появится Марч.

— А-ачевидно, до рассвета, — протянул Командор, растянулся на топчане и тотчас вскочил.

— Дятел стучит, — сказал я.

Нервы Командора сдавали. Он боялся своих подручных и не скрывал этого.

— Мохов, А-алавянный, — произнес он, прислушиваясь к шепоту, донесшемуся снаружи. — Шушукаются. Вы не представляете, какая пыт-

ка для интеллигентного чела-авека с такими… Нет, как сказал классик, трепетная лань не может ха-адить в упряжке с а-аслом.

— Сейчас вам не позволительно быть трепетной ланью, — заметил я, впадая в тот же тон. — Вы думали, как нам быть, если ваш Марч не придет?

— Нет, нет. — Он томно потянулся и сжал ладонями виски. — Это было бы ужасно.

— Но допустим, — настаивал я.

— Нет, он придет. Если… Если не случится с ним катастрофа. Та-агда… Га-алубчик, выручать нас будете вы. Вы нас поведете за кордон. Кто же еще? Га-алубчик, ведь правда?

Он обнял меня и поцеловал мокрыми пухлыми губами в щеку.

«Отлично, — подумал я. — Как раз такой ответ мне и нужен. Значит, Командор по-прежнему доверяет мне».

Наконец мы оба уснули.

Тишке я приказал разбудить меня через два часа. Последний раз я проверю и сменю посты… И затем, не позже рассвета, преступник Трофимов перестанет существовать, капитан Новиков возродится, и вся банда, а с ней и загадочный Марч станут нашими пленниками.

Марч придет — в этом я не сомневался. Наши

пограничники не помешают ему прибыть сюда, в ловушку…

Теперь, когда я вспоминаю все это, мне ясно, — тогда я был слишком уверен в успехе и излишне спокоен. Было бы полезно прислушаться к тому, о чем шептались Мохов и Оловянный.

Вскоре к этим двум голосам присоединился еще третий. Я спал, я не мог слышать Тишку, который подсел к костру, едко дымившему в ямке, и… выдал меня.

— Дяденьки! — он обращался так ко всем старшим. — Дяденьки! Зачем нам за границу уходить? Не надо! Грехи ведь не отвалятся от вас, еще больше греха возьмете на душу! А лучше вы покайтесь, покайтесь!

Бандиты сперва отмахивались от Тишки, гнали его. И тут Тишка не выдержал, выболтал все.

— Ей-богу, Новиков, капитан, — клялся он, — не убитый, живой.

Ему поверили. Мы с Корочкой вызывали у бандитов смутное подозрение. А Тишка еще настойчивее стал уговаривать их не уходить за рубеж, покаяться перед капитаном Новиковым, помочь ему изловить Марча. И заслужить прощение.

Наивный мальчишка! Он действовал из хо-

роших побуждений. Но он еще не избавился от влияния елейных сектантских проповедей, он надеялся «божьим словом» обезоружить бандитов, направить на стезю добродетели.

— Грех-то иначе не смоете, — говорил он. — Еще больше будет грех, коли сбежите.

Во сне кто-то словно кинулся на меня и крепко стиснул руки. Я проснулся. Руки мои были стянуты веревками. И тотчас же в этот момент раздался хриплый бас Мохова:

— Здравия желаю, товарищ капитан.

Посмеиваясь, он шарил по мне лучом фонарика. На миг я онемел. Я оглядывал физиономии уголовников, набившихся в шалаш — Мохова, Оловянного, Мусы, — и силился разобраться, сон это или явь.

Нет, увы, не сон. У Мохова — фонарик Командора. На топчане Командора нет. Не видно и Тишки. Где он?

Я понял, что я один, что веревки мне не разорвать.

— Товарищ Новиков, следовательно, — Мохов светил мне прямо в глаза.

Новиков? Кто же мог… Огромных усилий стоило мне сохранить равновесие. Мохов отвел луч фонаря.

— Полежи, товарищ капитан, — насмешливо сказал он. — Полежи, отдохни.

Шалаш опустел.

Я напрасно напрягал мышцы — веревки врезались в тело, держали меня крепко. Устав бороться с ними, я попытался трезво обдумать свое положение. Почему они не прикончили меня? Должно быть, судьба моя решится с приходом Марча.

Не стану описывать вам свое состояние подробно. Понятно, невесело мне было.

Время близилось к рассвету. В шалаш никто не заходил, но по шагам, раздававшимся снаружи, по голосам я разумел, что меня караулят.

Марч медлит что-то.

А Царев ждет моего сигнала. Если он выследил Марча, то следует за ним. Все равно без моего сигнала Царев не вмешается. Так у нас условлено. Ведь главное — захватить всю компанию, и Марча вместе со всей шайкой, чтобы он не смог отпереться… Правда, Царев не станет ждать бесконечно. Если до утра сигнала от меня не будет, он, верно, предпримет какие-нибудь шаги… Так я размышлял, стараясь не поддаваться отчаянию.

Ночь уже отступала, чернота сменилась серой мглой, когда я снова увидел у своего топчана Мохова и его приятелей. Еще две веревки обвились

вокруг моего тела, под них продели кол, Мохов и Оловянный взялись за концы и понесли меня. Понесли, как мясники баранью тушу…

— Будет разговор, капитан, — сквозь зубы произнес Мохов, и больше ни слова не было сказано мне в пути.

Какой предстоит разговор, почему его нельзя было начать сразу, на стойбище, — об этом я мог только гадать, покачиваясь под упругим шестом. Шалаши скрылись, потонули в серой, сырой мгле, затопившей лес. Мохов и Оловянный шагали быстро, — ветви хлестали меня по голове, по плечам, царапали куртку. Сзади шли остальные. Запрокинув голову, я иногда мог различать Мусу, Тишку.

Как негодовал я в те минуты на Тишку, вам нетрудно себе представить.

Бандиты спешили. Я был нелегкой ношей, — особенно на крутых подъемах и спусках, но Мохов и Оловянный шли без передышек. Выбившись из сил, они передали меня другой паре носильщиков. Я заметил, что шайка сторонится прогалин и троп, прячется в чащах, выбирает самые глухие, самые темные заросли.

Муса отрывистыми, гортанными возгласами показывал дорогу. Очевидно, он один знал этот

лес.

Остановились в ложбине, у старого, усеянного наростами, дуплистого дерева. Всю жизнь буду помнить его! По толстому — в добрых три обхвата — стволу словно мелькали смутные тени. То мельтешили муравьи.

Меня опустили на прелые, слежавшиеся, листья, головой в кущу папоротников. Мохов подошел к дереву, повернулся к нему спиной и отмерил несколько шагов.

Возле меня грохнули брошенные кем-то два заступа. Мохов и Муса подняли их, вонзили в землю.

Мягкие, пахнущие плесенью комки откатывались ко мне, лопаты с сочным хрустом входили в жирный грунт. Мне невольно подумалось, что меня собираются закопать здесь, закопать живьем.

— Могилу роем тебе, господин капитан, — прохрипел Мохов, как бы отзываясь на мои мысли.

Я отгонял страхи. Не для того же они тащили меня сюда, выбиваясь из сил. И все-таки временами становилось до того страшно, что хотелось извиваться, биться о землю, кричать. Мерные удары заступов, хмурое молчание бандитов, глухое безмолвие предрассветного, еще окутанного мглой леса — все действовало непередаваемо

гнетуще.

Когда приступ страха — необычайно острого и, в сущности говоря, неразумного — схлынул, меня постигли новые муки. Сотни муравьев забирались ко мне за ворот, в рукава и немилосердно жгли. Я только сейчас ощутил это. Но я старался не шевелиться, не выказывать свои страдания врагам.

Между тем яма быстро ширилась. Я заметил, что бандиты пристально следят за движениями двух землекопов. Следят, как зачарованные…

У моих ног стоял Тишка. Он один не смотрел на Мохова и Мусу. Взгляд его был обращен ко мне, жалкий, умоляющий…

Я ни о чем не спрашивал их. Яростное упрямство сковало меня в те минуты — я сжал зубы и не издал ни звука. И с каждым ударом лопаты ярость во мне росла.

— Ну-ка, давай! — бросил Мохов.

Только троим оказалось под силу вывернуть из ямы тяжелый мешок. Да, обыкновенный холщовый мешок, с виду наполненный зерном, показался из ямы и лежал теперь у самого моего бока.

Мохов развязал мешок. Я слышал, как внутри с шорохом пересыпалось зерно. Потом затре-

щали нитки, распарываемые финским ножом Мохова. На свет появился еще мешок, большой, тяжелый…

Еще минута — и обнажился продолговатый, из темного полированного дерева ящик, похожий на пенал. Мохов отодвинул крышку, Муса зажег фонарь; неяркий луч упал в ящик, рождая золотые и серебряные отсветы.

Я не произнес ни звука, пораженный неожиданностью, а Мохов рылся в ящике, положил на холст браслет, усеянный искорками брильянтов, миниатюрный портрет какого-то гвардейца в парике и треуголке, вправленный в золотую рамку.

Коллекция Лызлова!..

Да, нет никакого сомнения. Перстни, табакерки, браслеты, трубки, уникальные драгоценности, шедевры ювелирного искусства многих стран, скупленные в осажденном Ленинграде у голодных людей за буханку хлеба, за мороженую треску, за кусок мяса.

И тотчас я понял, зачем меня принесли сюда, чего от меня хотят. Нет, я не удивился, когда Мохов сказал:

— Красиво, а, капитан? Одна такая штука — и ты до старости сыт, пьян и нос в табаке. А?

В руке его блестела золотая коробочка. Он

поднес ее к самым моим глазам. Я различил на гладкой крышке три крупных камешка, источавших голубоватое сияние, и вензель — латинское «Н» с короной. Табакерка Наполеона?

— В чем дело, Мохов? — спросил я. — Что тебе надо от меня?

— Нравится? — Он ткнул меня табакеркой в подбородок. — Нет? Врешь, нравится!

— Развяжи меня, — сказал я. — Иначе никакого разговора у нас не получится.

Я произнес эти слова твердо, и Мохов, поколебавшись, послушался. Я с болью расправил затекшие руки.

— Разговор короткий, капитан, — молвил Мохов.

То, что я услышал дальше, подтвердило мои догадки. Марч не пришел, угроза провала вызвала среди бандитов смятение. Перспектива бегства за кордон и раньше пугала их, а теперь они отказались от этой мысли. Командора они связали и оставили в лесу. Теперь они хотят уйти от преследования, выбраться из пограничья, замести следы, скрыться в глубине страны.

Для этого им нужна моя помощь.

— Ну, капитан, как? — молвил Мохов, сорвал ветку, сломал и бросил. — Не хочешь с нами,

тогда тут останешься в яме. Весь вопрос.

— И мама не придет поплакать, — пробасил Оловянный.

Чтобы обдумать положение, я оттягивал время. Я с сомнением взвесил на руке табакерку Наполеона — много ли она стоит? Небрежно откинул ее, взял портрет гвардейца. На меня глянуло розовое, напудренное, курносое лицо.

Лицо у кавалера было юное, свежее и какое-то утреннее, — он словно только что умылся, напудрился и смотрел на меня из своего далекого века с некоторым недоумением. Очень странно и неуместно выглядел этот гвардеец времен Екатерины здесь, в диком лесу, сейчас…

Что-то в нем напоминало Тишку. Я протянул ему портрет и со смехом сказал:

— Похож на тебя. Гляди!

— С косой, — протянул Тишка. — Чудно.

Услышать голос Тишки — вот что мне требовалось. Важно было, как он ответит мне, с каким видом посмотрит мне в глаза. Обманывать он еще не научился как будто…

Может быть, вам покажется это странным, но тон Тишки обрадовал меня. Нет, он не отвел глаза, как сделал бы предатель. Взгляд его, когда он говорил, был так же ясен и чист, как всегда, и

я сказал себе, что он, верно, не замышлял против меня ничего дурного. И он еще будет полезен мне.

Понятно, полагаться только на интуицию рискованно, но в данных обстоятельствах… Впрочем, даже если Тишка — союзник, нас с ним всего двое. Двое безоружных. Я не ощущал в карманах привычной тяжести пистолета и гранаты. Бандиты отняли их у меня, как и планшетку с картой.

Значит, действовать надо не силой, а хитростью. План еще не сложился в моей голове, как вдруг в чаще раздался шорох. Кто-то шел сюда.

Кто там? Царев? В первую же секунду я подумал о нем. Еще на пути сюда я спрашивал себя: неужели он оставил наблюдение?! Когда передо мной заблестели сокровища коллекции Лызлова, я, по правде сказать, ругал Царева.

В дрожащем луче фонаря выросла высокая фигура офицера-пограничника. Я остолбенел — так неожиданно было это появление. Молчали и бандиты. Офицер шагнул вперед.

Он оглядел меня, открытый ящик, положил руку на кобуру и спросил:

— Вы кто такой?

Я вглядывался в офицера. Я не встречал его до сих пор. Бандиты шевелились. Оловянный по-

лез за пазуху, должно быть, за ножом, но Мохов удержал его.

— Я капитан Новиков, —сказал я.

— Не болтайте чепуху, — произнёс он спокойно, насмешливо скривив тонкие синеватые губы. — Капитан Новиков убит.

Только что я обрел свое подлинное имя, и вдруг его опять отбирают у меня. И кто? Кто этот офицер? И что вообще происходит тут? Почему бандиты так растеряны, Мохов держит за шиворот Оловянного, а Муса, с моим пистолетом в руке, выжидательно поглядывает то на Мохова, то на меня…

— Что, не узнали? — властно выговорил он и выпятил грудь. — Слушать меня! Вы тоже! — кивнул он небрежно в мою сторону. — Со мной не пропадете, — промолвил он, оглядев смешавшихся бандитов.

Мучительную паузу внезапно прорезал тонкий, срывающийся голосок Тишки.

— Дяденька, — он прильнул ко мне, — дяденька, он не наш… Он чужой. Чужой…

Человек в офицерской форме вынул пистолет и направил его на Тишку. Не помня себя, я рванулся вперед и схватил его за руку. Пистолет выпал. Мой противник нагнулся, чтобы поднять его, но

я обхватил его. В тот же миг грянул выстрел.

Стрелял Тишка.

Катаясь по земле, выворачивая руки врага, который силился сжать мне горло, я успел увидеть Тишку, палившего вверх.

— Наши идут, наши, наши! — кричал Тишка в исступлении и снова спускал курок, и грохот выстрелов нестерпимо бился в уши.

И еще я успел увидеть бандитов, судорожно запихивавших драгоценности в мешок. Когда я осилил врага, наставил на него оружие и с помощью Тишки скрутил веревками, шайка уже скрылась.

— Вы с ума сошли! — кричал пойманный. — Какого черта вы набросились на меня! Я офицер из округа! Вы пожалеете! Отпустите немедленно!

— Я вас не спрашиваю, кто вы, — ответил я. — Я знаю. Вы — Марч.

Я сдал его подоспевшим пограничникам и успокоил дрожащего, плакавшего от волнения Тишку.

В тот же день все разъяснилось.

Марч направлялся к Командору и по пути наведался к дуплистому дереву, проверить, не потревожил ли кто тайник с сокровищами. Потом наткнулся на наших, вернулся к дереву,

решил здесь дождаться шайки. Прорваться с коллекцией Лызлова через кордон — такова была задача международного авантюриста Марча. Для этого он при содействии Командора и сколачивал шайку. Когда бандиты принесли меня к дереву, он заметил это, подошел и прислушался. Он понял намерения Мохова и его компании. Марч попытался взять инициативу в свои руки, вывести меня из игры. Между тем Царев следил и за Марчем и за нами. Бандиты в тот же день были задержаны. Коллекцию отправили в Ленинград. Так как потомок Лызлова, у которого она хранилась, умер, табакерка Наполеона и все прочее поступили в музейный фонд.

Ну, что еще вам сказать? Тишка пошел в армию, стал артиллеристом. Вернулся в колхоз с двумя орденами. Анисиму тоже разрешили загладить свою вину перед Родиной в бою. Он погиб на Одере.

С Царевым мы по-прежнему спорим. Вот и третьего дня, когда я вызвался проверять охрану границы, он удивлялся: что за страсть к приключениям у подполковника Новикова. Ни по возрасту, ни по званию, мол, не пристало.

Ну, меня он не удержит.

Интересная операция, и без меня? Нет, позволь-

те, не могу я этого допустить. Кто сказал, что я убит? Жив Новиков, жив!

ДВА И ДВЕ СЕМЕРКИ

ДВА И ДВЕ СЕМЕРКИ
1

Встают они в один и тот же час. Как покажется внизу, у табачного ларька, зеленая фуражка Михаила Николаевича, Юрка хватает свой портфельчик — и на улицу. По лестнице он сбегает, прыгая через три ступеньки. Пока подполковник покупает свою пачку «Беломорканала» — неизменный дневной рацион, — Юрка стоит в воротах, ждет. А выходит оттуда шагом самым непринужденным.

— О-о-о!.. Дядя Ми-иша! — тянет Юрка с поддельным удивлением и таращит глаза.

Юркину хитрость Михаил Николаевич разгадал давно, но делает вид, что тоже поражен неожиданной встречей.

— А, юнга! Как дела?

Дядя Миша сегодня веселый, и, значит, говорить с ним можно сколько угодно, хоть до самой школы. Впрочем, Юрка и помолчать умеет. Главное — это шагать рядом с дядей Мишей, шагать целых три квартала, на зависть всем ребятам. Шагать и гордо нести тайну…

Ведь вот ребята часто видят его вместе с пограничником, а ни о чем не догадываются. Даже когда дядя Миша называет его юнгой. Обыкновенное прозвище? Как бы не так!

В прошлом Юрка — нарушитель. Он лежал, сжавшись в комок, стуча зубами от холода, в шлюпке, под брезентом, на пароходе «Тимирязев». Брезент коробился, вздрагивал, и дядя Миша, осматривавший пароход перед отплытием, заметил это.

Тогда-то они и познакомились. Подполковник привел Юрку в свой кабинет и посадил у печки — горячей-прегорячей — и дал чаю. Юрка отогрелся и рассказал всю правду. Стать юнгой подумывал давно, но схватил по русскому двойку и решил окончательно. Дома грозила взбучка. Прямо из школы отправился в порт. Перелез через ограду…

Тогда Юрке было всего одиннадцать. До чего он был глуп! Вспомнить смешно! Ведь пограничник

ники проверяют весь пароход насквозь, от них не спрячешься. Кроме того, в юнги больше не берут. Это когда-то было! При царе Горохе! Теперь Юрке целых двенадцать. Но уговор остается, — он должен прилежно учиться, иначе подполковник сообщит в школу… Конечно, сейчас это уже не так страшно, как вначале. Но все-таки неприятно, — дразнить же будут!

Уговор — значит, дружба. Ни за что не хотел бы Юрка потерять дружбу с дядей Мишей.

— Дома как обстановка, юнга?

— У меня скоро сестренка будет. Я ведь говорил вам, дядя Миша? Да?

— Ты рад?

— Не… Куда ее! Дядя Миша, я, знаете, какой значок достал? Австралийский! Выменял на нашего Спутника, у матроса.

— В парке?

— Ага. Там много их, матросов… С пароходов.

— Не только матросы, Юрик, — говорит Чаушев. — Всякая шантрапа толчется. Ребятам не место там, я считаю. Ты на занятия налегай.

У школы они простились. Чаушеву идти еще четырнадцать минут. Улица упирается в новое здание института. Колонны в свежей побелке, чуть синеватые, стынут на ветру. Поворот вправо

— и разом из каменного ущелья открывается даль. Мачты, карусель чаек над ними.

До чего резко вдруг обрывается город с его теснотой, сумраком! Это нравится Чаушеву; он приближается к этому изгибу улицы, невольно ускоряя шаг, всегда с ожиданием чего-то хорошего…

Он уже почти на службе. Невольно расправляются плечи, струйка ветра, бьющего прямо в лицо, упруго вливалась в легкие.

День сегодня по-особенному хорош. Ветер только кажется холодным, — просто он дует вовсю, гудя в проводах, изо всех своих весенних сил. Спешит наполнить город, в котором еще темнеют наросты льда, еще застоялась в провалах дворов зимняя стужа.

Трудно ли догадаться, почему запропал тот студент! Почему не навестил свою старуху-тетку…

Чаушев еще прибавляет шагу. Скорее к работе, к столу, в укрытие от неотвязной, прибоем хлещущей весны! В кабинете сумрачно, холодно. Печку уже не топят.

На стене висит панорама порта с птичьего полета, в красках. Выцветшая синева воды, пятна парковой зелени, ставшие от времени почти черными. Панораму повесили давным-давно, когда

он стажировался здесь — юноша с одним квадратиком на петлице, выпускник училища. После войны, отслужив долгие годы на Крайнем Севере, он снова оказался в родном городе и застал ту же панораму на стене, уже изрядно устаревшую. Сколько раз он собирался заказать новую! Она ветшает, ее исправляли крестиками, флажками. Там, в самом устье реки, возникла лесопилка. Тут заново оборудован причал. На том берегу разросся рабочий поселок. Да и кварталы города, примыкающие к порту, во многом изменились, — вот новый институт, широкоэкранный кинотеатр. На пустыре разбит парк…

Входит лейтенант Стецких. Он провел ночь в кресле, у телефона, но уже умудрился побриться; от него вкусно пахнет лимонным одеколоном.

— Никаких происшествий нет, — истово докладывает Стецких, — кроме… Вот, прошу ознакомиться…

«С этого бы и начинал», — думает Чаушев, беря книгу с записями.

В двадцать три часа двадцать минут младший по наряду рядовой Тишков, находясь на третьем причале, у парохода «Вильгельмина», заметил световые сигналы… Э, такого еще не случалось! Вспышки следовали с правого берега, со стороны

лесного склада. Зафиксирован, по-видимому, лишь конец передачи — несколько цифр — азбукой Морзе. Сигнальщик не обнаружен.

Два, семь, семь… Чаушев перечитывает.

— Только конец передачи? Почему?

Стецких пожимает плечами.

— Так доложил Бояринов. Я предложил разобраться и дать взыскание.

Ах, уж и взыскание! Впрочем, Бояринов не из тех, что спешат выполнить, не рассуждая, любой телефонный совет дежурного офицера.

— Еще что-нибудь было от Бояринова?

— Звонил. «Разбуди, — говорит, — начальника». — Знаете его, — Стецких чуть усмехнулся уголками губ. — По всякому поводу давай ему самого начальника.

— Зря не разбудили. Что у него?

— Так, соображения. Я не счел нужным беспокоить вас. — Стецких с решимостью отчеканивает слова. — Соколов извещен, так что срочности никакой нет.

Нотка обиды дрожит в голосе лейтенанта. Чаушеву ясно, в чем дело. Задетое самолюбие, ревность. Бояринов ниже его по службе, а делиться с ним соображениями не желает. Начальника требует.

— Нет срочности, по-вашему? Дали знать в город — и вся музыка! Так? А я бы на вашем месте… Вызовите Бояринова!

— Слушаю.

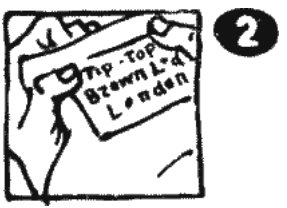
Стецких берет трубку.

Чаушев откидывает серебряную крышку настольного блокнота — подарок к пятидесятилетию — и рисует: реку, овал грузовоза «Вильгельмина», прижатый к левому берегу, а на правом — склад леса, откуда сигналили ночью. По обе стороны склада, но ближе к воде — жилые здания. Острие карандаша пересекает реку, порт, тянется дальше.

— Вот направление сигналов, — говорит Чаушев. — И будь я на дежурстве, я бы…

Он смотрит в лицо Стецких, молодое, от ревности вдруг постаревшее.

2



Что за черт! Валька опять не ночевал дома! Вадим делал зарядку, широко раскидывая руки в комнате общежития, непривычно просторной сейчас, и недоумевал. Ведь обычно Валька возвращался от своей тетки в воскресенье вечером. А сегодня уже вторник. Вчера ему следовало быть в деканате, — из-за хвоста по металловедению. Он же знал это!

В дверь постучали.

— Нет его? — голова комсорга Радия в квадратных очках просунулась, повертелась, брови полезли вверх.

— К тетке уехал, — протянул Вадим.

— Тетка, тетка, тетка! — застрочил Радий. — Что за тетка? Какая тетка? Ты ее видел? Никто не видел! Адрес есть? Нету. Плюс минус неизвестность. Диана, вышедшая из головы Юпитера.

— Минерва, — поправил Вадим.

— В общем, ты меня понимаешь, непротыкаемый. Волнуйся! Заводись!

— Закрой дверь, — буркнул Вадим. — Дует.

— Ерунда! Ты толстокожий.

Он вошел все-таки. Нет, Вадим не боялся сквозняка. Он надеялся, что Радий отвяжется, уйдет, даст ему кончить зарядку. Вадиму не нравится пулеметная трескотня Радия.

И прозвищ Вадим не терпит.

Как-то раз он вычитал, что есть непротыкаемые баллоны. Обрадовался, поведал ребятам в группе. Ведь он мотоциклист, — правда, пока только в мечтах. Вот и подхватили словечко! Правда, ненадолго. Одного Радия еще не отучил.

Радий оглядел схему мотоцикла над койкой Вадима, хмыкнул, потом бросил взгляд на столик Валентина, на его полочку с книгами — учебники вперемежку со стихами — хмыкнул еще раз и повернулся на каблуках.

— В общем, поручается тебе. Договорились? Во-первых, ты друг Савичева, во-вторых, — дружинник.

— Бывший, — уточнил Вадим.

Радий уже не слышал, — за ним щелкнула дверь. Фу, что за манера исчезать так внезапно! Вадим нахмурился, отработал несколько прыжков и начал приседания.

Заладил же Радька! Разве не ясно было сказано, — он, Вадим Коростелев, больше не дружинник.

Силой не заставят. Дело добровольное. И краснеть ему не приходится, — не из трусости же он так поступил и не из-за других каких-нибудь низких побуждений. Тут вопрос совести. На комсомольском собрании он выложил все

начистоту.

Голова дурная у Фролова, у штабиста, — вот в чем дело. Ему, видите ли, не понравились брюки Вадима. Слишком узкие. Так и сказал: «Пойди переоденься, приведи себя в должный вид, коли хочешь быть в дружине». Ну нет, шалишь! Никого не касается…

Вообще этот Фролов дурак и формалист, — таких гнать надо…

Стоя на трибуне, Вадим сжал кулак и встал в позицию для бокса.

Все захохотали, а Радий отчаянно зазвонил в колокольчик. Испугался чего-то.

Радька корил Вадима, — уход-де самочинный. Надо было обратиться в штаб дружины, посоветоваться с комсомолом. А так что же, — бегство получается. Постановили выслушать отчет студентов — членов дружины.

Спор с Радием длился и после собрания.

— Твою отставку мы еще должны утвердить, — кипятился комсорг. — Ишь, министр непротыкаемых баллонов! Ну, наглупил твой Фролов, правильно! А кто ему будет вправлять мозги? Вольф Мессинг?

Вольф Мессинг выступал в Доме культуры порта. Никакие он не вправлял мозги, а угадывал

мысли. Нелепая привычка у Радьки — подхватит какое-нибудь имя, с афиши, из книги, и сует ни к селу ни к городу.

— Фролов, может быть, трусит, — горячился Радий. — С хулиганом, с забулдыгой, с нахалом, знаешь, боязно связываться, — кишка тонка. А делать что-то надо.

— Непохоже, что трус, — отвечал Вадим.

— Значит, заклепок не хватает. Добавим. Пустые места в голове. Не понимает, зачем дружина, для чего дружина. А ты умный? Ты тоже не Паскаль. Задача дружины — бороться с нарушителями закона и порядка. Азбука!

— Азбуку я проходил.

— Незаметно, — наскакивал Радий. — Ладно, ты голосовал тоже. Постановили и записали. Будем наводить порядок в дружине, и ты поможешь.

— Давайте, — согласился Вадим.

С тех пор прошло месяца два. Повестку дня захватывали другие вопросы, а Радька, переходя к очередной задаче, начисто забывает предыдущие. Вадим давно уж не слышал от него слово «дружинник».

Но что верно, то верно, — Валентина искать надо. Эх, нет адреса тетки! Наталья.... Наталья Ермолаевна, кажется. Или Епифановна...

Разбалтывая в кипятке сгущенное кофе, он спрашивал себя, — с чего же начать поиски? Что могло стрястись с Валькой?

Он чувствовал себя осиротевшим. Вот сейчас, за завтраком, Валька раскрыл бы книжку и стал бы гонять его по правилам уличного движения. Устройство мотоцикла Вадим уже сдал, остались правила. Он взял книжку, полистал.

Дорожные знаки. Кружок, внутри две машины. Что это значит? Вадим закрывает текст рукой. Обгон запрещен.

Нет, без Вальки не то. С ним как-то яснее. Правда, в последнее время он помогал не очень-то охотно. Рассеянный какой-то, нервный. Ему отвечаешь, а он и не слышит. Кивает с самым бессмысленным видом. Влюблен бедняга! Вадим презрительно усмехается. Такая любовь, как у Вальки, — хуже болезни.

Вадим встает, смахивает со стола крошки, лезет под кровать. Поглядеть разве, что в том пакете…

Сейчас только вспомнил!..

Пакет появился в комнате в субботу. Валентин принес его откуда-то и сунул под кровать. Был хмурый, злой. Верно, повздорил со своей… А в воскресенье, прежде чем исчезнуть, Валька достал пакет, положил на колени и сидел, раздумывая. И

похоже, — хотел что-то сказать. Потом затолкал обратно под койку и вышел, не попрощавшись.

Конечно, нехорошо рыться в чужих вещах. Но, может быть, сейчас что-то откроется. Что?

Вадим не мог бы объяснить, чего он ждет, — просто ему вспомнился другой пакет. Этот — большой, в плотной, трескучей оберточной бумаге, а тогда, с месяц назад, Валька спрятал под койкой поменьше, в газете. Перехватив взгляд Вадима, буркнул: «Для тети Наташи».

Подарок тете? Было бы на что! Вадим не требовал откровенности, он сам не выносил расспросов. Оба сдержанные, немногословные, они сближались исподволь.

Черт, ну и узелок! Разрезать веревку Вадим постеснялся. Фу, наконец-то!..

Вадим отдернул руку. Он словно обжегся. В луче солнца, упавшем на койку, огнисто полыхала ярко-красная ткань. Вадим осторожно приподнял ее двумя пальцами. Ворсистая материя вкрадчиво ласкалась. Женское… Мелькнул белый квадратик, пришитый к вороту. «Тип-топ», — прочел Вадим, а ниже, очень мелко, стояло: «Лондон».

Еще блузка. Тоже — «Тип-топ», только голубая. А под ней еще вещи, упругое, переливающееся разноцветье. Вадим разрыл, — обнаружились

смятые в комки, сплюснутые чулки. Все женское… Откуда у Вальки?

В памяти ожила тетка — Ермолаевна или Епифановна… На минуту Вадиму сдалось, что эти вещи, женские вещи, должны иметь какое-то отношение к ней. Но нет, — тетка же наверняка седая, старая. А тут — «Тип-топ», игривое, как припев, разные шелка или, как это еще называется…

Они рассыпались на узкой койке, на рыжем одеяле грубой шерсти, и было в них что-то наглое и резко чуждое всей комнате — и плакату с мотоциклом, и Валькиной полочке с потрепанными томиками Есенина и Блока.

Обыкновенно все женские вещи казались Вадиму очень хрупкими и чуточку загадочными, — он если и прикасался, то осторожно, чтобы по незнанию не порвать, не испортить. Сейчас он торопливо, кое-как скатывал блузки, сорочки, чулки, шарфы, перчатки, запихивал в бумагу. Надавил коленом и крепко перевязал.

Неровен час, ворвется Радька или еще кто…

Радька, в сущности, неплохой парень, но уж очень языкастый. Шумит, пыль поднимает. Скликать людей незачем. Надо сперва понять самому.

Вещи дорогие; стало быть, купить их для себя Валентин не мог. Целой стипендии не хватит. Да

что там, — трех стипендий и то, наверно, мало.

Вот так история!

Однако пора в институт. На лекцию Вадим не опоздал, сидел и честно пытался уразуметь, о чем же говорит громогласный великан-доцент, специалист по органической химии.

После звонка в коридор не пошел, застыл, уставившись в обложку тетради с конспектами. Подсели девушки — долговязая, с длинным лицом, мечтательная Римма и черненькая, язвительная Тося.

— Ва-адь, — протянула Римма, — давай с нами в кино на шестичасовой.

— Билеты мы купим, уж ладно, — добавила Тося.

— Не реагирует, — вздохнула Римма.

— Забыл что-то, — молвила Тося. — Что у вас разладилось, товарищ водитель? Зажигание? Ай-ай, скверно ведь без зажигания, а, Вадька?

— Погодите, девочки, — сказал Вадим. — Вот заведу драндулет, повезу вас в кино.

Он часто обещал им это. Повторил машинально, даже не глядя на них.

В час обеда в столовке к Вадиму протиснулся Радий. Он держал тарелку с винегретом, ворошил вилкой, ронял и на ходу жевал.

— Тетка материализовалась, — объявил он. — Тетка — свершившийся факт. Сама звонила сюда.

— Зачем?

— Справлялась, что с Валькой. У тебя ничего?

— Покуда ничего.

Где же тогда Валентин? Тотчас возник распотрошенный сверток на койке, — и Вадим похолодел.

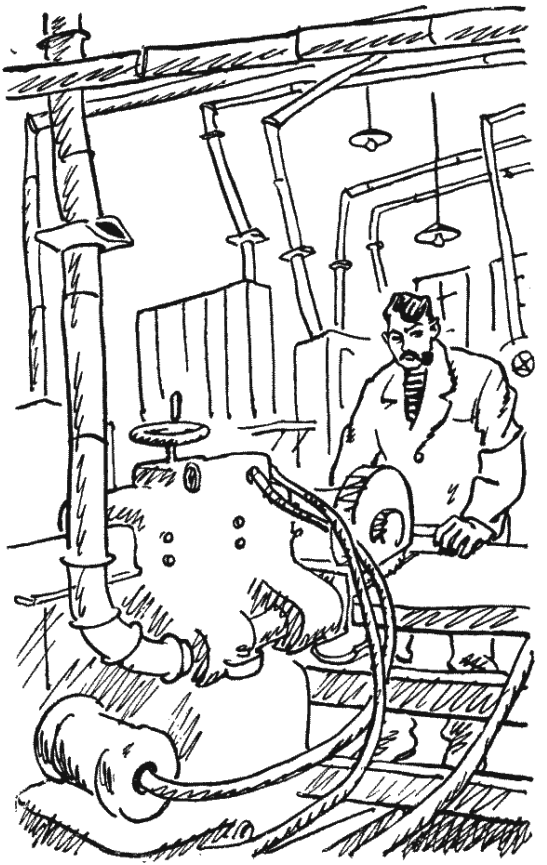
— В «Скорую помощь» не звони. Слышишь! В милицию — тоже. Звонили.

Вадим опустил взгляд. Глаза Радьки, карие, бесцеремонные, досаждали ему. Радька как будто тоже увидел вещи на койке, вещи фирмы «Тип-топ», заграничный товар, неведомо как попавший к Валентину.

— Думай, дружинник!

В институте есть один человек, которого, пожалуй, стоит спросить. Как же его фамилия? Растопыренная, вроде... Из глубин памяти вдруг взметнулся ныряльщик в ластах. Лапоногов! Ну да, Лапоногов, лаборант. Вадим постоял у витрины с расписанием, потом спустился в подвал, в лабораторию технологии дерева. Там жужжала пила, пахло смолой, под ногами, как рассыпанная крупа, перекатывались оранжевые, серые опилки.

Лапоногов стоял у циркульной пилы, плечистый, в синей спецовке. Крупная, мясистая рука лежала на рычаге.



Одно время Вальке нужны были деньги. Вадим предлагал свои отложенные в сберкассе на мотоцикл, но Валька отказался. Нет, с друзьями лучше не иметь финансовых дел. Тогда-то он и завел компанию с Лапоноговым. Тот дал деньги. Раза два Вадим видел их вместе. Они шептались о чем-то. Заподозрить дурное и в голову не пришло, — крепыш в низеньких «боцманских» сапожках, с трубкой в зубах, показался Вадиму славным, бывалым моряком.

— Ко мне, что ли?

Лапоногов нажал рычаг. Зазвенела тишина. Черные острые усики, концами книзу, шевельнулись в улыбке. Должно быть, узнал.

— На минутку, — сказал Вадим.

— Добре, — кивнул тот. — Обожди в коридоре.

Лицо продолжало улыбаться, а голос как будто другого человека, — чем-то обеспокоенного. И Вадим, невольно поддавшись этой внезапной тревоге, тоже кивнул, — быстро, украдкой.

«Он знает», — сказал себе Вадим, выходя в коридор. Лапоногов снова включил пилу.

Вадим читал объявления, не понимая ни слова. Пила назойливо ныла за дверью.

Наконец дверь скрипнула. Все та же улыбка у Лапоногова, словно приклеенная. Неторопливая

походка вразвалочку.

— Где Савичев? — Лапоногов вынул изо рта трубку, обдал Вадима в упор медовым табачным духом.

У Вадима запершило в горле, он закашлялся и вместо ответа неловко развел руками.

— Его… требовал кто? — Лапоногов надвигался, прижимал Вадима к стене, душил приторно-сладким дымом.

— В деканат вызывают. Насчет хвостов… Нигде его нет; мы даже в милиции справлялись.

— Найдется мальчик, — бросил Лапоногов с некоторым облегчением. — Верно, у крали своей…

— Нет, — мотнул головой Вадим.

Лапоногов затрясся от тихого, сиплого смеха. Вадим смутился. С чего он так развеселился!

Надо сказать еще что-то. Он посмеется, да и уйдет. Эта мысль испугала Вадима. До сих пор он не искал слова, они слетали в пылу разговора как-то сами собой. Что-то надо придумать, чтобы удержать Лапоногова.

Он и в самом деле уходит. Он оглядывается на дверь лаборатории. Пила работает рывками, — то затихает, то испускает короткую, надсадную жалобу.

— Салага! — проворчал Лапоногов. — Поломает мне инструмент. Будь здоров, браток.

Он выставил руку, но не протянул Вадиму, а тряхнул в воздухе, лихо щелкнув пальцами.

— Слушайте, — чуть не крикнул Вадим. — Там вещи…

До сих пор он не знал, нужно ли упоминать о них. Вырвалось в отчаянии.

— Вещи? Какие вещи?

Лапоногов снова шагнул к Вадиму.

— Всякие, — зашептал Вадим, обрадованный результатом. — Шелковое все. Тип-топ, заграничное.

— Куда дел?

— Никуда я не дел. — Вадим поморщился; жесткие пальцы сжали ему плечо.

— Растрепал всем, салага?

— Не трепач, — Вадим высвободился; в нем поднималась злость.

— Тихо ты! Тихо, — понял? Если ты ему друг…

— Я-то друг, — отрезал Вадим.

— И я тоже. А ты как считаешь? Ты не тарахти, — понял? Мое дело тут сторона, меня это барахло не касается. Главное — Валюху не подвести.

«Врет, — подумал Вадим. — Касается!»

— Народ, знаешь, какой! Всех собак навешают,

— понял? И главное, по-глупому, зазря. Так ты не гуди, ладно? — Он обнял Вадима. — Мы смикитим с тобой, поглядим, что за барахло. Есть? Ты жди меня, жди в комнате, — договорились? Я этак через полчасочка к тебе…

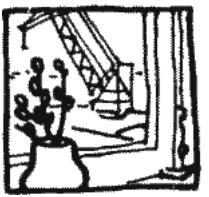
— Приходите, — сказал Вадим.

Он не видел, как Лапоногов вбежал в лабораторию, скинул спецовку, надел плащ и осторожно, медленно, озираючись, двинулся следом.

Вадим шел, ничего не видя вокруг. Он был ошеломлен, растерян. Он ежился, точно рука Лапоногова еще давила плечо. Противный он! Потом возникла обида на Валентина. Правда, они не клялись в дружбе, но все-таки… Целую зиму Валька жил рядом, спал рядом на койке, и вот оказывается… Странно! Читал Блока, сокровенные свои мечты высказывал, как будто…

Их комната стала чужой. В ней словно клубилось предчувствие беды.

3



В порту, в здании КПП — в кабинете второго этажа, выходящем окнами на причал, заставленный бочками с норвежской сельдью, — подполковник Чаушев говорит по телефону.

— Правильно, — кивает он. — Правильно, Иван Афанасьевич. Зайди.

Потом Чаушев оборачивается к лейтенанту Стецких.

— А вы сразу, — взыскание! — произносит Чаушев с укором.

Стрелка, пересекшая реку, пароход и портовый причал с пакгаузами, уперлась в обширный квадрат. «Институт», — написал Чаушев внутри квадрата и подчеркнул два раза. Да, вероятно, таково направление сигналов, перехваченных рядовым Тишковым.

Стецких почтительно смотрел. Никогда нельзя было угадать, принял ли он к сердцу сказанное. Это раздражало Чаушева. Одно только вежливое, послушное внимание изображалось на его красивом, чересчур красивом лице.

— Что мы можем требовать от солдата! — сказал Чаушев сердито. — Его задача…

Впрочем, этого еще недоставало! Растолковывать офицеру, прослужившему уже почти год, задачу младшего в наряде. Он же помогает старшему, то есть часовому, стоящему у трапа, и не должен отходить далеко. А пароход не прозрачный! Пора лейтенанту знать порт, знать наизусть, — все причалы и посты. Где находится солдат, что он видеть обязан и что он может заметить лишь случайно.

— Спасибо, поймал хоть часть морзянки. Я вот хочу вас спросить, товарищ Стецких, долго ли вы будете у нас… прямо скажу, новичком.

Стецких покраснел.

— Вам не нравится, что Бояринов вас обходит, — продолжал подполковник. — Да, да, задело вас, я же не слепой. И хорошо, что задело! Вы в штабе, а он в подразделении, вы по службе выше его. А совета он у вас не просит. У меня просит…

— Я не фигура, — сдавленно проговорил Стец-

ких и еще гуще залился краской.

— Вот как! А почему не фигура? Кто мешает стать фигурой? Недоумеваю, товарищ Стецких.

— Все же, разрешите полюбопытствовать, — начинает он. — Вы сказали, вы бы иначе поступили в данном случае, с сигналами… А конкретно, — как?

— Не поняли?

— Никак нет.

Гулкие шаги раздаются в коридоре. Это Бояринов; его слышно издали. Он входит, стуча каблуками, плотный, очень широкий в плечах. Все на нем тяжелое, как латы, — сапоги, обильно смазанные гуталином, длинная темно-серая шинель.

Бояринов считает, что сигналы предназначались кому-то на пароходе «Вильгельмина». Вполне допустимо, — думает Стецких, — Бояринов особой смекалкой не блеснул. А начальнику он нравится! Чаушев одобрительно наклонил голову и подвинул старшему лейтенанту свой рисунок.

— Точно, — сказал Бояринов.

— Скрытно от наряда, — подхватил Чаушев.

— Именно, что скрытно, — вторит старший лейтенант, сильно нажимая на «о».

Это долбит и долбит барабанные перепонки Стецких. Старший лейтенант, оказывается, допускает и другие возможности. Часа два он не спал, бегал ночью по причалам, выяснял, — где еще могла быть принята загадочная световая депеша. Был даже за воротами порта. В порту фронт видимости довольно широкий, ряды пакгаузов, в ту пору безлюдных, два парохода у стенки, «Вильгельмина» и «Щорс». А в городе только одно подходящее здание. Оно выше пакгаузов, выше деревьев парка, — это институт.

— С пятого этажа свободно, — говорит Бояринов. — Прямо в окна брызнуло.

— Там общежитие, — сказал Чаушев.

— Так точно.

«А дальше что? — откликается про себя Стецких. Да, видеть могли на «Вильгельмине», и на наших судах, у пакгаузов и в общежитии. А кто принял сигналы? Мы не в силах установить, да нам, пограничникам, и не положено...»

— Ты отдохнул, Иван Афанасьевич? — спрашивает Чаушев. — А то домой ступай.

— Порядок, — отвечает Бояринов и встает.

— Насчет Тишкова, — удерживает его начальник. — Как, Иван Афанасьевич, не довольно ему в младших ходить?

— Хватит, товарищ подполковник. Он себя показал неплохо. Парень старательный.

— Пустим старшим.

Наконец Бояринов уходит. Стецких выпрямляется в кресле и встречает спокойный взгляд подполковника.

Чаушев доволен, — ему давно хотелось вот так столкнуть лбами этих двух офицеров, таких несхожих. В кабинете остался запах сапог Бояринова. Сапожная мазь и лимон… Чаушев улыбается.

Стецких мнет пальцы, ощущая улыбку начальника. Эх, неудачно начался день!

— Вам, стало быть, нечего обижаться на Бояринова, — слышит он. — Что вы могли ему посоветовать? Он и действовал на свое усмотрение. Действовал правильно, в чем я, собственно говоря, и не сомневался.

Дошло ли до Стецких? Или он по-прежнему считает себя правым… Положим, он не нарушил буквы устава. Нет, в этом его не упрекнешь. Устав затвердил назубок. Но вот дух его, требования жизни… Неглупый, воспитанный, — а буквоед. Молодой, — а формалист. Службу свою вымерил вон по той панораме на стене, — до ограды порта и ни на шаг дальше.

— У меня к вам все, Стецких.

Слово «буквоед» просилось с языка. Но ведь обидится! Чаушева несколько минут не покидает впечатление контраста, — Стецких и Бояринов.

Стецких, разумеется, считает Бояринова гораздо ниже себя. А он — Чаушев — в глазах Стецких, небось, придира, чудак, которому не усидеть в рамках устава. Да, старый чудак!

Эта мысль смешит Чаушева. Однако из-за буквы устава спорить иной раз приходится не только с лейтенантом Стецких, а с людьми куда старше по званию.

Эх, соединить бы в одно: умную, хозяйскую хватку Бояринова и культуру Стецких, его аккуратность…

Телефонный звонок. Это капитан Соколов. Он должен срочно видеть подполковника.

— Жду вас, — говорит Чаушев.

Он смотрит на часы и открывает форточку. Пора проветрить. За окном, у борта плавучего крана, дотаивает последняя льдина — серый комок на голубой весенней воде.

4

В общежитии института, в комнате со схемой мотоцикла на стене, — Вадим и Лапоногов.

Толстые пальцы Лапоногова тискают тонкую ткань, ищут и расправляют глянцевые, бархатные этикетки с маркой «Тип-Топ». Он сопит, издает губами какие-то чавкающие звуки, словно пробует товар на вкус.

— Нейлон с начесом, — смачно произносит Лапоногов. — Барахлишко люкс.

Отбросил блузку, скорчил гримасу, будто внезапно нашло отвращение.

— Игрушку свою купил? Тарахтелку?

Лапоногов смотрел на плакат. «Мотоцикл! — сообразил Вадим. — Откуда он знает? Или Валька сказал?..»

— Не так просто купить.

— Много не хватает тебе?

— Всего-то полторы сотни накопил. — Вадим даже вздохнул. Он отвечал искренне. И была еще надежда — завоевать любым путем откровенность Лапоногова.

Тот вскочил, подошел к столу. Взял тетрадку Вадима по физике, только начатую, полистал.

— Давай пиши! — пробасил Лапоногов и протянул Вадиму тетрадку.

— Что писать!?

— Товарища хочешь выручить? Пиши! Улица Кавалеристов, одиннадцать, квартира три, Абросимова.

Вадим, онемев от недоумения, записывает.

— Может, Валюху самого там застукаешь. А нет, — она скажет, она в курсе… Да барахло не забудь, захвати ей… Мигом язык развяжет, — понял?

— Постойте! — крикнул Вадим.

Лапоногов шагнул к двери. Вполоборота, уже держась за скобу, кинул:

— Все! Ничего я у тебя не видел, ничего тебе не говорил.

Дробный хруст — то Лапоногов, как тогда, в институте, тряхнул рукой в знак прощанья. Шаги уже стихли, а резкий хруст костяшек все еще слышится Вадиму, — завяз в ушах.

Вадим один в комнате, — один с чужими, пугающими вещами на койке, с адресом в тетрадке, на первой странице, в самом низу, под формулой закона Паскаля.

Если хочешь выручить товарища?.. Эта фраза как-то примирила с Лапоноговым, примирила, несмотря на мерзкий хруст костяшек, несмотря ни на что… Может, винить его и не в чем. Он, может быть, друг Вальки и желает ему добра…

А в пакете, может, контрабанда!

С детских лет отпечатался в сознании черный человек, черный в ночной темноте, крадущийся через границу, — почему-то в горах. И в широкополой шляпе, тоже неизвестно почему… О контрабандистах настоящих в родном Шадринске, удаленном от границ, не ведали. О них Вадим узнал лишь недавно, в конце зимы, на собрании дружинников. Выступал подполковник с портового контрольного пункта. Иной шпарит прямо из газеты, ни уму ни сердцу… А у того подполковника слова обыкновенные, суховатые даже, но свои слова. Ребята очень переживали…

Такому человеку все можно высказать. Он все поймет… Пойти разве сейчас, с пакетом… Ну, а толк какой? Вдруг — не контрабанда вовсе. Глупо получится. Что он — Вадим — способен объяс-

нить насчет Вальки, насчет Лапоногова или вот Абросимовой?

Валька — преступник? Нет! Нет! Валька — идеалист, у него все люди хорошие… Он не хотел… Теперь сам, наверно, не знает, что делать с вещами. А ведь это просто — надо прийти к подполковнику и сказать все честно.

Надо найти Вальку и заставить. Тогда его простят. Непременно простят…

На тротуаре, у входа в общежитие, пестрели книги на новеньком, пахнущем смолой лотке. Однорукий продавец бойко выкликал названия. Толстая женщина несла в «авоське» зеркало. Маленькие девочки играли на асфальте в классы. Вадиму чудилось, — все, даже девочки смотрят на его пакет.

Крепко прижав ношу к себе, Вадим спросил у милиционера, где улица Кавалеристов. Собственный голос показался ему чужим. В трамвае сидел, как на угольях, опустив глаза, видел бесконечное мелькание ног, — туфли, запыленные сапоги, остроносые башмаки…

Улица Кавалеристов открылась широкая, голая — без зелени, без вывесок. Гладкие стены новых домов. Вадим попытался собрать разбежавшиеся мысли. Что он скажет, когда войдет? А что как в

самом деле застанет там Вальку?

За дверью квартиры номер три, в ответ на звонок, слабый плачущий голос осведомился:

— Кто здесь?

— Мне к Абросимовой, — сказал Вадим.

Залязгали, загремели запоры, что-то зазвенело, как упавшая монета. Закачался, скрипя и ударяясь обо что-то железное, отомкнутый крюк.

Тощий голосок жаловался на что-то; грохот заглушал его, и к Вадиму сочился лишь тоненький, на одной ноте, плач. Щуплая старушка в тусклом халатике толкнулась к нему, едва не уколов острым носом, и тотчас отпрянула.

— Валентин Прокофьич! Ой, нет, не Валентин Прокофьич!.. Кто же?

— От него, — сказал Вадим.

Он понял сразу, — Вальки тут нет. Старушка между тем впустила его в комнату — большую, в два окна, и все-таки сумрачную и как будто не принадлежащую этому новому дому, этой просторной, солнечной новой улице. Вадим словно ухнул в огромную корзину с тряпьем. В пятне дневного света выделялся стол, залитый волной темной материи, а остальное было как бы в дымке, — занавеска слева, обвешанный платьями шкаф, кресла в чехлах.

— А Валентин Прокофьич? — протянула старушка. — Не заболел ли?

— Нет… Нездоров немного…

— Я сама больная, — застонала старушка, — не выхожу никуда. Лежала бы, да не дают лежать. Пристали, всем надо к маю… У меня весь организм больной. Какая я швея, нитку не вижу. Да вы кладите, кладите…

Вадим топтался, неловко обнимая пакет. Абросимова подвела его к столу и, продолжая стонать, с неожиданным проворством выхватила сверток и распластала на столе.

— И на что мне! — сетовала она. — Мне и сунуть некуда… Просят люди, ну просят ведь, господи!

Костлявые руки ее, жадно перебиравшие товар, говорили другое, но Вадим не замечает их. Он стыдит себя за промах. Явиться следовало от Лапоногова, а не от Вальки. Теперь и расспрашивать про Вальку неудобно. Дернуло же сочинить такое, — нездоров!

— Вы садитесь!

Сесть некуда, на одном кресле журналы с выкройками, обрезки, на другом — утюг. Вещи, принесенные Вадимом, уже исчезли со стола, а в руке Абросимовой появились деньги. Как они появились, неизвестно. Из кармана халата, что

ли? Возникли точно из воздуха, как у фокусника.

Абросимова перестает ныть, она отсчитывает деньги, и Вадим сжался, — ведь деньги-то ему! Он как-то не подумал о деньгах, не приготовился к этому.

— Блузки по четыреста… Ох, вот не привыкну к этим, что хошь! По сорок, четыре штуки по сорок, сто шестьдесят, да белье…

Вадим взял, не считая.

— Поклон Валентину Прокофьичу. Ему тут четвертная, остальное Лапоногова. Он знает.

— Знает, — выдавил Вадим.

На улице он остановился, как вкопанный, — солнце ударило прямо в лицо.

От пакета он освободился, но есть другой груз. Он, кажется, еще тяжелее, хотя это небольшая пачка денег. К счастью, ее никто не видит. Но она давит грудь, она точно впивается под кожу, в тело.

Нечестное это… Да, наверняка контрабанда; теперь Вадим уверен. Денег слишком много, он никогда в жизни не держал столько за́раз.

Как быть с ними?

Он велит себе не спешить. Есть еще один человек, с которым необходимо встретиться. «Небось, у крали своей», — сказал Лапоногов. Вальки,

конечно, и там нет. Не очень-то они ладят, и вообще… Однако попытаться нужно.

На площади, у справочного киоска, Вадим мнется, — фамилию он скажет, а вот имя…

Девушка в окошке — сплошные локоны. Она занята: интересная книга и, кроме того, отгоняет толстую, назойливую зимнюю муху. Вопрос не сразу доходит до нее. Гета? Почему же не может быть такого имени!

Она Гета, ее зовут Гета… А полностью… «На «г» как-нибудь…

— Ой, умора! Вы ищете ее, познакомиться хотите? Нет, почему же на «г». Маргарита если… На «г» и имен-то нет. У нас в школе Гертруда была, так у нее отец эстонец.

— Лескова, — сказал Вадим. — Русская.

— Запишем — Маргарита. А вы думайте пока. Ой, надо же! Обожаю настойчивых.

5

Льдина на воде, у борта плавучего крана, растаяла вся, — плавает только что-то желтое с нее, похоже, — щепка. Она колет глаза Чаушеву, словно это на его столе лежит неубранный мусор. Вода, бетон причала — все уже давно стало как бы частью обстановки кабинета начальника контрольно-пропускного пункта.

Они оба смотрят на весеннюю воду, — Чаушев и капитан Соколов из Госбезопасности — светловолосый, белокожий, с мелкими упрямыми морщинками у самого рта. Завтра там, за пакгаузом, где как струна серебрится и дрожит в мареве тонкий шпиль морского вокзала, встанет «Франкония», пароход с туристами из-за границы. Первый вопрос Соколова был:

— Что слышно о «Франконии»?

Они уже успели поспорить. Чаушев утверждал, что два и две семерки — перехваченная световая морзянка — шифром не является. Шифром пользуются агенты разведок. А передают депеши в открытую лишь шпионы в приключенческих книжках. Соколов не возражал; он только улыбался и чуть поводил плечом, — я, мол, наивностью не страдаю, но строить какие-либо прогнозы пока воздержусь. Чаушев научился понимать мимику невозмутимо-молчаливого капитана, — она не причиняла ему неудобств.

Теперь они вернулись к «Франконии», — хотя связи между ней и загадочными сигналами ни один еще не усмотрел. Просто капитан Соколов выжал:

— Ждут «Франконию». В лягушатнике…

В молодом парке, недалеко от ворот порта, плещет фонтан — четыре скрещенные струи, извергаемые четырьмя бронзовыми лягушками. Там, на площадке, собирается «лягушатник». Идет обмен марками, монетами, авторучками, на первый взгляд безобидный. Но это нередко зачин для дел похуже.

Пожевав губами, Соколов добавил, что с приходом «Франконии» ожидается большой бизнес.

— Все Нос выкладывает? — спросил Чаушев.

— Да.

Носитель этой клички, долговязый парень с длинным унылым лицом, погорел в прошлую субботу самым жалким образом. Он ходил по номерам гостиницы «Чайка» и скупал у иностранцев нейлоновое белье, блузки, чулки, пока не наткнулся на немца-коммуниста. Тот схватил бизнесмена за шиворот и поволок к милиционеру.

Нос уже не раз выходил сухим из воды, — не находилось явных улик. И на этот раз он изловчился: в суматохе передал кому-то пакет с добычей. Однако при нем остался товар, предназначенный для сбыта, — несколько золотых часов и золотой портсигар. «Не взяли! — сообщил он Соколову на допросе. — Заказали, а не взяли!» Обычно самоуверенный, наглый, фарцовщик скис. Стал разыгрывать простачка. Его втянули. Сам бы ни за что…

Сулили ему невесть какие блага. А на деле львиную долю барыша надо отдавать. Кому? Главаря, Форда, Нос никогда не видел, с ним связаны скупщики, которым Нос отдавал товар.

Нос скулил. Немец, иностранец, вдруг оказавшийся союзником нашей милиции, наших дружин, совершенно расстроил его планы. Нос

жаловался на судьбу, изображал перед Соколовым бурное раскаяние.

Имена Нос побоялся назвать. Он мало нового открыл капитану. Да, в городе орудует шайка спекулянтов, связанная с иностранцами. Предводитель ее, Форд, старательно прячется; он не показывается на глаза рядовым членам. Он часто в разъездах. «Франкония», надо полагать, привлечет его, — ведь это «большой бизнес».

Все это капитан очень скупо сообщил Чаушеву.

И так же лаконично изложил он свои намерения. Скоро петля затянется. Это значит, — дни шайки сочтены. Многие фарцовщики взяты на заметку. Но ведь стянуть петлю надо так, чтобы в нее попал и самый крупный зверь.

Чаушев сам видел стиляг, хмуро толкущихся у гостиницы. Они до смешного неуклюже притворяются случайными прохожими. Заглядывал Чаушев и в «лягушатник». Никто не обязывал его. Но ведь он помнит этих лоботрясов малышами, славными малышами. Давно ли они пускали по весенним ручейкам самодельные кораблики! Чаушев знает и родителей. Отец Носа, например, замечательный труженик, один из лучших разметчиков на судоремонтном заводе. Яблочко

далеко укатилось от яблони. Почему? Тут нет рецепта, общего для всех. Ответить нелегко… Нет, эти юнцы, сбившиеся с пути, не безразличны для Чаушева.

Мысли Чаушева, его знание людей, города, нужны Соколову. Нужны постоянно, хотя внешне это почти неуловимо. Соглашается капитан или возражает, — он делает это главным образом про себя.

Впрочем, сегодня у Соколова особая, срочная надобность. Что представляет собой «Франкония»? Какова ее репутация у пограничников-контролеров?

Что ж, репутация неплохая. Для Чаушева суда — как люди. У каждого — индивидуальный характер. Понятно, есть посудины куда более беспокойные. Взять ту же «Вильгельмину» с ее вечно пьяной, драчливой командой, набранной в разных странах, с бору да с сосенки. Или вот отчаливший третьего дня «Дуйсбург». У тамошнего боцмана за спекуляцию пришлось отобрать пропуск для схода на берег. Боцман, обозлившись, швырнул в часового бутылкой с палубы… А «Франкония» — громадный туристский лайнер, команда вымуштрована, ведет себя прилично. С капитаном — румяным толстяком Борком —

конфликтов не было. Вот среди туристов есть всякие… Прошлым летом одна леди пыталась увезти дюжину платиновых колец да десятка четыре золотых монет царской чеканки. Ссыпала все в банку с вареньем. А другая насовала золото в детские игрушки. Таможенникам такие уловки не внове.

Один господин возвращался на пароход, увешанный советскими фотоаппаратами. Тут уж вмешался часовой у трапа. Как ни хорошо кормят у нас гостей, турист не мог так располнеть за один день.

Соколов молча слушал, иногда быстро, мелким почерком записывал что-то.

— А на команду я не в претензии, — повторил Чаушев. — Она-то по струнке ходит. «Франкония» — судно известное.

Оставшись один, Чаушев помахал рукой, — капитан пожал ее, прощаясь, словно стальными тисками. Ох, и силища!

Уже пора обедать. Чаушев прибрал на столе. Вышел без шинели. О бетон причала мягко шлепала теплая волна.

Два и две семерки, — возникло в памяти. Весьма возможно, — сигналы имеют прямое отношение к «большому бизнесу», к главарю фарцовщиков,

столь упорно окружившему свою личность ореолом тайны. Верно, сам еще молод, но ловко учел психологию своих безусых подручных…

У плавучего крана заботливо рокотал буксир, тыкался кормой. Сейчас кран уберут отсюда, откроют и этот причал для начавшейся навигации.

6

— Прямо и направо, — услышал Вадим.

Девушка улыбалась ему; локоны сияли, — весь справочный киоск наполнился солнцем. Как хорошо, что Гета Леснова и в самом деле — Маргарита. А главное, — нашлась! И живет рядом… Эта Леснова, небось, гордячка и не оценила симпатичного молодого человека, не желает его видеть, но он добьется своего. И как знать, не принесет ли ему бумажка с адресом счастье.

Вадим и не подозревал, разумеется, что ему в

киоске уже прочат свадьбу. Самое имя — Гета — вызывало досаду. Отчего не Рита? Гета — звучало чуждо и вызывающе, почти как «Тип-топ» на этикетке лондонской блузки.

Видел он Валькину зазнобу всего один раз. Фифа!

Правда, разглядывать было некогда. Они садились в машину у парикмахерской, на проспекте Мира, она и Валька. Машина — красота! Новая «Волга» кофейного цвета. Вадим окликнул Вальку. Тот кивнул, держа приоткрытую дверцу, а девица — подумаешь, как некогда ей —огляну-лась, потом оттеснила Вальку и, прошуршав платьем, села за руль.

А Валька замешкался. Может быть, он все-таки сообразил, что надо познакомить друга… «Поехали!» — позвала она, и Валька, бедный Валька послушно юркнул за ней, и они уехали, обдав Вадима горькими клубами выхлопного газа. В памяти остались большие, словно нарисованные глаза девицы, пышная прическа, властное «Поехали!»

Наутро Валька сказал, что был на вечеринке. Спросил, — как понравилась Гета. Вадим ответил мрачно: «Я больше на машину глядел. Ты же не знакомишь меня». Валька смутился. Да, машина

мировая, собственная машина отца Геты, знаменитого хирурга. Вадим спросил, где учится Гета. «Поступает в институт», — сказал Валька. Вадим фыркнул, — на дворе зима, вовсе не сезон для приемных испытаний. Не удержался, брякнул: «Который год поступает?» В то утро они чуть не поссорились.

При других обстоятельствах девушка за рулем автомашины возбудила бы уважение Вадима. Но это «Поехали!..»

Несчастный Валька под башмаком. Точнее, — под туфелькой, приколотый каблучком-гвоздиком. Вадим так и заявил Вальке прямо в глаза, искренне жалея его, — ведь худшей участи нет для мужчины!

Валька часто являлся под утро, — из гостей, из ресторана. Хоть бы раз пригласил друга! Для вида хоть бы… Поди, она запретила! Еще бы, ведь у него — Вадима — нет таких костюмов, какие шьет Вальке папаша, портной в Муроме. Валькин гардероб состоял всего из двух костюмов — черного и серого, — но с точки зрения Вадима его сожитель одевался ослепительно. Еще пять галстуков! Белые сорочки!

Сейчас Вадим идет, подхлестываемый злостью, к фифе, к задаваке, к расфуфыренной кукле. Он

уверен, — это из-за нее хороший, честный Валька попал в беду. Ну, ясно, — иначе откуда у него деньги на рестораны! Может, сама она тоже замешана в темных делах. Вадим читал в газетах, что вытворяют сынки и дочки знаменитых отцов. От них всего можно ждать!

В парадной мерцал зеленым глазком лифт, но Вадим прошагал мимо, — он презирал лифты.

«Профессор Виталий Андроникович Лесков»,

— прочел он на медной дощечке и дернул рукоятку звонка. Пронзительно затявкала собачонка; ей вторило в пустоте звенящее эхо. «Квартира большущая, — сказал себе Вадим. — Ишь, живут!»

— Зати-ихни! — раздался голос.

— Гету можно? — хмуро сказал Вадим полной пожилой женщине.

— А вы кто будете?

Она отпихивала пяткой противную, нестерпимо шумливую собачонку. И зачем только держат таких! Силясь перекричать ее, Вадим бросил:

— Я товарищ Валентина.

— Хорошо, хорошо… Цыц, психоватая! Вы проходите, сядьте, она скоренько…

Очень скользкий, только что натертый паркет под ногами, блеск металла… За стеклами, на полках, — медно-красные и отливающие серебром кувшины, чаши, выстроившиеся словно шеренги рыцарей в латах. Крышки, похожие на шлемы, гербы, скрещенные шпаги. А на куске стены, свободном от темных, лезущих к самому потолку стеллажей — толстые, круглые, тусклые блюда. На одном — замок на холме, на другом — пухлые, с застывшим зайчиком света щеки какого-то короля или графа, важного, в парике. «Иоганн-Август», — разбирал Вадим латинские буквы. «Фон Саксен», — очевидно, Саксонский. Тысяча шестьсот…

Две другие цифры были снесены как будто сабельным ударом. На миг Вадим забыл о своих заботах, — он почувствовал себя в музее; его окружили интригующие даты, имена, эмблемы.

В углу на круглом столике стоял сосуд с двумя ручками, непонятного Вадиму назначения. Скорее всего, для фруктов. Он подошел, и навстречу ему шагнуло его отражение на полированной выпуклой поверхности. Смешной парень, страшно толстый, с крохотной головой, почти весь погруженный в необъятные лыжные штаны.

— Добрый день! — раздалось за спиной.

Застигнутый врасплох, он отозвался не сразу, а затем, подавляя неловкость, заговорил глухо и неприветливо. Высокая, прямая, в гладком красном джемпере девушка смотрела без улыбки, удивленная его тоном, но Вадим уже не мог ничего исправить.

— Вы должны знать, где Валя, — закончил он.

— Очень странно. — Она не шевельнулась; только брови ее чуть дрогнули. — Почему это — должна?

— Значит, не знаете?

— Извините, понятия не имею.

Он молчал, наливаясь яростью. Ах, вот как! Да они сговорились, что ли!

Молчала и Гета. Будь Вадим любезнее, она сказала бы ему, что сама вот уже несколько дней не видела Валю. Позавчера праздновали ее день рождения, а он не соизволил прийти и даже не позвонил.

Причина, по мнению Геты, только одна — появилась другая девушка. Так она решила, непримиримо и бесповоротно. Недаром Валя в последнее время стал таким угрюмым и невнимательным. А что еще могло случиться? Болезнь! Так он же хвастался, что даже гриппа не испытал ни разу в жизни. Дал бы знать, если бы заболел.

Поздравил бы по почте…

Последний вечер, в ресторане, он был сам не свой; то молчит, то отпускает какие-то туманные намеки, — я, мол, могу в один прекрасный день бесследно исчезнуть. Что это — рисовка или предостережение? То и другое, наверно. Вообще странно, — Валентин показался ей таким искренним и цельным человеком, когда они познакомились. А потом он точно стал отдаляться. Что-то скрывает…

Ясно — что! Новое увлечение! Вот и мама так считает.

И пусть! Убиваться из-за него? Ни за что! И уж, во всяком случае, она не обязана отдавать отчет этому невоспитанному, грубому мальчишке. Ах, видите, он товарищ Валентина! Наверно, не очень близкий товарищ, если Валя не счел нужным представить его тогда — у парикмахерской.

А Вадиму трудно было дышать от возмущения. Красная блузка Геты, бархатистая красная блузка дразнила его. Тоже, небось, «Тип-топ»!

— Ладно! — буркнул он, — С вами поговорят в другом месте.

Две минуты спустя, на улице, он уже корил себя, — дурак, зря залез в бутылку! Надо было поделикатней. Эх, не умеет он так обходиться с

девчонками, как Валька. Модник и танцор Валька. Хотя все равно, — такая разве скажет правду! Вадим с ненавистью вспоминал красную блузку. Ну, погоди же!..

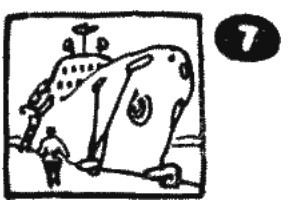
Между тем Гета медленно приходила в себя. Злобные, непонятные слова грубого мальчишки оглушили ее. Не пьяный ли он! Нет, как будто трезв. Он пришел точно для того, чтобы ругаться, — такой у него был вид.

Она выскочила на площадку.

— Стойте! — крикнула она, чувствуя, что сейчас расплачется, от обиды, от страха.

Ее голос ухнул в пустоту.

7



К причалу морского вокзала величественно прислонился туристский лайнер «Франкония».

Весь белый, расцвеченный полосатыми тен-

тами, по палубам заставленный шезлонгами, столиками для кофе и коктейлей, он похож на южный, нарядный курортный отель. На советский берег направлены десятки фотоаппаратов и биноклей.

На причале прохаживает рядовой Тишков — невысокий, крепкоскулый, с черной родинкой, севшей у самого уголка рта, слева. Кажется, там у него смешливая ямочка.

В действительности Тишков сегодня серьезен, как никогда, — в его жизни начались крупные события.

Смешалось все — и плохое, и хорошее. Больше-то плохого! Конечно, вышло все нисколько не похоже на то, что он рисовал себе. Сколько раз он мысленно задерживал шпиона! Ловил его среди кубов теса на лесной бирже или на задворках пакгаузов, находил его, притаившегося за мешками, за катушкой с кабелем, — бледного от ненависти, с ножом или пистолетом наготове. И вот его — Тишкова — сам подполковник благодарит перед строем…

Вначале Тишкова буквально бросало в жар от этих воображаемых схваток. Он мял ремень автомата, озирался: чужой недобрый взгляд жег ему спину. Откуда? Из темного иллюминатора,

с мостика, из-за двери, ведущей в кубрик, — ее, разумеется, нарочно оставили полуоткрытой. Отовсюду следят за ним — советским часовым, следят во все глаза. Слыша незнакомую речь на борту, Тишков воображал, что говорят о нем, ищут способ убрать его с дороги.

Разглядывая моряков, он спрашивал себя, — кто же из них враг? С опаской смотрел на хмурых, тощих и в особенности на рыжих. От таких ждал всяких козней.

Однако боцман-ирландец — был он и рыжий и тощий — дружески протягивал на берегу нашим грузчикам значки с голубем мира. Может быть, уловка, хитрый ход? Нет, никакого подвоха! Постепенно новичок стал меньше страдать от своей назойливой фантазии. Шли месяцы, а красивая, героическая схватка так и не выпадала на долю Тишкова.

Правда, не всегда обходилось гладко. Как-то раз пьяный механик поставил на поручень стакан с вином и жестами предлагал Тишкову выпить, а потом обругал его, весьма точно произнося русские нехорошие слова. Случалось, Тишков замечал пачку антисоветских листовок в щели ящика, опущенного на причал, или на крюке подъемной стрелы. Все мелочь, понятно, — про-

тив вчерашнего…

Вчера он мог бы сделать очень важное дело, если бы… Эх, если бы да кабы!.. На сердце у Тишкова камень. Пускай никто не винит его ни в чем. От этого не легче. Поймал-то он конец передачи, всего-навсего конец!

Правда, вести наблюдение за противоположным беретом он не был обязан, инструкцию не нарушил. Плохое утешение! Поймал конец, а мог бы застать всю сигнализацию.

У трапа стоял Мамеджанов, старший наряда, а Тишков шагал по причалу, взад-вперед. Тот берег открывался ему, когда он оставлял позади нос «Вильгельмины» или корму. И вот, если бы он не застрял в пути… Если бы не отвлекся… Вынес черт на палубу этого итальянца! Как всегда, он кивнул солдатам и крикнул: «О, товарич!» — а затем вынул из кармана гармошку, да как заиграл! Тишков любит музыку. Итальянец играл гимн демократической молодежи, притоптывая и дирижируя рукой.

Ночью, докладывая старшему лейтенанту Бояринову, он еще не сознавал за собой вины. Был счастлив, что уловил световые точки и тире, строчившие в далекой черноте, за рекой. Он прочел их, недаром учился на курсах радистов. Два,

семь и семь… Старший лейтенант расспросил его и подтвердил худшие опасения Тишкова. Да, скорее всего лишь конец передачи.

Счастье открытия померкло. Тишков стал припоминать и впал в отчаяние. Итальянец! Не нарочно ли он запиликал на гармошке как раз в тот момент…

— Насчет итальянца вопрос открытый, — сказал Бояринов. — А за то, что ты отвлекся без необходимости…

Тишков получил выговор.

Бояринов немедля доложил Чаушеву. Проштрафился отличник! В трубке раздалось:

— Пришли его, Иван Афанасьевич, ко мне. После обеда… Пусть поест, успокоится немного.

Тишков ел свою любимую кашу с тушенкой без аппетита. Не выговор угнетал его, — сознание вины, которое делалось все больнее.

Лейтенант Стецких, дежурный, оглядел Тишкова с головы до ног и сразу почуял неладное.

— Подождите тут… Что у вас?

Тишков уважал лейтенанта за начитанность, за знание двух языков — английского и французского.

— Че-пе у нас, — начал он.

Слушая, лейтенант поправлял повязку на рука-

ве. Укололся булавкой, ругнулся, отсосал кровь из ранки.

— Ясно, — бросил он с раздражением. — Музыка вас пленила. Ловят и на это…

Хваленый Тишков! Стецких не забыл вчерашнее столкновение с начальником из-за Тишкова. Да, пора старику в отставку, распустил подчиненных.

— Старшим идти мне теперь нельзя, — молвил Тишков. — Верно, товарищ лейтенант?

К этому простодушному вопросу Стецких не был готов. Он повел плечом.

— Подсказывать начальнику мы не будем.

Для Стецких военная жизнь исчерпывалась понятиями приказа и повиновения. Как поступит Чаушев, — неизвестно. Ответить солдату искренне — значит, в какой-то мере предвосхищать приказ начальника. А это занятие вредное.

Натянутое молчание прервал приход Чаушева. Он позвал Тишкова в кабинет, велел сесть. Не торопил, позволил выговориться.

— Наказание вы заслужили, — сказал он, — а старшим наряда вы все-таки пойдете, — услышал Тишков. — Это не награда, а доверие.

И вот он на причале, у борта «Франконии». Сегодня он еще младший, последний раз…

Теплоход огромный, высокий — задерешь голову, и кажется, он опрокидывается на тебя. Там наверху, на палубе у ходовой рубки, — толстый краснолицый капитан в белом. На руке искрятся золотые часы. Сейчас капитан спускается, Тишков видит толстые подошвы башмаков с подковками на каблуках. Все видится четко сегодня.

Бывает, когда проснешься очень рано, свет непривычно ярок. Так и сейчас. Кажется, это не вечер, а утро нового дня, начало новой, более трудной, но все-таки солнечной жизни.

Капитан «Франконии» уже на нижней палубе. Она запружена туристами, — зеленые и серые плащи, хрусткие, надуваемые ветром. Береты, блеск биноклей, фотокамер. Капитану уступают дорогу, его спрашивают о чем-то. Верно, хотят на берег. А он кивает, — скоро, стало быть. Ему улыбаются.

Люди веселые, добродушные Тишкову нравятся. Он склонен был освободить их от подозрений. Но теперь, после того итальянца с гармошкой…

В салоне, в косых лучах вечернего солнца, нет-нет покажется, блеснет пуговицами фигура подполковника. Там заканчивают проверку паспортов. У самого окна сидит лейтенант Стецких. Тишкову видно, как он вручает иностранцам

документы, — легким вежливым наклоном головы. Тишков завидует лейтенанту. Он же там понимает все…

Стецких только что отдежурил, но от законного отдыха отказался. И Чаушев взял его с собой, — ведь туристов около трехсот, отпустить их надо побыстрей. К тому же Стецких прямо-таки незаменим на теплоходе. Чаушев иногда любуется, — так непринужденно и тактично держится лейтенант перед толпой нетерпеливых туристов, напирающих на столик с паспортами.

Один столик накрыт скатертью; буфетчик расставляет там бокалы, разноцветные бутылки. «В прошлый раз был другой», — думает Чаушев, глядя на буфетчика, рослого, с выправкой бывшего военного.

Парень уходит, плотно прижав к бедру поднос. На палубе он сталкивается с капитаном. Чаушев не видит их, пассажиры тоже не видят, — они навалились на поручни, все взгляды обращены на берег. Видит Тишков. Он ждет, что буфетчик сейчас прижмется к стенке и даст капитану пройти. Но нет! Капитан покорно остановился; он как будто пригвожден к месту, а буфетчик шепнул ему что-то — похоже, не очень любезное — и пошел дальше.

Покачиваются, скрипят сходни. Пестрый, разноплеменный поток туристов покидает теплоход.

8

«Франкония» опустела, затихла. Безмолвным костром пылает она в сумерках, засматривая в окно кабинета Чаушева.

Подполковник еще здесь. У него посетитель.

— Аристократия нынешняя, — зло говорит Вадим. — Вазы, тарелки, полная квартира…

— Да ну! — улыбается Чаушев.

— Блюдо на стенке висит, тысяча шестьсот… Триста лет ему… Саксонское.

— Профессор Леснов, — говорит Чаушев, — многих людей спас. Он талантливый хирург. И человек он хороший. Нет, не аристократ, — вы ошибаетесь. А коллекция его… Я сам, например, собираю. Книги. Все издания Пушкина.

— Это другое дело, — хмурится Вадим.

Коротко остриженная голова его опущена. Рассказывая, Вадим подается вперед и точно бодает своей жесткой щетиной.

— Дочка его… Сережек навешала… Люстра! И кофта заграничная… Ясно, тоже «Тип-топ».

— Это еще что? — смеется Чаушев.

— Фирма. Лондонская фирма. На тех, что я отнес, на всех написано. «Тип-топ», — вы это заметьте. Товарищ подполковник, она-то — Лескова — определенно знает, где Валька… Савичев, то есть. С ней нечего церемониться.

— Так-таки нечего?

Перед Чаушевым на столе — деньги. Студент как вошел, так сразу, не вымолвив и двух слов, вывалил бумажки из кармана. И мрачно пояснил, — получено за контрабанду.

Из того, что он сказал, самое важное, конечно, — это исчезновение его товарища. Савичев… Пропавший племянник тетки Натальи! Чаушев знает ее. Наталья, вдова механика Кондратовича, с буксира «Кооперация»…

Чаушев мог бы отослать студента в милицию, — с деньгами, со всеми его мучительными приключениями и догадками и дать знать капитану Соколову, а затем спокойно отправиться домой. Ведь стрелка уже подошла к десяти, Чаушев

устал, в голове не утихли голоса «Франконии», дыхание ее машин, хлопки полосатых тентов, играющих с ветром.

Соколову он уже позвонил. Но домой не спешит. Отчасти он отдыхает сейчас, после напряженных часов на иностранном теплоходе; ведь этот юноша, угловатый и наивный, — какой-то очень свой. Чаушеву нравится его прямота, нравится брезгливость, с какой он выложил деньги, его «Тип-топ», произносимое с дрожью ярости.

— Скажите, Вадим, — спрашивает Чаушев. — Почему вы обратились именно ко мне?

— Я запомнил вас… Вы выступали у нас на собрании… Я был в дружине…

— Были?

— Да… Я не хожу с патрулем, — говорит Вадим, смущаясь. — Так получилось, знаете…

— Как же?

— Бригадир дурака валяет… Имею я право надеть узкие брюки? Имею! Кому какое дело!

Чаушев чуточку отводит взгляд. Нет, он, конечно, не отошлет студента в отделение милиции, не уступит его другим. «Племя молодое и как будто знакомое, неопытное, но всегда ставящее загадки, — мы в ответе перед ним, а оно — перед нами».

Что же, однако, с Савичевым? Данных слишком

мало, чтобы строить какие-нибудь предположения. Кажется, парень он в основе неплохой. Чутье вряд ли обманывает Вадима, — он жалеет друга.

Кто втянул? Вадим упрямо обвиняет девушку. Гета, дочка Леснова… Хорошенькая, очень заметная — природной смуглотой, необычной здесь, и монгольским разрезом глаз. Отец — наполовину якут. Чаушев знал его еще до войны, не раз встречал и провожал Леснова, плававшего на большом двенадцатитонном «Семипалатинске». Потом судовой врач блестяще защитил диссертацию и пошел в гору.

— Вы не замечали, что у вашего друга появились средства? Покупал он себе вещи? Может, одеваться стал лучше?

— Одет и так — будь здоров. Одет замечательно. Средства? На обед у ребят стреляет. Он на нее все… На принцессу.

В прошлом году Чаушев видел Лесновых в Сочи. «Готовится в институт», — сообщил о Гете отец. Он не сомневался, — выдержит, не может не выдержать, ведь в школе шла на пятерки. Не сомневалась и мама. Тонкая, беленькая мама, с нежными щечками младенца, удивительно юная для своих лет, — молодые люди принимали ее и Гету за подруг.

Гета и контрабанда… Но ведь есть еще Лапоногов. И другие, пока неизвестные лица…

Ясно одно — Савичев нуждался в деньгах. Отчего? На что он их тратил?

— Любовь!.. — усмехается Вадим. — Прекрасную даму нашел…

Усмешка горькая. Валька — чересчур поэтическая натура, вот в чем беда.

— А вы любите стихи, Вадим?

— Когда как… А вообще, у нас теперь век атомной энергии.

Он нетерпеливо ерзает. Чаушев угадывает почему.

— У меня не простое любопытство, Вадим, — говорит он прямо. — Мне хочется узнать вас поближе, и вас, и вашего Валентина.

Вадим развивает свою мысль. Взять стихи Блока, любимого Валькиного поэта. Стихи хорошие. Но прекрасной дамы никогда не существовало, Блок ее выдумал. Подходить надо реально. Мало ли о чем поэт мог мечтать. Главное в наше время — реальный подход. А Валька вообразил себе невесть что.

— Он сам, с барахлом пачкаться… Никогда! — с жаром заверяет Вадим. — Он же блаженный, только хорошее видит…

О роли поэзии Чаушеву хочется поспорить. При чем тут атомная энергия! Правда, комсомолец двадцатых годов громил лирику, но об этом Чаушев постарался забыть. В библиотеке Чаушева — не только разные издания Пушкина. На видном месте, рядом, — Есенин, Маяковский, Блок.

Спорить, однако, некогда, — надо не медля ни минуты решать, как быть с парнем.

— Лапоногов ждет вас?

— Он не говорил… — тянет Вадим, но Чаушев показывает на деньги.

— Безусловно ждет, — рубит Чаушев. — Он не назначил вам встречу, так как еще не вполне полагается на вас… Надо его успокоить.

Он открывает настольный блокнот и аккуратно записывает номера кредитных билетов. Потом подвигает деньги Вадиму.

— Сами влезли в эту историю — в самые недра спекулянтской берлоги, — мягко говорит Чаушев, заметив, как испуганно отшатнулся юноша. — А теперь пасуете? Хотите спугнуть Лапоногова? Хотите испортить все дело?

Жаль Вадима. Притворяться, лгать он наверное не умеет. Чудесное неумение!

— Назвался груздем… — улыбается Чаушев. — Другого выхода нет, дорогой товарищ. Вручае-

те Лапоногову. Если он вам выделит долю, — не скандальте. Потом сдадите. Спросит, где Савичев, — скажете… Провел выходной с девушкой, простудился, лежит у тетки своей. Запомнили? А тетку мы предупредим.

Вадим уже овладел собой. Да, он понял. Это очень неприятно — идти еще раз к Лапоногову, но, коли нет иного выхода, — значит, придется…

— Не сейчас. Повременить надо… — говорит Чаушев. — Посидите в соседней комнате…

Юноша рискует. По наивности он не сознает этого. Так или иначе, отпускать его пока нельзя. Надо дождаться Соколова.

Подойдя к окну, Чаушев встречает взглядом Соколова, спокойно шагающего по причалу.

— Я тут распорядился без вас… — сообщает Чаушев. — На свою ответственность.

Лицо капитана слегка порозовело. Он спешил. Но движения его размеренны. Он обстоятельно устраивается в кресле.

— Так, — слышится наконец.

Чаушев передает новости, доставленные Вадимом. Называет Лапоногова, Савичева. Знакомы ли капитану эти фамилии?

— Да, — кивает Соколов.

И опять короткое «да» стоит нескольких фраз.

По интонации, по выражению очень светлых, как будто невозмутимых глаз ясно, — фамилии не просто знакомы. Эти люди весьма занимают Соколова.

— А Абросимова?

— Тоже.

— Студента отпускаем?

— Да.

— Неужели за ним нет хвоста! — восклицает Чаушев.

Лапоногов очень быстро доверился Вадиму. Почему? Вадим вышел из дружины — это раз. Ему нужны деньги, он копит на мотоцикл — это два. Но важнее всего для дельца Лапоногова то, что Вадим сохранил втайне свою находку — пакет с товаром. Не сдал в милицию, а пришел к Лапоногову… И все-таки Лапоногов не мог оставить Вадима без присмотра.

— Хвост был, — слышит Чаушев.

— Кто?

— Лапоногов.

Чаушев встревожен. Скверно! Как же тогда отпускать Вадима! Соколов улыбается.

— Порядок! — говорит Соколов. — Хвост был от Абросимовой до улицы Летчиков.

Ну это меняет дело! Лапоногов решил, на вся-

кий случай, проследить за Вадимом, но дошел только до улицы Летчиков.

— В отношении Савичева, — начинает Соколов. — Он был в гостинице. В субботу, когда взяли Носа…

Так вот откуда взялся пакет! Он был у Носа, а затем Савичев выручил его, выхватил товар и скрылся. «Бизнес», видать, глубоко засосал студента. Но дальше он ведет себя странно. Вместо того, чтобы спрятать улику, бросает ее под койку в общежитии и уходит куда-то…

Чаушев рассуждает вслух. Глаза Соколова смотрят ободряюще. В них возникают и разгораются крохотные веселые искорки.

— Вы приняли меры, — говорит капитан. — Так вы и продолжайте, в отношении Савичева.

Чаушев ликует. Славный мужик — Соколов: с ним всегда можно договориться, даже если он скажет всего два — три слова, даже, когда молчит.

— Еще вот… Людей у меня мало.

— Понимаю, — откликается Чаушев. — У меня тоже мало, но… постараюсь выделить. Для «лягушатника»?

— Хотя бы…

— Сделаем.

«Пошлю Бояринова, — думает Чаушев. — Стецких дежурил, ему отдых давно положен... Ну, он, верно, сам не захочет домой. Особенно, если пойдет Бояринов».

9

Вереница автобусов застыла у городского театра. Идет концерт ансамбля песни и пляски, устроенный для туристов с «Франконии».

Господин Ланг не поехал на концерт. Девушке из «Интуриста», которая предложила ему билет, он сказал, что морское путешествие было утомительным. Хочется отдохнуть от шума, скоротать вечер в домашней обстановке, у родственницы.

— Нам, старикам, не до концертов, — прибавил он. — Окажите любезность заказать мне такси.

Ланг погрузил в машину чемодан — подарки для родственницы — и отбыл на окраину города,

на улицу Кавалеристов. Сейчас господин Ланг пользуется желанным отдыхом. У Абросимовой он у себя дома.

Пиджак Ланга висит на спинке кресла. Верхняя пуговка мятого, не очень свежего воротника сорочки расстегнута, галстук ослаблен.

Абросимова потчует господина Ланга холодцом, водкой, чаем. От волнения она спотыкается об утюг, переставленный с кресла на пол, и поминутно приседает.

— Бог с вами, нет, нет, нет. — Ланг отодвигает бутылку «Столичной». — С моим катаром…

По-русски он говорит довольно чисто.

Кроме Ланга, у Абросимовой еще один гость — Лапоногов. Он уже выпил водки, выпил один, пробормотав: «Ну, будем здоровы» — и теперь, сидя на корточках, потрошит чемодан с подарками. Шевеля губами, сопя, выгребает и кладет на стул нейлоновые блузки, трико, отрез шерстяной, костюмный. Господин Ланг чаевничает в одиночестве, у Абросимовой чай стынет, — отрезы притянули ее, как магнит.

— Мужское, — шепчет она озабоченно, раскидывая рулон. Мужские вещи не ее специальность.

— Мышиный цвет, — наставительно говорит господин Ланг. — Последняя новизна моды.

— Моему бате, — подает голос Лапоногов, — тридцать два года костюм служил. Выходной. Материал — железо. Эмиль Георгиевич, организуйте мне такой! Можете?

— Нет, — Ланг качает грузной лысой головой. — Какой резон? Это не шик.

— Скажите лучше, — не делают у вас. Разучились. На фу-фу все! На сезончик!

Лапоногов держится хозяином. Ланг обязан ему. Лангу требовалась в России родственница, и Лапоногов обеспечил. Абросимова артачилась; он долго уламывал ее, соблазнял барышами. Назваться двоюродной сестрой жены неведомого ей Ланга старуха все же побоялась. Слишком близкое родство! Сошлись на троюродной.

Под диктовку Лапоногова заучила необходимые данные о своей нежданной родне. Господин Ланг уроженец Риги, где его отец был представителем заморской галантерейной фирмы. Окончил там русскую гимназию, женился на русской.

Лапоногов клялся, что Абросимова ничем не рискует, а выгода огромная. Да, — будут посылки из-за границы. Вполне легально, по почте. Ну, иногда и помимо почты, с оказией… Контрабанда? Э, зачем такое слово! В крайнем случае, если уж так страшно, этикетки на вещах можно почер-

нить немного сажей, — и тогда товар выглядит, как подержанный.

Абросимовой доставляется добро и в посылках и из разных рук. Она уже привыкла к этому. «Родственник шлет», — объясняет она всем. Поминала троюродную сестрицу: «Царство ей небесное. Не родная, а ближе родной была, в молодые годы. И вот мужу завещала не забывать…»

Одно огорчает, — Лапоногов все меньше дает комиссионных. Твердит одно: так рассчитал старший. Абросимова никогда не видела старшего и даже имени его не знает. «Старший» — это слово Лапоногов произносит после паузы, понизив голос.

И сейчас он заводит о нем разговор. Стоимость вещей из чемодана Ланга, плотного желтого чемодана с наклейками, уже сплюсована, — Лапоногов отбрасывает карандаш, сломавшийся в его толстых пальцах. Жирный росчерк процарапан под суммой. Господин Ланг разглядывает цифру, и лицо его выражает разочарование.

— Да кабы я… У старшего, — следует секунда почтительного молчания, — расходы же! Плата за страх, — поняли? Условия для бизнеса у нас — сами представляете…

— Вы много позволяете, — господин Ланг го-

рестно вздыхает. — Я хорошо вижу, у вас мальчик, двадцать лет, провождает время в ресторане. Вино, барышня… Он идет к саксофону, вынимает деньги, — ну, я желаю танго!

— Щенок! — поддакивает Лапоногов. — Правильно, Эмиль Георгиевич! Вот это правильно!

Ланг снова принимается за чай. Пьет с блюдца, по русскому обыкновению, на радость своей названой родственнице. Такой, с блюдцем на растопыренных пальцах, Ланг вроде как свой.

— Почему ваш шеф не может прийти? — Ланг со стуком опускает блюдце. — Почему? Я должен иметь с ним отношения… беседу, — поправляется он.

Лапоногов поводит плечом.

— Условия, знаете… Старший сам мечтает…

Он спешит оставить эту тягостную для него тему и переходит к текущим делам. Недавно Вилли, кок с лесовоза «Альберт», просил закупить для господина Ланга фотоаппараты. Но он не сказал, какой марки, и вообще изложил поручение както несолидно, — и Лапоногов воздержался.

— Тем лучше, — кивает Ланг. — Ничего не покупать, ни один предмет… Деньги!

— Рубли?

Да, оказывается, господину Лангу нужны рубли.

И срочно! Пока «Франкония» стоит здесь, должно быть реализовано как можно больше товара.

Лапоногов насторожен. С какой стати вдруг рубли! Ага, секрет простой, — покупать решил лично. Он презрительно усмехается. Ох, крохобор!

— Пожалуйста! Только не пожалеть бы вам… Думаете, очень свободно: прошвырнулся по магазинам — и порядок! Ну, куда вы сунетесь, как вы тут будете ориентироваться? То, что я достаю, вы разве достанете!

Господин Ланг сокрушенно поднимает глаза к потолку, складывает пухлые руки. Нет же, он полностью доверяет партнеру. Но товар он не берет. Ни фотоаппараты, ни часы, ни икру, ни чай… Только рубли.

— Не с собой же вы повезете, — недоверчиво тянет Лапоногов.

Ланг не объясняет. Он настаивает, — рубли! Что ж, не ссориться же! Остается выторговать куш покрупнее.

— Воля ваша… А продать — тоже целая проблема, — начинает Лапоногов исподволь. — Взять эту тряпку, — он тычет в отрез мышиного цвета. — Модное! На шармачка всякий кинется, а как платить…

Он ссылается и на трудности, — бизнесу ходу

не дают; мало было милиции, — еще дружины! А главное — товар так не идет, как раньше. Теперь советского товара — завались!

— Шея под топором всегда, — Лапоногов драматически басит. — На днях дружка закатали.

Потеря Носа — не велика беда. Нос сам за решетку просился, — пил без меры, скандалил. Хорошо, хоть достало ума не выдать Савичева. Лапоногов боялся этого, но сожитель Вальки, тот салага-первокурсник, успокоил. Нашел-таки Вальку. У тетки он, лежит больной.

Лапоногов уверен в себе. Он тверд с Лангом, не прибедняется и тотчас глушит нотку жалобы, — в бизнесе надо быть сильным. Торгуясь, он чувствует некоторую гордость. Ланг тертый калач, живет за границей, имеет магазин, в своем деле спец, а Лапоногова не съест.

Надо выяснить, во-первых, когда нужны рубли. Наверное, срочно. А за срочность платят.

— Можно и завтра, — говорит Ланг.

Он предлагает встретиться здесь, у Абросимовой, после обеда.

Так поздно? Значит, он уже управится с покупками… Разве что в следующий раз… И вдруг у Лапоногова спирает дыхание.

— А может, — он искоса поглядывает на Ланга.

— Рубли вам не для барахла?

Господин Ланг очень спокоен. Ложечкой он старательно выбирает икринки на тарелке, по одной отправляет в рот.

— А вам это не все равно — для какой цели? — спрашивает он.

Лапоногов молчит. Он вспомнил газетное сообщение, попавшееся недавно.

> «У задержанного изъяты карты, оружие, советские деньги…»

Там и для таких дел нужны рубли, особенно теперь, после реформы, новенькие…

— О цели я не хочу располагаться… рас… пространяться, — поправился Ланг.

Лапоногову страшно. Как быть? Отказаться от игры впотьмах? Но и настаивать, добиваться объяснений тоже страшно. Может, лучше не знать! Не знать — спокойнее.

Против Ланга поднимается раздражение. Ишь ты, распространяться ему неохота! А ты изволь загребай угли для него! Голову клади!

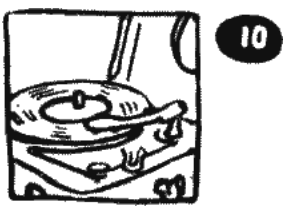
Ладно же! Такой бизнес недешево обойдется Лангу. Лапоногова треплет тревога, страх и злорадство — вот когда Ланг попал ему в руки…

— Ладно, — бросает Лапоногов. — Об условиях

поговорим, — произносит он и придвигается к Лангу, а мозг его лихорадочно работает, подсчитывая комиссионные.

Господин Ланг готов уступить. Лапоногова это и радует, и пугает. Но остановиться он не может. Он атакует.

10



Вечер.

По окраинной улице идет высокий, худощавый юноша. Ноги он едва переставляет, а длинные руки раскидывает широко и часто.

Это Савичев, Валентин Савичев, которого безрезультатно ищут сегодня и милиция, и товарищи по институту.

Улица угасает в черноте пустыря.

Снова и снова возникает в памяти Валентина субботнее происшествие, — Нос, кинувшийся

к нему в суматохе с пакетом, толпа туристов, рычащие автобусы и резкий голос немца… Он гнался за Носом, звал милицию. Валентин почти машинально схватил пакет, Нос исчез, а Валентин шмыгнул в ворота, дворами и переулками выбрался к институту.

Отдышался, попытался обдумать и не сумел, — погоня жгла его. Затолкал пакет под койку, опасаясь расспросов Вадима. Стало легче, но усидеть дома он все-таки не смог.

Он нашел приют в пустом деревянном доме, назначенном на слом. Таких строений сохранилось немного, — маленький островок, прижатый к ограде порта волной деревьев. Притаившись у чердачного оконца, Валентин различал за полосой зелени ворота общежития, черный зев арки. Ветер раскачивал там фонарь над безлюдным тротуаром, над опустевшим книжным лотком. Валентин ждал, — придут за ним из милиции или не придут…

Нет, люди в форме не вошли в ворота… Значит, спасся! Не заметили!

Но страх лишь на миг ослабил свою хватку. Пакет, проклятый пакет с вещами существует! Уж лучше бы сразу сдал его и повинился во всем… А он побоялся. Не простят, посадят в тюрьму. Свист-

ки, топот погони еще не затихли для Валентина.

Пакет обнаружат если не милиция, то Лапоногов. Уж он-то непременно! Если Нос на свободе, он скажет Лапоногову, кому передал товар, а Лапоногов явится в общежитие. Арестован Нос, — тоже не легче… Лапоногов все равно узнает. Всполошится Абросимова, не получив товара.

Если Нос посажен, то они, чего доброго, сочтут виноватым его — Валентина. Очень просто! И тогда — смерть. Форд или, как его обычно называет Лапоногов, «старший», сам творит суд и расправу. Лапоногов не робкого десятка, но в его голосе испуг, когда он говорит о «старшем». Форд живет где-то в другом городе и сюда приезжает на день—на два. Он никогда не показывался ни Абросимовой, ни Носу. Нос — тот слышал как-то голос старшего по телефону. Валентин не удостоился и такой чести. Видит его, и то очень редко, Лапоногов.

Слово в слово запомнился последний разговор с Лапоноговым. «Ты что-то кислый, салага», — сказал он. «А с чего мне быть веселым?» — ответил Валентин. «С кралей своей поцарапался?» Валентин покачал головой. «Нет? Так что? — проворчал Лапоногов. — Здоров, деньги есть… Или не нравится с нами? Так старший таких капризных не

любит, — понял?» Валентин вспыхнул, бросил: «Где твой старший?» Лапоногов усмехнулся: «Выдь на улицу, — может, навстречу попадется. Только не узнаешь! А он-то тебя ви-и-идел… Хочешь, полюбуйся, как мне старший будет семафорить с того берега, от лесного склада. Сегодня, в одиннадцатом часу…»

Это было в субботу, под вечер. Как раз перед тем, как идти в гостиницу…

События приняли неожиданный оборот. Смотреть пришлось не на тот берег, а в другую сторону. Впрочем, какая разница! Важно одно — старший приехал; на время большого бизнеса он здесь. Пока не уйдет «Франкония», он здесь…

Неизвестность — вот что самое ужасное! Какой он — этот Форд? Может, плюгавый человечишка, которого нелепо опасаться, — одним щелчком можно сбить… Или великан саженного роста, с кулаками боксера… Так или иначе, он хитер и опасен. В самом деле, какая дьявольская изобретательность! Быть невидимкой, быть неуловимой угрозой! Кажется, о чем-то в этом роде Валентин слышал раньше. Ну да, ведь точно так ведут себя главари гангстеров в Америке, загадочные для рядовых членов банды…

Страх держал Валентина на чердаке всю ночь

и весь день, до вечера. Выгнал его голод.

В закусочной, у вокзала, наскоро поел, — захотелось спать. На вокзале отыскал свободную скамейку, лег, положив под голову пиджак. Прибывали и уносились поезда, о них сообщал репродуктор — голосом очень озабоченной девушки, боящейся, как бы кто-нибудь не опоздал уехать или встретить друзей. Голосом, который не имел, не мог иметь никакого отношения к нему — Валентину. Он сознавал, что не уедет, не покинет этот город.

Что бы ни было впереди — месть Форда или тюрьма, — судьба решится здесь. Еще один день скитаний, «Франкония» отчалит, «старший» уберется из города… Тогда легче будет сделать необходимое, неизбежное. По крайней мере, не настигнет его на пути удар ножом в спину…

«Трагическая гибель»… «Убитый был найден в нескольких шагах от отделения милиции, куда он направлялся с повинной», — мысленно читает Валентин газетную заметку. «При нем обнаружен пакет…»

Нет, нет!.. Он хочет жить, учиться… А может быть, его простят?

Утром он все-таки подошел к кассе и взял билет. Не в Муром, к родным, а на пригородный поезд.

Вылез в дачном поселке, — тишина, заколоченные дома. Кое-где столбы дыма, — жгут сухие листья. Страх погнал дальше от людей, в лес.

Жаль, нечем надрезать кору березы. Подставить бы ладонь, выпить сока, — как в детстве…

Он переносился в Муром, видел мать, пытался рассказать ей все… Про Лапоногова, про вещи и нечестные деньги, про Гету. Как далека Гета от этой грязи, и, однако, если бы не она…

Началось все недавно, месяца три назад, — и вместе с тем очень-очень давно, когда он был свободен от стыда, от страха. Счастливая пора, — теперь она лишь уголок в памяти, драгоценный уголок, словно освещенный незаходящим солнцем. Как детство…

В столовой института он столкнулся с Хайдуковым. Дружбы между ними не было — ну, земляки, ну, немного знали друг друга в Муроме. Хайдуков к тому же старше, — он на третьем курсе.

«Хочешь подрыгать ногами?» — спросил Хайдуков, подразумевая танцы, и дал адрес. Валентин спросил, кто еще будет. «Лапоногов — наш лаборант, — ответил Хайдуков, — два футболиста, еще кто-то и девочки».

Валентина влекло к новым людям. Большой город вселил в него томящее предвкушение новых

встреч, «бессонницу сердца», как сказал один, когда-то читанный поэт. Эти слова Валентин внес в свой дневник и утром, за чаем, прочел вслух Вадиму. «Что-то заумное», — фыркнул Вадим.

Лапоногов сперва понравился Валентину. «Не принимает душа у человека, и не надо, неволить грех», — это было первое, что он услышал от лаборанта, кряжистого парня в плотном, грубошерстном пиджаке и в низеньких долгоносых сапожках, долгоносых, как у деревенского щеголя. Футболисты сурово и молча наливали Валентину водку: он выпил стопку, чтобы не отстать от других, второпях забыл закусить, пригубил вторую и закашлялся. Хорошо, Лапоногов выручил. Валентин благодарно улыбнулся ему.

«Сам пью, а непьющих уважаю», — пробасил Лапоногов, и футболисты, высокие с густыми бачками на белых, припудренных щеках, перестали обращать внимание на Валентина. У каждого повисла на плече девица; одну, круглолицую, курносую, в красной прозрачной блузке, лопавшейся на мощной груди, Лапоногов звал Настькой, а прочие — Нелли. Имя второй девицы, очень тощей, длинноносой, с острыми плечами, в лиловом платье с кружевами, Валентин боялся произнести, чтобы не рассмеяться, — очень уж

не шло к ней. Диана!

Он дивился, как привычно и помногу пьют девицы. При этом Диана нюхала корку черного хлеба — совсем по-мужски. Они как будто и не пьянели, только разговаривали все громче. «Дианка! — кричала Нелли, — тебе привет, знаешь, от кого? От Леонардика!» Давясь от восхищения, она продолжала: «Я, — говорит, — ей из Роттердама привезу чего-нибудь. Она вери гуд лэди, — слышишь! У нее фигура модная». Польщенная Диана хихикала, спрашивала: «А как твой штурман?» Валентин иногда чувствовал прикосновение ее сухого локтя. Забавно, — неужели мода распространяется и на женские фигуры!

Он спросил Диану, знают ли она и Нелли английский. «Слышишь, Нелли! — крикнула Диана. — Знаем ли мы с тобой английский? Еще как, — верно, Нелли! На пятерку, — верно? Как англичанки!» Она явно издевалась над Валентином, но он уловил это не сразу и сказал, что очень хотел бы хорошо знать английский, прочесть в подлиннике Хэмингуэя. «Старик и рыба», — молвил один из футболистов. «Старик и море», — поправил Валентин. Футболист нахмурился, но тут опять вмешался Лапоногов. «Где море, там и рыба», — сказал он примиряюще. — «Поверьте старому

рыбаку».

«Ты-то рыба-ак!» — протянула Нелли и подмигнула. Валентин умолк; он не пытался больше примкнуть к беседе за столом, странной беседе, пересыпанной двусмысленностями и намеками. Он принялся за холодную телятину, и так энергично, что Диана бросила ему: «Поправляйтесь» — а футболист — тот, что спутал название повести Хэмингуэя — оглушительно захохотал.

Ждали еще одну пару. Хозяйка дома, полная, немолодая женщина, масляно поглядывавшая на Лапоногова, уже который раз возглашала: «Опаздывают, разбойники! Заставим выпить штрафную!»

Гета поразила его сразу. Смуглая, с нерусским разрезом глаз, вся в сиянии пышного серебристого платья, она вошла сюда — в эту обыкновенную комнату, к столу с пятнами вина на скатерти, к блюдам с растерзанной телятиной, к уродливо вспоротым консервным банкам, — вошла как создание из иного мира.

Она села рядом. Руки его дрожали, когда он робко накладывал ей закуски. Он стеснялся смотреть на нее в упор и поэтому не поднимал глаз; правая щека его горела. «А вина!» — услышал он. Смущение душило его. Он протянул руку к

водке и отдернул, — не станет она пить водку. «Я пью сухое», — услышал он тот же голос, ее голос. Девицы фыркнули. Он вдруг позабыл, какие вина сухие. Спасибо Хайдукову, — пододвинул через стол, почти к самому прибору Валентина бутылку «Саперави».

— А вы? — спросила она.

Только тут он осмелился взглянуть на нее, — и вид у него наверно был жалкий, нелепый. Смысл ее слов доходил медленно.

— У вас же пустая рюмка, — сказала она, с ноткой нетерпения.

Диана и Нелли по-прежнему хвастались своими победами, Лапоногов смешил хозяйку анекдотами, Хайдуков возглашал тосты и иногда окликал Валентина, но напрасно, — Валентин не понимал его. Напротив сел спутник Геты. Валентин заметил его не сразу, а лишь когда справа раздалось:

— Ипполит! Помни, пожалуйста, — тебе вести машину!

— Железно, крошка! — прозвучал ответ. — Со мной ты как у бога в кармане!

Валентина покоробило. Обращаться так с ней! Ипполит держал рюмку отставив мизинец. Нестерпимой самоуверенностью веяло от каждого

завитка артистически уложенных, глянцево-черных волос, от галстука «бабочки», от длинных холеных пальцев.

— Горючего-то маловато! — громыхнул Лапоногов. — Эй, нападающие! — бросил он футболистам. — Кто добежит до «Гастронома»?

Встали оба, но Диана вцепилась в своего соседа и силой пригвоздила к стулу.

— Водочки? — футболист обвел глазами сидящих. Лапоногов качнулся от смеха.

— На, салага! — Он достал из бумажника десятирублевку и помахал над столом. — Коньяку нам доставишь. Не меньше пяти звездочек, есть? Дуй без пересадки!

— Неприятный субъект, — тихо сказала Гета, повернувшись к Валентину. Сказала только ему! Он машинально кивнул, не вдумываясь, осчастливленный ее доверием.

После коньяка и кофе завели радиолу. Ипполит увлек танцевать Нелли. Валентин робко готовился пригласить Гету, — готовился долго, пока она сама не пришла ему на помощь.

— Идемте, — сказала она просто.

Валентин признался ей: когда он ехал учиться сюда, ему казалось, — в большом городе живут люди сплошь интеллигентные, развитые, ин-

тересные.

— Я первый раз в здешней компании, — сказала Гета. — И надеюсь, последний, — проговорила она, поморщившись.

Подошел Ипполит.

— Развлекаешься, детка!

— Ну, мне пора домой, — проговорила Гета спокойно и не очень громко, даже не глядя на Ипполита. Она стала прощаться, а он любезничал с Нелли, отвечавшей ему смехом, похожим на икоту. Сердце у Валентина вжималось. Наконец Ипполит поднялся.

— Стартуем, крошка!

И она исчезла. Все-таки она с Ипполитом! Валентина грызла зависть к красавцу, к футболистам. Они все настоящие мужчины…

С грустью, но без раскаяния он сообразил, что не попросил у нее ни адреса, ни номера телефона и вообще никак не закрепил знакомство. Даже не назвал себя… К чему! Что он для нее? Наверняка она изнывала от скуки с ним — неловким провинциалом, — а танцевать пошла просто из жалости.

Тот вечер в воспоминаниях Валентина остался чистым, безоблачным, — за теневой чертой, в прежней, светлой поре его жизни. Ложь еще не

была произнесена тогда…

Встретились они случайно, одиннадцать дней спустя, на улице. С Гетой была девушка постарше, тоненькая, голубоглазая. Золотистые волосы выбивались из-под меховой шапочки с белыми хвостиками.

— Моя мама, — сказала Гета, и Валентин раскрыл рот от удивления, что очень понравилось обеим. Мама, чудесная мама Геты ушла, сославшись на какое-то спешное дело. Было скользко; Валентин взял Гету под руку.

Гета вспомнила вечеринку.

— Ужасная публика, правда? Эти футболисты… Танцуют не сгибая ноги. Точно скафандры.

Она не засмеялась над своей шуткой, — она помолчала немного, чтобы дать посмеяться Валентину.

— А глаза, — продолжала она, — глаза у этих нападающих… Ипполит говорит: «Как у заливных судаков».

— Он студент? — спросил Валентин.

— Ипполит? Он вундеркинд, — ответила она и перевела. — Он удивительный ребенок. Бывший юный виолончелист. С ним и сейчас цацкаются. Портят его, — печально молвила Гета и прибавила извиняющимся тоном: — Ипполит правда же

лучше, чем ему хочется казаться… Иногда.

Валентин рассказал, где он учится, кем станет потом. Вообще-то ему больше хотелось в университет, на литературный, но так уж получилось…

— А я собираюсь в институт киноинженеров, — сообщила Гета. Оказалось, что она тоже любит стихи, и Валентин прочел ей Блока. Затем, расхрабрившись, он спросил Гету, когда у нее свободный вечер. Может быть, сегодня? Нет, сегодня не выйдет, по средам приходит маникюрша.

— Тогда завтра, — предложил Валентин.

Он взял места во втором ряду партера. На это ушел остаток стипендии.

Гуляя в фойе, он снова услышал от Геты об Ипполите, — они были недавно в ресторане «Интурист»; там играет превосходный джаз. Валентина кольнуло. А с ним она согласится пойти? Ни разу в жизни он не был в ресторане. Конечно, он ни за что не сознается ей в этом…

— Что ж, давайте сходим, — сказала Гета. — В субботу! Вы зайдите за мной.

Денег должно хватить. Отец прислал двенадцать рублей на ботинки. Валентин думал забрать половину, но положил в карман все. В квартире Лесновых, ослепившей его блеском натертых полов, мебели и металлической посуды,

его приняла мать Геты. Еще очень рано, Гета еще одевается…

Людмила Павловна, потчуя конфетами, учинила мягкий допрос, — откуда приехал в город, какую инженерную специальность избрал, успевает ли в учебе. Похвалила костюм Валентина, — отлично сшит!

— Свой портной, — произнес Валентин.

Этим было положено начало лжи. Он хотел прибавить, что портной — его отец, но что-то помешало ему.

После, наедине с собой, он отлично разобрался, — помешал блеск старинных блюд и чаш на стеллажах, помешала маникюрша, приходящая на дом, машина, в которой Гета ездит на вечеринки…

Ему представилось маленькое ателье в Муроме, закопченное, с выцветшими обоями. Ножницы отца, футляр для очков… Валентин любит отца, но… Книги, которые Валентин читал с детских лет, газеты и радио прославляют сталеваров, комбайнеров на целине, строителей домен, мостов, жилых домов. Отец и сам завидует им, приговаривая: «Эх, выбирать ведь не приходилось нам!» В сыновнем чувстве Валентина есть любовь, есть жалость, но нет одного — уважения к труду отца.

В мраморном зале ресторана кружилась голова от ароматов духов, пряной еды, сказочные огоньки горели на хрустале, а на эстраде вздымались золотые трубы — фонтаны веселья, — и все было праздником, устроенным нарочно в их честь — Валентина и Геты. Он не заговорил бы о своем отце, но начала Гета; она восхищалась своим отцом, его талантом хирурга, его операциями, известными и за пределами страны. Тогда и Валентин завел речь о своем отце, в тон Гете, но обиняками, — мол, о службе отца лучше не распространяться. Он очень видный знаток в своей области.

В тот вечер легко было потерять грань между реальностью и фантазией, и Валентин вообразил себе отца — выдающегося физика, проникающего в тайны атома или космических лучей. Выпив шампанского, Валентин уже почти поверил в свою выдумку.

А как бы ему самому хотелось обладать каким-нибудь ярким талантом! Наверное, Гете куда интереснее с Ипполитом, — ведь он музыкант, подает большие надежды. Валентин так и сказал Гете и в следующую минуту ощутил прилив счастья, — она проговорила тихо, держа бокал у самых губ:

— Я рада, что вы не похожи на Ипполита… Я рада, что вы такой…

— Какой?

— Вот такой… Настоящий.

Он не понял и ответил лишь благодарным взглядом, — ему стало невыразимо хорошо.

Гета держалась за столом хозяйкой. Она заказывала, не прикасаясь к меню. Шампанское надо пить с ананасом. И, разумеется, ужин не будет завершен без черного кофе с ликером. Она пожурила официанта, — очень уж бедна карточка напитков. Ну, так и быть, — апельсиновый ликер!

Хорошо, что он захватил тогда все деньги на ботинки, — отдал за ужин почти все. А дальше…

Попросил денег у земляка — у Хайдукова. Тот направил к Лапоногову. И верно, — Лапоногов дал деньги, дал даже больше, чем нужно было. Чтобы вернуть долг, Валентин грузил в порту пароходы. Но долг все рос.

«Нет денег — отработаешь, — бросил Лапоногов. — Есть просьба…» И Валентин получил объемистый пакет и адрес Абросимовой. И повез пакет, еще не зная, что в нем и чего вообще хочет Лапоногов.

А потом…

Каждую неделю — ресторан, театр, загородная прогулка. Или день рождения у кого-нибудь из знакомых Геты. Изволь покупать подарок, и конечно, — дорогой. Лихорадочная, фальшивая, тягостная жизнь… Прекратить ее — значит потерять Гету…

«Вы настоящий!» — повторялось в мозгу. Если бы она знала!.. Она и не подозревает, как он добыл деньги на вечера, последовавшие за тем волшебным первым вечером. Верно, относила все за счет мифического физика, сочиненного папаши… А скорее всего и вовсе не думала об этом.

Уже утром, выйдя из вагона, Валентин зашел на почту — написать Гете письмо. Рядом с ним опустился на табуретку могучий детина в расстегнутой рубахе, с волосатой грудью. Он пробовал перья и бормотал ругательства. Старший! — вдруг представилось Валентину. Писать он уже не мог.

Сейчас он опять в почтовом отделении дачного поселка, пахнущем смолистой сосной, заклеенном плакатами. Теперь опасаться некого как будто. Две старушки получают переводы, подросток-курьер сдает кипу бандеролей… Правда, девушка, колотившая по бандеролям печатью, как-то очень внимательно посмотрела на вошедшего Валентина.

Но подняться и сразу уйти не было сил. «Поздравляю, — написал он, — желаю всего самого лучшего…» А что дальше? Надо же объяснить! «Всем сердцем я был с тобой в день твоего рождения. Тяжело заболела тетя, и я не мог оставить ее…»

Он скомкал листок. Довольно лгать!

Но как написать правду, как доверить ее бумаге, как выразить эту постыдную правду? Он купил открытку, в отчаянии набросал:

> «Мы долго, может быть, никогда не увидимся. Я недостоин тебя. Любящий тебя В.»

Он поднял крышечку ящика, помедлил, потом сунул открытку в карман.

Он едва не заплакал — от нового приступа жалости к самому себе. Расстаться? Нет!!

Вечером Валентин вернулся в город. Он решил увидеть Гету, открыть ей всю правду.

11

В парке Водников редеет толпа гуляющих. За деревьями, на площади, сверкает живыми огнями кинотеатр. Идет новый фильм с участием Лолиты Торрес.

На скамейке, против фонтана, сидит лейтенант Стецких. Он убежден, что лишь напрасно потерял время тут, в «лягушатнике».

Очередная фантазия Чаушева! Правда, нет худа без добра. Стецких купил билет на Лолиту и теперь ждет сеанса.

Мимо, топоча и поднимая пыль, проходит ватага мальчишек. Их голоса сливаются в один невнятный звон. Одного Стецких знает. Юрка, нарушитель Юрка, неудавшийся юнга!

Юрка не послушал совета дяди Миши; он еще чаще стал бывать в «лягушатнике». И не только

из-за значков. Слова пограничника он понял со-своему; раз в «лягушатнике» толкутся плохие люди, — значит, там здорово интересно! Еще, может, дядя Миша поблагодарит его когда-нибудь за помощь…

Юрка не заметил лейтенанта. Ребята сворачивают в аллею и все разом, словно стайка воробьев, опускаются на скамейку. У них какие-то свои, верно очень увлекательные дела. Принесло их! Стецких устал от бессонной ночи, от сумасшедшего дня; и, если бы не Лолита, он был бы дома, в постели.

— Покажи твои! — доносится из аллеи.

— У-у, немецкие!

— Дурак! Финские! Герб же ихний.

— Ну-ка чиркни!

«Психоз», — думает Стецких. Психоз, охвативший весь мир. Всюду, даже на маленьких станциях, ребята выпрашивают спичечные коробки.

Страсть собирательства чужда ему. Она и в детстве не коснулась его. Он никогда не был таким одержимым, как Юрка и его приятели. Стецких не раз видел их здесь, на площадке у фонтана. Горящие глаза, грязная ручонка, сжимающая коробок, марку или значок… И тут же шныряют

фарцовщики.

Что смотрят родители!

Впрочем, Стецких нет дела до того, что происходит в «лягушатнике». Существует милиция. Если он и призывает сейчас на головы мальчишек родительский гнев, то лишь потому, что они слишком горласты.

Компания на скамейке притихла. Раздаются негромкие, но отнюдь не ласкающие слух, скребущие звуки. Там пробуют спички, финские, немецкие, голландские.

— В-в-во!

— Ох, горит мирово́!

— Давайте все по команде, как салют!

Этого еще не хватало! Стецких вскакивает и уходит.

Между тем ребята попрятали спички. Их волнует теперь приключение, случившееся с Котькой Лепневым. Толстощекий, круглолицый, рыженький, он так стиснут нетерпеливыми слушателями, что едва способен говорить.

Котька — завсегдатай «лягушатника». Его увлечение — значки. Их уже за две сотни у Котьки, — в том числе японский. С горой Фудзи, как объяснил один иностранный матрос, получивший взамен наш значок, с космической ракетой. Кроме того,

у Котики несколько кубинских значков — герб свободной Кубы, потом флаг и еще голова Фиделя Кастро. На том берегу реки, в поселке лесозавода, где живет Котька, его сокровища известны и ребятам, и взрослым.

Но занят он не одними значками. Он станет моряком, когда вырастет большим. Устройство парохода он уже выучил назубок, — вряд ли кто лучше его знает, какая палуба — главная, а какая — шлюпочная или бот-дек, что такое форштевень, бак, полубак. В последнее время Котька не расстается с фонарем, — осваивает морскую сигнализацию.

На прошлой неделе Котька явился в «лягушатник» с ворохом значков для обмена, — сэкономил на завтраках и накупил. Он показывал значки иностранцу, прищелкивая языком и повторяя: «Гут, гут, а?» — когда подошел какой-то дядя, вмешался в разговор и отвел иностранца в сторону. Вот досада! Котька вертелся, подкарауливая матроса, но потерял его в толпе. Зато наткнулся на того дядьку. «А, орел!» — дружелюбно сказал он, поглядел Котькины значки, похвалил и дал свой, — с Эйфелевой башней, французский. Взамен ничего не захотел — подарил, значит. Потом обратил внимание на Котькин фонарь, висевший на

ремне. А фонарь и точно не простой — немецкий, трофейный, с цветными стеклами. Отец привез с второго Украинского фронта старшему брату.

Узнав историю фонаря, а также то, что Котька — будущий моряк дальнего плавания, дядька стал подтрунивать. Небось, говорит, устарелая система, едва мерцает. Да и точно ли Котька так хорошо вызубрил световую азбуку…

Котька возмутился. Эх, светло еще, а то он бы доказал! Да через реку запросто… Дядька не поверил. И тогда Котька предложил пари. Вот попозднее, как стемнеет, он просигналит с того берега. «Ладно, — согласился дядька. — На плитку шоколада!»

У Котьки губа не дура; он решил выяснить размер плитки. Дядька обещал стограммовую, «Золотой ярлык». Ого! Так и условились. Котька после одиннадцати влезет на крышу коттеджа, чтобы не мешали штабели на складе леса, впереди, — и даст передачу. Любые слова или цифры. «Тебя же спать уложат часов в десять, салага!» — усмехнулся дядька. «Меня!» — воскликнул Котька презрительно.

— Ну и что? — прервал рассказ Юрка. — И ты сигналил?

— Ага.

— Шоколад получил?

Увы, нет! Котька на другой вечер пришел в парк к назначенному месту, возле тира, а дядьки не было. Так Котька и не видел его больше.

— Может, шпион, — тихо, но с зловещей внятностью произнес Юрка.

У ребят захватило дух.

— Иди-ка ты! — огрызнулся Котька. — Шпио-о-о-н! Я же свое передавал, из головы. Он говорит, передавай что хочешь! Был бы шпион, так…

— А ты что ему семафорил? — строго спросил Юрка, общепризнанный знаток шпионажа. Во-первых, никто не прочел такой массы приключенческих книг, как Юрка, Во-вторых, его часто видели вместе с офицером, начальником всех пограничников порта. Это вызывало уважение к Юркиной персоне.

— Отработал сперва привет, потом числа… Два, потом семь и еще семь.

— Двести семьдесят семь… А почему?

— А так, из головы.

Юрка задумался. Он жалел, что затеял этот разговор. Действительно, шпион непременно задал бы Котьке шифрованный текст. Иначе какой смысл!

Котька уже и нос задрал. Ребята взяли его сто-

рону и еще, чего доброго, начнут смеяться… В эту минуту все шпионы, известные Юрке, вереницей пронеслись перед ним.

— А зачем он значок подарил? — заявил Юрка. — И шоколад сулил? Добрый, да? — Он пренебрежительно фыркнул. — Дитя малое, неразумное!

— Кто дитя?

— Папа римский, — небрежно бросил Юрка.

Котька крутанул винт фонаря — в окошечке замигали, дребезжа, цветные стекла, синее, красное, зеленое — и положил на колени соседу, маленькому, смуглому Леньке Шустову.

— Подержи, — сказал Котька и сжал кулаки.

— Драка, ребята, драка! — возликовал Ленька, ярый болельщик при всех потасовках. Но тут вмешался Ленькин старший брат.

— Цыц, кролики! Вон же лейтенант, пошли к нему… Ой, он же сидел там!

— Где? Где?

— Айда, догоним!

Стецких, внезапно окруженный мальчишками, несказанно удивился. Выслушав Юрку — его право изложить происшествие пограничнику никто не решился оспаривать, — лейтенант потрепал мальчугана за ухо и засмеялся.

— Замечательно, братцы! Замечательно!

Погладил вихры Котьки, прорвал кольцо и зашагал прочь, покинув ребят в растерянности. Что это — похвала? Похвала всерьез или шутка?

А Стецких, давясь от счастливого смеха, спешил в порт. Великолепно! Лучше быть не может! Он чувствовал, что эти световые сигналы с того берега выеденного яйца не стоят. Столько было шуму из-за чепухи! Вспомнил пуговицу на шинели Бояринова, повисшую на ниточке, расхохотался во все горло. Парочка, шедшая навстречу, отпрянула. «Долго ли вы будете у нас новичком?» — повторился, который уж раз за эти сутки, суровый вопрос Чаушева. Посмотрим, что он сейчас скажет! Эх, как было бы здорово — застать в кабинете и Бояринова. Но нет, несбыточная мечта… Чаушев давно дома, а Бояринов в подразделении или тоже дома.

Докладывать, верно, придется по телефону. Досадно, но ничего не попишешь.

В кино уже не успеть.

В воротах порта Стецких сталкивается с Чаушевым.

— Товарищ подполковник, — задыхается Стецких. — Анекдот… Анекдот с теми сигналами…

Теперь Чаушев не назовет его новичком. Теперь начальнику придется признать, что и лейтенант

Стецких знает службу. Не хуже, а может быть, и лучше Бояринова.

Странно, Чаушев не смеется. Юмор этой истории почему-то не дошел до него.

— На пари с каким-то взрослым? — слышит Стецких. — Что за человек? Как был одет?

Стецких поводит плечом.

— Юрка его не видел… Другой мальчик… Они все там, в парке…

— Разыщите их, — говорит Чаушев. — Уточните все… Зайдите потом ко мне домой и сообщите Соколову.

— Слушаю. — Язык лейтенанта вдруг стал тяжелым и непослушным. — Вы считаете…

— Пока я еще ничего не считаю… Просто есть одна идея.

Чаушев продолжает свой путь. Объяснять свои догадки было некогда, да и не хотелось, — Стецких опять продемонстрирует вежливое внимание, но, пожалуй, не поймет.

Всю дорогу до ворот порта Чаушев думал о пропавшем студенте Савичеве; и торжествующее «Анекдот!», слетевшее с уст лейтенанта, не расстроило эти мысли, а напротив, дало им новую пищу. Только в первый миг Чаушев почувствовал облегчение: вот и разрешилась одна задача,

лопнула, как мыльный пузырь; и осталось, следовательно, две — судьба Савичева и личность вожака шайки.

«Нет, — сказал себе Чаушев в следующую минуту. — Не анекдот!» И снова стало три задачи. Но поведение Савичева стало как будто яснее…

Опыт подсказывал Чаушеву, — несколько загадок, возникших одновременно и в тесной близости одна от другой, должны иметь какую-то связь.

Он миновал здание института, достиг поворота и тотчас ощутил, спиной ощутил, как исчезли позади огни порта, закрылась даль речного устья, замер ветер. Чаушева приняла ночная улица, гулкая, глубокая, с одиноко белеющей табличкой над остановкой трамвая, почти опустевшей. Он шел, невольно вглядываясь в редких прохожих.

Михаил Николаевич никогда не встречался с Савичевым и тем не менее видит его теперь, после рассказа Вадима, отчетливо видит этого почитателя Блока, влюбленного в «принцессу», неспособного подойти реально…

Запугать такого нетрудно. Достаточно намека, туманной угрозы, — воображение дорисует ему остальное. Да, Форд — главарь шайки — недурной психолог. Окутанный тайной, недоступный, он

тем и силен. Мальчишку с фонарем приспособили ловко. Нет, не анекдот! Форду нужно было подать знак, напомнить кому-то о себе, поддать страху.

Кому? Весьма вероятно, — именно Савичеву. Он вряд ли считался особенно надежным — этот юноша, по натуре, видимо, совершенно чуждый «бизнесу».

Что же с ним? Он скрылся, его нет ни на «лягушатнике», ни у гостиницы «Интуриста», ни у Абросимовой. В эту пору «большого бизнеса» Савичев порвал связи с шайкой, насколько можно судить по имеющимся данным. Мотивы? Контрабандное добро, оставленное в общежитии, — свидетельство растерянности, паники. Савичев слабоволен; такие не сразу находят в себе мужество отречься открыто.

Возможно, Савичев надеется выйти сухим из воды. Но не сможет он долго быть в бегах. Не хватит уменья, выдержки.

Чаушев ускорил шаг. Идти до дома уже недолго, каких-нибудь пять минут. Но подполковник поворачивает влево. Короткий переулок ведет в новый район города, к жилмассиву моряков, пылающему высокими созвездиями огней. Там, на шестом этаже, в квартире с балконом, где в

ящиках зеленеют салат, редиска, лук, живет Наталья, вдова судового механика.

12

Валентин идет к Гете.

Улица темнеет, гаснут окна. Вон там сверкают только два окна, — два глаза, наблюдающие за ним с угрозой.

Мысленно он беседует с Гетой. Сперва ему казалось, — он поздравит ее, попросит прощения, в нескольких словах выскажет самое главное и уйдет, не дожидаясь ответа. Она, может быть, кинется за ним. Он не обернется. Но, чем ближе дом Геты, тем яснее Валентину, — не сможет он так уйти, Гета будет спрашивать. Она захочет узнать, от кого он прячется сейчас, кого боится. Как объяснить ей? Объяснить так, чтобы не оказаться трусом в ее глазах, жалким трусом…

Когда он приблизился к подъезду, стало еще труднее. Нет, сказать ей: «Я боюсь» — просто невозможно!.. Все же он поднялся. Прислушался. Загадал, — если услышит за дверью ее голос, ее шаги, тогда позвонит.

Он стоял на площадке полчаса или час. Квартира точно вымерла. «Нет дома», — подумал Валентин с каким-то неясным чувством, в котором смешались и облегчение, и досада, и даже вспыхнувшее вдруг озлобление против Геты.

В глубине этой тишины, этого невозмутимого покоя, сгустившегося за дверью, пробудился телефон. Подошла мать Геты.

— Анечка!

Снова тишина, — должно быть, неведомая Анечка что-то говорила там, на другом конце провода.

— Ни в коем случае! Боже тебя сохрани!

Тишина.

— Там же негде купаться! Там же рынка нет фактически! Нет, нет, ты сошла с ума!

Голос еще долго убеждал Анечку не ехать куда-то, где нет ни рынка, ни купанья, нет грибов, ягод, — одни комары. Голос звучал из другого, беспечного мира; и Валентина вновь стало томить ощущение, возникшее еще на вокзале, а может

быть, и раньше. Ощущение решетки, невидимой решетки, отделяющей его от жизни, бушующей вокруг, просторной и привольной.

Анечка между тем перестала настаивать и начала прощаться, но спохватилась.

— Да… Нет, я уже была.

Речь шла теперь о каком-то артисте, видимо, очень понравившемся неугомонной Анечке, так как мать Геты сказала:

— А мне не очень… Гета говорит, он переигрывает. Она права, по-моему. Знаешь, она ведь у нас авторитет по искусству.

Смех. Опять тишина.

— У нее?.. Ничего, все по-прежнему.

Рычажок звякнул. Тишина затопила все. «Геты нет дома», — повторил себе Валентин.

А впрочем, все равно… Решетка, в которой он метался сейчас, беспощадна, как никогда. Она перед ним, и медная дощечка с именем профессора Леснова, по которой Валентин провел ногтем и тотчас отдернул руку, — это осязаемое звено решетки.

У Геты все по-прежнему… Да, конечно! Ах, актер переигрывает!.. Какие еще у нее заботы?

А какой актер? Валентин перебирал в памяти виденные спектакли. Кто переигрывал? Мысли

его путались; он не мог вспомнить даже названия пьес, — все слилось в пестрый, крутящийся сгусток лиц, декораций. Он оборвал эти назойливые поиски, упрямо сказал себе, что Гета вчера была в театре. Да, вчера, когда он лежал, закрыв платком глаза, на скамье в зале ожидания.

Кто-нибудь из хлыщей, увивавшихся около Геты в субботу, в день ее рождения, пригласил ее… Ну, ясно! Ипполит или еще какой-нибудь вундеркинд…

Теперь даже безмолвие за дверью злило Валентина. Там все по-прежнему, им там нет никакого дела до него… Он медленно спустился, вышел на улицу. Огромный грузовик пронесся, грохоча, рядом с тротуаром. Валентин отскочил, потом печально улыбнулся. Эх, пусть бы наехал. Тут, под ее окном.

Затем все стало гаснуть в вязкой, удушающей усталости. Все — и гнев, и боль, и настораживающая, не дававшая передышки мысль о Старшем, о мстителе за спиной.

До сих пор самая мысль явиться ночевать в общежитие или к тете Наталье пугала его, — ведь эти его адреса слишком хорошо известны. Теперь он взвешивает, где все-таки безопаснее, и делает при этом мучительное умственное усилие. Пожа-

луй, лучше к тете…

Найдут?.. Все равно!

13

— Пришел, — тихо говорит Наталья, впуская Чаушева. — Спит… Ой, будить жалко!

— Не надо пока.

Они улыбаются друг другу — Чаушев и Наталья, когда-то красивая, отчаянно бойкая, теперь расплывшаяся, присмиревшая. В глазах не огонь молодости, — спокойный свет доброты.

Чаушев доволен. Он рад за Савичева, — нашелся, цел и невредим. Кроме того, Михаил Николаевич испытывает и профессиональную гордость, — гипотеза его начинает оправдываться.

В столовой чисто. Щурится румяная матрешка на чайнике, белеют кружевные покрывала на швейной машине, на полочках с вазочками,

на столике под приемником, — шитье самой хозяйки. Портрет механика Кондратовича — скуластого, с лихо закрученными вверх усами. Человек, который был примером честности, сердечного внимания к товарищам.

Чаушев понял сразу, — Наталья и не подозревает, какая беда постигла ее племянника. Здесь, в этой семье, ни на ком не было пятна.

— Спрашивали его?

— Мужчина какой-то... Я ему, как вы велели: «Болен, — говорю, — не встает». Рявкнул по-медвежьи — «ладно!» — и трубку повесил.

— Отлично, — кивнул Чаушев.

— А Валя... Едва вошел, — «Меня, — говорит, — ни для кого нет дома, тетя Наташа. Сказать ничего не могу, — говорит. — После...» Шатается, вроде и вправду больной. Замучили вы его.

Так и есть! Решила, что он связан с пограничниками. Выполнял какое-нибудь задание. И не удивилась, — ведь Савичев бывает в порту, на пароходах, — со студенческой бригадой грузчиков. Пока все ясно в честной голове Натальи. Это очень, очень тяжелая обязанность — войти вот в такой дом и сказать; близкий вам человек совершил преступление.

Но что делать! Чаушев смотрит на часы. Вер-

но, дома уже дожидается Стецких. Пора будить парня.

— Прочитайте-ка! — слышит Чаушев. — Заглянула я, а он спит не на диванчике своем, одетый, а на полу.

Два клочка, разорванная почтовая открытка. «Мы долго, может быть никогда, не увидимся. Я недостоин тебя. Любящий тебя В.»

— Леснова, профессора дочка… Невеста с форсом. Куда ему! Он ведь телочек… И в кармане пусто. Не в свои сани полез, бедняжка.

«Э, да разве в этом только дело!» — хочется сказать Чаушеву. Он отодвинул клочки и молчит. Ему жаль Наталью. Однако надолго ли можно сохранить ее иллюзии, ее чистого, честного Валю! Ну, еще на несколько минут…

Почему он разорвал открытку? Не стало духу проститься с девушкой или понадобились другие, более суровые слова… Людям слабохарактерным свойственно бывает возлагать вину за свои несчастья на других. Оправдывать себя, ссылаясь на условия, на вмешательство со стороны. А Гете, как видно из послания, неведома вторая, темная жизнь юноши. Он никого не допускал туда, — из стыда и страха. Если Гета и виновата, то лишь в том, что не сумела разглядеть…

Ведь она могла бы спасти его! Неплохая девушка — неглупая, прямая, начитанная; но что можно требовать от нее, привыкшей только пользоваться, брать. Что в основе основ воспитания — труд, коллектив, истина старая, но мы не всегда замечаем все последствия дурного, потребительского воспитания. Бьем тревогу, когда они вступают в противоречие с законом, а Гету судить не за что… Она-то честная! Для себя…

Такой человек всем хорош: как будто и правил не нарушает, и не обижает никого; одно отнято у него, съедено себялюбием, — это способность давать счастье другому, а следовательно, и самому быть по-настоящему счастливым.

Чаушев встал.

В соседней комнате ничком, словно подстреленный в спину, лежал Савичев. Правая рука, давно немытая, почти черная свесилась, и пальцы, касаясь пола, чуть вздрагивали. От ног с продранными носками пахло потом.

Следом за Чаушевым тихо, затаив дыхание, вошла Наталья. Подполковник нагнулся и потрепал всклокоченные волосы спящего.

Валентин перевернулся, вскочил.

— Что? — он задохнулся, увидев пограничника в форме. — Вы… Вы за мной… Да, да, все понят-

но…

Он сел и нелепо выбросил вверх руки, потом поднялся, нетвердо встал, а руки его, ослабевшие от сна, надламывались, словно кто-то рывком тянул их к потолку.

— Я все… все… расскажу…

Он бормотал испуганно, еле внятно, не спуская с Чаушева воспаленных глаз.

Глухой, тяжелый звук заставил Чаушева обернуться. Наташа!.. Эх, не предостерег!.. Он кинулся к ней, нащупал пульс. Счастье, что упала на ковер. Чаушев обхватил ее за плечи; голова, туго стянутая темной косой с искорками седины, откинулась.

— Какого черта вы стоите! — крикнул он Савичеву. — Воды скорей!

Он побрызгал на нее; она пошевелилась. Вдвоем перенесли на диван.

— Ну вот… Уже и в обморок! Эх, Наташа, ну как не совестно! Не арестован твой племянник, успокойся! Не затем я пришел вовсе. У меня и права такого нет — арестовать его. Без ордера разве положено…

Он приговаривал, утешая ее, как девочку. Она не слышала, — но он говорил, чтобы дать исход волнению.

Он повторил все это, когда она очнулась, прибавил, что история с Валентином не ахти какая ужасная, — запутался парень по молодости лет. До тюрьмы дело не дойдет. Во всяком случае, он — Чаушев — позаботится.

— Лежите! — приказал он ей и увел Валентина в столовую.

— От вас нужна полная откровенность, — заявил Чаушев. — Учтите, — нас не обманете. Вас видели у гостиницы. Вы сбежали с вещами, а ваш напарник, по кличке Нос, задержан. Вещи вы бросили под свою койку… Верно?

— Да, — выдавил Валентин.

— Не сегодня-завтра вас вызовут, и вам придется дать подробные показания. Все начистоту, ясно?

— Да, да… Клянусь вам!

— Я верю, — просто сказал Чаушев. — Сейчас у меня несколько вопросов. Во-первых, — вы принимали какие-нибудь сигналы от вожака шайки, от вашего Форда? В субботу ночью, световые, с того берега!

— Нет… Я не успел…

— А вас предупредили?

— Да.

— Кто?

Полчаса спустя Чаушев ушел, велев юноше до завтрашнего дня не отлучаться из дома. Беседой Чаушев остался доволен.

Шагая к дому, он подводит итоги. Нужно ли искать еще какого-то Форда, вожака шайки? Пора кончать, пора стягивать петлю, — ведь все указывает на то, что вожак — Лапоногов, а Форд, Старший — призрак, созданный Лапоноговым. Он сам устроил световую депешу от Старшего, сам! Это-то и разоблачает его. Недурно сварила его кулацкая башка! Именем Старшего эксплуатировать своих подручных, держать в страхе…

Капитан Соколов — тот уже высказал как-то сомнение в существовании Форда. Очень уж неуловим, безлик, никому неведом! Прямо-таки сверхъестественно!

Чаушев сводит воедино все, что ему известно о Лапоногове, составляет портрет. Да, кулак до мозга костей. Отец его состоял на советской службе, был помощником начальника небольшой станции на железной дороге, но ради зарплаты и общественного положения. Главное — собственный дом, участок земли. Недавно отец умер. Хозяйство ведет мать Лапоногова; она сдает комнаты дачникам, торгует на базаре овощами. Нередко у нее на огороде работают нанятые люди,

конечно, под видом «родни», пожелавшей безвозмездно помочь… Открылось это еще три года назад, когда пограничники задержали иностранного моряка, сбывавшего Лапоногову партию галстуков. В институте был товарищеский суд, решили взять на поруки.

Чего доброго, и сейчас в институте найдутся люди, готовые оставить хорька в курятнике. Люди, которые дискредитируют драгоценное коммунистическое начинание — общественный суд. Спекулянты красным словцом.

После суда Лапоногов очень редко показывался на «лягушатнике», перестал встречаться с иностранцами в открытую. Завербовал подручных. Молодежь, большей частью бездельники, падкие до заграничного барахла, жаждущие легких доходов. Сам Лапоногов — не стиляга, не гонится за модой. Одевается подчеркнуто-просто, — играет своего в доску парня, братишку-моряка…

Чаушев спешит. Ему не терпится выслушать доклад Стецких. Вдруг не совпадут приметы! И вся цепь умозаключений рухнет.

Не может быть! Однако Чаушев волновался. Ощущение проверки, экзамена ему всегда нравилось, еще со школьных лет. Курьезно, что в роли проверяющего невольно выступит Стецких. Стец-

ких, который наверное сейчас сидит в гостиной с обиженным видом человека, сбитого с толку, сделавшегося лишним. Стецких, посчитавший всю историю с фонариком анекдотом. Что ж, пусть пеняет на себя! Он отстранился с самого начала. Зато теперь ему будет урок.

Так и оказалось, — Стецких печально листал старый журнал. Гостиная — крохотная комнатушка выгороженная застекленными стенками — вся наполнена атмосферой душевных страданий лейтенанта. Екатерина Павловна — жена Чаушева — дала ему чаю с коржиками и вернулась к себе, — к стопке ученических тетрадок по естествознанию.

— Ваше приказание выполнено…

Котьку лейтенант разыскал. Незнакомец, заказавший сигналы, говорит грубым голосом, коренаст, называл Котьку «салагой». Серый пиджак, расшитая рубашка. Котьке она понравилась, и узор на вороте и на груди, красный с синим, он запомнил.

— Отлично! — крикнул Чаушев. — Отлично! — Он благодарно улыбнулся лейтенанту. — А Соколов?..

— Обещал приехать.

— Ладно… Ну вот, а вы сразу, — анекдот!

Таким же тоном прошлой ночью — да, всего сутки тому назад — Чаушев сказал ему «а вы сразу — взыскание!» Это по поводу сигналов, принятых Тишковым. Стецких потупился. Сутки сплошных неудач!

— Садитесь. — Рука Чаушева мягко легла на его плечо. — Пока нет Соколова…

Гостиная располагает к беседе. Сколько перебывало здесь людей! Одни — это большей частью родители школьников — идут к Екатерине Павловне. Другим нужен совет Чаушева, своего друга.

Стецких слышит поразительную новость. Человек в сером пиджаке, заключивший с Котькой пари, казалось шуточное, — опасный преступник, главарь банды.

— Да, на первый взгляд, невинная штука! Расчет был довольно тонкий. Но Лапоногов не знал, что он и вся компания на прицеле у нас, давно на прицеле.

Стецких подавлен. Он уважает логику; она неизменно покоряет его. В том, что говорит Чаушев, логика безупречна. Возразить решительно нечего.

— Видите, как полезно, бывает выходить за ограду порта, да и вообще… Вообще знать жизнь.

Стецких испытывает стыд и острое желание исправить свой промах, исправить сейчас же, не медля ни минуты. Пускай с опозданием, но присоединиться к операции. Вступить в последнюю, решающую схватку с бандой. Что-то совершить… Чаушев безжалостно разбивает его мечты.

— Вам поручение, — слышит Стецких. — Наведайтесь в районный Дом пионеров. Вам соберут ребят, и вы… Попроще только, поживее… Расскажите им про «лягушатник», — это очень важно. Ведь фарцовщики используют детвору.

И Чаушев пояснил, как спекулянты примечают мальчишек, завязывающих обмен значками, марками, затем вмешиваются в разговор: «Марки? Могу вам достать целую серию. А что еще интересует?»

Старинные часы в гостиной вздыхают, хрипят, — собираются бить полночь. Раздается звонок в парадной.

Это Соколов.

Чаушев, ликуя, выложил ему плоды поиска. Удивления на лице капитана не отразилось, — оно стало лишь немного мягче, спокойнее.

— Все соответствует, — промолвил он. — За Лапоноговым глаз все время, так что…

Он мог бы пояснить, — человека в сером пиджа-

ке видели в субботу на «лягушатнике», видели, как он толковал о чем-то с мальчиком. Глаз за этим человеком давно. Но Чаушев не нуждался в пояснении.

Соколов отставил стакан, аккуратно, без стука, опустил в него ложечку, закрыл портсигар с головой Руслана на крышке, и во всех этих движениях была красноречивая для Чаушева, спокойная завершенность. А породить ее могло лишь полное совпадение данных, полученных из разных источников, касающееся и личности человека в сером пиджаке, и его поведения в субботу, на «лягушатнике».

— Картина ясная, — раздельно отвечает Соколов; его озабоченный тон мешает Чаушеву насладиться в полной мере своим успехом. Что смущает капитана? Разве не пора стягивать петлю, захлестнуть всю компанию, вместе со Старшим?

— Нет, — качает головой Соколов. — Подождать придется. Еще денек.

— До ухода «Франконии»?

— Да.

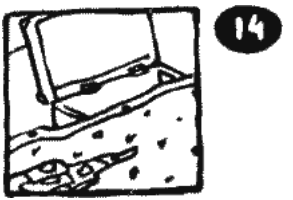
— Что-нибудь насчет буфетчика?..

— Большой бизнес, — пожимает плечами Соколов, а подполковник мысленно досказывает.

Надо присмотреться к этому большому бизнесу. Недаром на борту «Франконии» — разведчик, маскирующийся официантом в буфете.

— Странный бизнес. — Капитан переводит дух, словно готовясь произнести длинную речь. — Ничего не покупают здесь. Продают пока только. Собирают деньги.

14



Утро. Чаушев отправляется на службу.

— Дядя Ми-и-ша! — тоненько, на одной ноте тянет Юрка, догоняя подполковника. Гулко хлопают по асфальту большие Юркины сандалии, купленные на рост.

— А, юнга! — улыбается Чаушев. — Что, каникулы скоро? Радуешься?

— Скоро, дядя Миша.

— Табель выдали?

— Нет еще, дядя Миша… Дядя Миша, а племянник тетки Натальи нашелся. Пропадал который.

— Вот и хорошо, — кивает Чаушев.

— Дядя Миша, вы тогда верно сказали, — тараторит Юрка. — Вы сказали: «Давай обождем, искать не будем пока…» Вот если бы не пришел… Тогда тревога, дядя Миша. Да?

«Положим, тревога была, — думает Чаушев. — Когда-нибудь Юрка узнает. Сейчас, пожалуй, рано ему, многого не поймет».

Только позавчера, тотчас после отхода «Франконии», закончила свое существование шайка Форда, и лица, события все еще перед глазами.

Грузный, с глазами навыкате, щекастый Ланг, похожий в своем зеленом плаще на большую лягушку… Возвращаясь на теплоход, он нес в чемодане пуховое одеяло. «Подарок родственницы», — объяснял он, посмеиваясь. Трогательная старушка воображает, что в каюте холодно! Скрывая беспокойство, господин Ланг следил за пальцами таможенника, ощупывающего одеяло.

Двенадцать тысяч рублей извлекли из одеяла. Их зашила Абросимова по приказу Лапоногова, — все деньги, причитавшиеся господину Лангу за проданные блузки, галстуки, отрезы, белье. Двенадцать тысяч новенькими советскими бу-

мажками, как видно, срочно нужными кому-то за рубежом для снаряжения какой-либо тайной вылазки на нашу землю. Оружие, карты, рацию изготовили, а вот новых советских денег не хватило.

Господин Ланг вряд ли остался в накладе. Недаром на борту «Франконии» находился тот, с военной выправкой, в сюртучке буфетчика… Он не сходил на берег, — это и не требовалось. Разведка наверняка оплатила хлопоты господина Ланга. Он убрался отсюда, целый и невредимый, но у него уже нет здесь партнеров — «родственницы» Абросимовой, двуликого Форда — Лапоногова.

Раза два, любопытства ради, Чаушев присутствовал на допросе главаря шайки. Он все отрицал сперва. Однако среди кредиток, найденных в одеяле, оказались те, что попали от Абросимовой к Вадиму. Номера сошлись… Кроме того, на квартире у Лапоногова было обнаружено денег — советских и иностранных — и разных ценностей на девяносто семь тысяч рублей.

— Эх, стал бы я скоро стотысячником, кабы не вы! — признался Лапоногов капитану Соколову.

— И что же? Остановились бы?

— Вы не поверите, гражданин начальник, — потупился Лапоногов. — А на что мне больше!

— Не поверю, — отрезал Соколов. — Ведь Форд — миллионер.

— Так то настоящий… Опротивел мне бизнес, гражданин начальник. Ну их, деньги! Морально тяжело.

Нет, стяжатель не остановится. Жадность его безгранична. Чаушев с брезгливостью вспоминает спекулянта, изображавшего душевный перелом и раскаяние.

Недели через две будет суд над шайкой. Дело о ней будет завершено, папки с бумагами лягут на полки архива. Да, в юридическом смысле это конец, точка. А по-человечески… Ставит ли точку жизнь и когда?

Вчера Чаушев зашел к Лесновым.

Леснов молодцом, уже три тысячи операций на счету. Вышел из печати объемистый труд по хирургии. Член научных обществ Лондона, Рима, Стокгольма. И что хорошо, — он так же прост, скромен, как прежний Леснов, судовой врач на грузовом пароходе. Я, мол, чернорабочий, камни из печенок вынимаю. Вот у пограничников всегда интересные новости! И все за чайным столом умолкли, глядя на Чаушева. Бывало, он рассказывал такие интересные истории!

Рассказал и на этот раз. Про шайку Лапоногова,

про Валентина, про Гету, — конечно, не называя имен. Гета сидела против Чаушева, и он увидел, как она побледнела. Жестоко, может быть? Нет, он не мог, не должен был умолчать…

Старшие Лесновы — те ничего не заметили. Им и в голову не пришло, что эпизод из мира преступления и сыска, из мира столь же далекого от них, как льды Антарктики, может иметь хотя бы малейшее отношение к дочери.

— Насчет студента я имел беседу с директором института и в комитете комсомола, — сказал Чаушев. — Парня оставят на учебе.

Он осторожно выбирал слова и поэтому выражался суше, чем обычно.

— А как с девицей? — воскликнула мать Геты. — С нее как с гуся вода! Ух, я бы эту бесчувственную тварь!..

Каштановые волосы Геты все ниже, ниже опускаются над чашкой, вот-вот упадут в чай.

— В уголовном кодексе, — ответил Чаушев, — нет статей, карающих за нечуткость, за эгоизм, так что органы правосудия в данном случае…

— Вы хоть внушили ей? — перебила мать Геты. — Или она пребывает в святом неведении, эта…

— Теперь ей уже известно, — дипломатично, стараясь не глядеть на Гету, молвил Чаушев.

— И как? Дошло до нее? Воспитывают вот таких белоручек, держат как в оранжерее, а потом…

Несмотря на всю серьезность положения, Чаушева начал разбирать смех. Он наверно расхохотался бы и придумал бы объяснение, но в эту минуту Гета вдруг вскочила и, не то охнув, не то всхлипнув, выбежала из столовой. Светлое платье ее молнией сверкнуло по чашам и кубкам на стеллажах, по холодному полированному металлу.

— Гета! Что с ней?

Лескова вопросительно обернулась к мужу, потом к Чаушеву.

Чаушев пожал плечами.

«Ябедничать не стану, — решил он. — Гета уже взрослая. Пусть — сама».

— Она вообще не в своей тарелке последнее время, — подал голос Леснов. — Ты не находишь, мамочка? Возрастное явление, по всей вероятности.

Когда Чаушев уходил, Гета окликнула его на лестнице. Он услышал быстрый, задыхающийся шепот:

— Михаил Николаевич, где он?.. В общежитии, да? Хорошо, я побегу к нему…

— Беги, конечно, беги, — обрадовался Чаушев. — Беги, девочка, — прибавил он тихо, почти про себя, провожая ее взглядом.

Как сложатся их отношения, гадать не стоит. Ложь многое испортила. Ясно одно, — такое не забывается. Сейчас Гета уже не та, что прежде, она стала старше.

Как раз теперь Савичев нуждается в поддержке. Ему очень трудно. Правда, Чаушев предложил не давать делу широкой огласки в институте, обойтись без публичного суда. Юноше и без того

стыдно. Вчера вечером он собрал свои вещи и заявил Вадиму, что уезжает домой, в Муром. Бросает учиться, не смеет называться студентом…

Вадим и тут не сплоховал, взял да и запер своего друга в комнату и позвал комсорга. Вдвоем они до полуночи обрабатывали Савичева. Отняли билет на поезд…

Все эти события и лица теснятся сейчас в голове Чаушева, шагающего на службу. Знакомый поворот, взрыв солнечного света впереди, мачты, чайки, дыхание моря в лицо.

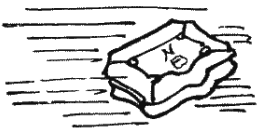
В кабинете все по-прежнему — пучок острых, тщательно очиненных карандашей на столе, безмолвие сейфа. Ни следа недавних волнений, раздумий. Все та же старая, потускневшая от времени панорама порта на стене. Снять, непременно снять! И опять появляются мысли о близкой отставке.

— …Происшествий никаких не случилось, — докладывает дежурный офицер. — «Донья Селеста» ожидается часам к четырнадцати.

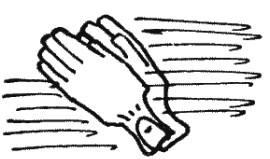
Ах да, с Кубы, с грузом сахара. Скоро идти встречать…

СОДЕРЖАНИЕ

Тропа Селим-хана 5



Кто сказал, что я убит? 123



Два и две семерки 161

